

НАУЧЕН ФУЗУМ

**ВЕЧНЫЙ
КОМИССАР**

ЧР. ЖОСЕФ НЕДАВА

**ВЕЧНЫЙ
КОМИССАР**

**ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
АЛЕКСАНДРА ВОРОНЕЛЯ**

ПРОФЕССОР ИОСЕФ НЕДАВА РОДИЛСЯ В 1915 г. В РОССИИ. ПОЛУЧИЛ ОБРАЗОВАНИЕ В УНИВЕРСИТЕТАХ ЛОНДОНА И ПЕНСИЛЬВАНИИ. ПРЕПОДАВАЛ ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОВЕТОЛОГИЮ В БАР-ИЛАНСКОМ И В ХАЙФСКОМ УНИВЕРСИТЕТАХ В ИЗРАИЛЕ. АВТОР МНОГИХ КНИГ ПО ПОЛИТИКЕ И ПО СИОНИСТСКОМУ ДВИЖЕНИЮ.

КНИГОТОВАРИЩЕСТВО
"МОСКВА – ИЕРУСАЛИМ"

*Книга впервые опубликована по-английски под названием
"Trotsky and the Jews"*

© Josef Nedava
© Russian edition
"Moscow-Jerusalem"

*Перевод – Борис Таубин
Литературная обработка – Юрий Колкер
Обложка – Полина Левина*

ВЕЧНЫЙ КОМИССАР

Однажды меня поразила фраза, прочитанная в посредственной советской книжке: "Веками свершалась на земле несправедливость: богатые угнетали бедных, сильные обижали слабых..."

Откуда мы можем знать, что на земле свершается несправедливость, если само понятие справедливости мы извлекаем из окружающего мира? Иными словами, почему мы знаем, что существующий порядок несправедлив, если никакого другого порядка на земле никогда не было? Либо все-таки в мире господствует справедливость — и в том и состоит, что сильные обижают слабых — либо наш идеал справедливости мы заимствовали не из мира сего. Но если, в самом деле, мы получили его свыше, не стоит ли нам присмотреться внимательней к самому процессу? От кого и как мы получаем эти бесценные сведения? Правильно ли их понимаем? Верно ли передаем?

Первый урок такого рода мы находим в книге Исхода. Высокоставленный воспитанник царской семьи вышел как-то прогуляться, осмотреть постройки и увидел, как египетский надсмотрщик бьет раба-еврея. Почему это показалось ему несправедливым? Разве в этом было что-то необычное? Библейский текст скуп на психологические детали. Но все же там отмечено, что он "посмотрел туда и сюда", прежде чем убил египтянина. Т. е. его поступок был вполне осознанным.

Науке не вполне ясно, кем был исторический Моисей, но всем уже давно ясно, что его одержимость идеей справедливости навеки запечатлелась в характере еврейского народа. Поэтому нет ничего необычного в том, что примерно с такого же эпизода началась и борьба за справедливость в скромной семье разбогатевшего еврейского арендатора Давида Бронштейна, когда маленький Лев впервые увидел на пороге своего дома босую женщину-батрачку, терпеливо ожидавшую своей платы. Вряд ли Давид Бронштейн обращался со своими батраками хуже, чем это было принято в их среде, иначе он не пережил бы двух русских революций, но легко предположить, что он не был ангелом. Как бы то ни было, сам Лев Давидович объяснял потом затяжной конфликт с отцом своим врожденным инстинктом справедливости.

Конечно, в такой решительной защите угнетенных, кроме жажды справедливости, содержится и элемент семейного бунта, потребность утвердить свою суверенную волю, вопреки давящей власти отца и традиции, своеволие. Если Моисея семейный бунт привел к изгнанию в пустыню, где он осознал свою кровную связь с еврейским народом, свое призвание спасти его, как, если бы он "носил во чреве весь народ сей", молодого Бронштейна борьба с семьей привела также и к отчуждению от еврейства. Лев Давидович превратился в яркого, строптивого отщепенца сначала в семье, потом в своей среде, в своем народе, а затем и в стране. Он не доучился еврейству у меламеда, он не сумел доучиться и до конца курса реального училища. Иностранным языкам он учился по многоязычной библии, которую сестра передала ему в тюрьму... Он не остался недоучкой в смысле недостатка каких-нибудь сведений, но он не освоил никакой профессии, не приготовил себя к жизни ни в каком реальном обществе. Вскоре он эмигрировал из России под псевдонимом Троцкий.

Автор книги, проф. И. Недава, приводит объяснение псевдонима, данное бывшим соучеником и сверстником Л. Бронштейна, врачом-психиатром Г. Зивом. Зив утверждает, что молодому Бронштейну исключительно импонировала представительная, авторитарная фигура надзирателя Одесской тюрьмы, Троцкого, где оба они Л. Бронштейн и Г. Зив провели несколько месяцев за участие в юношеских политических кружках. Я, конечно, не решаюсь категорически оспаривать бывшего близкого друга (со временем ставшего врагом), но я не сомневаюсь, что по крайней мере не меньше, чем личность надзирателя, Бронштейну импонировала его фамилия, которую он, конечно, мысленно производил от немецкого (и идишистского) слова "тротц", означающего "вопреки", "наперекор". Насколько такая интерпретация близка к истине видно также из другого его литературного псевдонима, который, в сущности, повторяет первый — Антид Отто, что означает по-итальянски противоядие (антидот). Оба эти языка он изучал одновременно в той самой тюрьме, используя многоязычную библию.

Таким образом, не только чувство справедливости, но также детский негативизм, укрепленный юношеским упрямством (der Trotz), превращают Льва Бронштейна в Троцкого — человека, чья жизнь целиком посвящена борьбе, противостоянию, революции. Положительные проекты, вроде сионизма, или, хотя бы, пост-

роения социализма в одной стране не вызывают у него энтузиазма. Все страны, на его взгляд, заслуживают разрушения и революции. Он знает о них, обо всех, достаточно, по их собственным газетам, которые бегло читает на многих, освоенных вышеописанным способом, языках. Он не слишком сближается и с людьми и не умеет вербовать и удерживать сторонников. Лишенный семейного тепла, он не может понять и других нерациональных пружин человеческой лояльности. От сторонников он требует верности не себе, а идее. Его радикализм подстать его своеволию: "Все или ничего!" Возможно, он был гением.

Такой путь к революции, довольно характерный для революционеров-евреев, оказывается, вовсе необязателен для многих известных революционеров других национальностей. Энгельс, Плеханов и Ленин не вступали в такие непримиримые конфликты с семьей, социальной средой и собственным народом, какие характерны для Лассала, Розы Люксембург и Троцкого. Проф. Недава приводит множество биографических сведений о евреях-революционерах, современниках Троцкого, которые во многих деталях повторяют черты его биографии, а также их высказывания, характеризующие их среду, образ мысли и склад характера. Несомненно, что образ поведения Троцкого, форма жизненной карьеры, его отношение к миру* являются в чем-то характерными для многих ассимилированных евреев, воспроизводят один из специфических вариантов еврейской судьбы. В этом отношении автор книги совершенно беспощаден. Будучи сионистом, т. е. безусловным приверженцем другой, как бы противоположной, еврейской идеологии, он, в отличие от апологетической еврейской литературы, легко принимает и даже подтверждает фактами многие из обвинений против евреев, которые принято считать главным оружием антисемитов. Его статистика участия евреев в социалистических партиях России подтверждает наблюдения В. Шульгина и других эмоциональных антисемитов, объявлявших организацию революции в России делом еврейских рук. В общем, эта статистика и впечатления многих современных наблюдателей подтверждают, что еврейское участие в революции с начала XX века, если и не было преобладающим, то по крайней мере равным с основным в Империи русским народом. Также и многочисленные факты от-

---

* Это отношение адекватно выразил другой революционер-еврей Карл Маркс: "Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его переделать..."

вратительной маскировки евреев-революционеров под коренные национальности (русских, поляков и пр.) автор склонен не скрывать, а выпячивать, поддерживая тем самым некоторые из худших антисемитских нареканий.

С чисто научной точки зрения автору очень легко возразить. История всех народов изобилует фактами предательства, продажности и всевозможных форм злодейства, так что еврейский народ проявил себя в истории нисколько не хуже всех остальных, включая и эпизод о котором идет речь в книге. К тому же сионизм, как умственное течение, стремившееся к нормализации еврейского народа, мог бы и более снисходительно судить еврейскую мимикрию, наглость или трусость, как грехи, характеризующие скорее "нормальность" нашего народа. Правило "дают — бери, а бьют — беги" придумали не евреи. Любой непредвзятый социологический анализ обнаружит, что специфический культурный уровень городского еврейского населения любой европейской страны, и уж во всяком случае Российской Империи начала века, настолько отличается от окружающего среднего уровня, что общая статистика, сравнивающая относительное число еврейских революционеров с числом русских, просто вводит в заблуждение. Ведь и число миллионеров при такой статистике тоже окажется гораздо большим. И число врачей, и аптекарей, и журналистов...

Евреи-социалисты составляли на V-ом, Лондонском съезде РСДРП около трети всех делегатов, немного отставая только от количества русских. Однако надо заметить, что относительно численности, например, грузин или латышей, они представлены даже слабее. К тому же все евреи, которые попали в руководство (Еврейская рабочая партия — Бунд — была искусно обведена и дискриминирована на этом съезде), попали туда не как евреи, а как представители русских рабочих организаций. Таким образом претензии о засилье евреев в этой ничтожной тогда по численности партии следовало предъявлять не евреям, а русским. Влияние всех оттенков этой партии внутри самого еврейского народа было очень ограниченным и не превышало 20%. Вообще установить процентную или какую-нибудь еще групповую ответственность за произошедшую революцию невозможно прежде всего потому, что львиная доля такой ответственности вообще всегда падает на сами власти, и революционеры способны преуспеть лишь в том, в чем эти власти проявят недалекость и неповоротливость. Естественно также, что в разрушении старого порядка наибольшую

роль будут играть прежде всего люди, которым этот порядок не дорог или даже враждебен.

Однако, вопреки этой объективности, сионистская идеология требует от своего народа большего и открыто осуждает самозванное еврейское участие в чужой истории. Такая высокая требовательность не может быть слишком популярна, однако она показывает, что сионизм только формально ограничивается скромной задачей "нормализации". Своей требовательностью и осуждением отступничества сионизм возрождает древнюю традицию пророков, которые жестоко осуждали именно свой народ за грехи, столь общие всем окружающим народам.

Для еврейского читателя многозначительным должен стать факт, что подавляющее участие евреев обнаруживается именно в тех партиях и течениях, в которых на первый план выдвигаются требования социальной справедливости и братства народов. Это кажется естественным, ибо те же идеи составляют существенную часть библейской идеологии. Библия, будучи одной из самых правдивых книг на земле, не оставляет никаких иллюзий относительно исходной нравственности избранного народа, как, впрочем, и всех остальных. Но Библия же дает нам и тот эталон, по которому эта безнравственность осуждается. Этот эталон все христианские народы заимствовали у евреев. Поэтому именно к евреям они особенно строги в своих суждениях. В книге современного идеолога русского антисемитизма, проф. И. Шафаревича, наряду с мифотворческим энтузиазмом, высказывается очень серьезная мысль: момент распада Российской Империи совпал со временем усиленного разложения еврейского патриархального уклада, и это совпадение страшно повлияло на судьбы обеих сторон.

Распад традиционного еврейского быта привел к тому, что появилось множество молодых людей, избравших для себя более практичный путь освоения светской, христианской культуры и знакомых с еврейской традицией лишь отчасти. Таким образом, если им и были нечужды еврейские побуждения, они проявлялись в нееврейской форме. Все, что касалось сферы осуществления, заимствовалось ими из окружающей их среды. Стремление к социальной справедливости действительно лежит в основе еврейского вероучения, но способы достижения ее внутри еврейства тоже определяются этим вероучением. Что можно совершить для достижения справедливости, а чего нельзя, устанавливает та же традиция, которая внушает исходную мысль. Еврей, вырвавшийся из-

под еврейского культурного влияния в среду другого народа, чьи практические нормы иные, опасен, как канистра с бензином в стогу сена. Многое из идеологии христианских народов по содержанию ему хорошо известно. И у него (а иногда и у них) возникает естественное чувство солидарности. По форме же большая часть того, что исторически сложилось у них, как ограничения их собственного своеволия, кажется ему наивным набором предрассудков. И тогда он совершает подвиги, которые после краткого восторга сулят ему крушение. Опираясь со знакомой ему с детства идеей, ассимилированный еврей с трудом постигает, что значение и применение этой идеи в нееврейской среде иное. Он становится равно чужим и там, и тут, и эту свою чуждость часто субъективно ощущает как высшую ступень объективности. Так, Троцкий, будучи на вершине большевистской иерархии, отверг домогательства еврейской делегации, которая явилась к нему, как к еврею. Он заявил им, что он не еврей, а интернационалист. Наверное он думал, что произвел впечатление своей непреклонностью. Между тем, он, конечно, вызвал омерзение евреев, как отступник и, может быть, насмешку русских, как сухарь и ханжа. Страшнее выглядит его отношение к отцу, который после революции не мог приехать к сыну из-за отсутствия сапог, а Троцкий "не смог ему помочь", т. е. "в стране слишком много раздетых и разутых". Старый Бронштейн умер от тифа в 1922 г. и даже его последнюю просьбу, похоронить его на еврейском кладбище, сын отказался выполнить.

В отличие от того, что думают антисемиты, еврей-революционеры большей частью не столько выражают еврейские интересы, сколько нарушают еврейский стереотип и свою энергию черпают как раз из этого конфликта. Поэтому их амбиция состоит не в том, чтобы принести счастье своему народу, а в том, чтобы как можно категоричнее от него отмежеваться. В разной мере они стыдятся своего происхождения и поэтому не совсем уверенно чувствуют себя в своей роли. Они предпочитают роль возвестителей истины, исходящей от какого-нибудь иного, несомненного авторитета, т. е. роль посланца, комиссара. Тут и кроется психологическая ловушка, приводящая таких людей к духовному и человеческому крушению.

Роль посланца по своей структуре действительно воспроизводит рисунок жизни Моисея. Однако, проявив своеволие, убив египтянина, Моисей еще не приобрел авторитета у евреев. Этого оказалось недостаточно для того, чтобы стать их вождем. Потому ли,

что и тогда это не соответствовало их обычаю, или просто потому, что он и сам не знал еще, какого рода справедливость он защищает? Именно тогда от угнетенных, за которых он вступился, он услышал: "Кто поставил тебя судьей над нами?" Быть может, этот вопрос он задал себе и сам? Он ушел в изгнание после этого на много лет и вернулся лишь тогда, когда был глубоко убежден, что его послал Бог. С тех пор он никогда не колебался и не отклонялся от своего призвания. Его слово превратилось в Закон для его народа. Для комиссара главное — кто его послал.

К. Марксу было уже труднее, но все же он верил — Бог знает почему — что открыл Законы Истории. Троцкому сначала приходилось ссылаться на Маркса, а когда по ходу событий все законы марксизма были нарушены, и он стал большевиком, его единственной опорой остался В. Ленин.

У Троцкого не хватило цельности опереться на себя самого и ему пришлось в конце концов представлять и осуществлять волю Ленина. Ленин всегда знал, чего хотел, хотя это не всегда было одно и то же. Когда Ленин хотел Брестского мира, он послал Троцкого заключить этот мир. Ленин хотел победить в Гражданской войне, и он поручил Троцкому создать новую, революционную армию и привести ее к победе. Пока Ленин настаивал на военном коммунизме, Троцкому приходилось разрабатывать организацию принудительного труда, но когда Ленин решил перейти к НЭПу, он воспользовался планом Троцкого о развитии ограниченного свободного рынка. Всегда и всюду его комиссар оказывался на своем посту в качестве той "золотой рыбки", которая по волшебству исполняет желания. Сам Ленин оставался при этом вне критики, отчасти по состоянию здоровья, отчасти благодаря ореолу, созданному ему Троцким и другими комиссарами в большевистском руководстве. Все претензии, что по поводу Брестского мира, что по поводу военного коммунизма должны были адресоваться Троцкому и, в конце концов, адресовались ему. Он до сих пор обвиняется во всех "перегибах" Советской власти.

Троцкий не сумел противостоять Сталину не только потому, что он ошибся в том или в этом. Он сплхнул как личность. У него не хватило решимости громко заявить свое "я". Он все пытался выступать от имени Ленина, не будучи его верным последователем в точном смысле слова (ибо был слишком самостоятелен), от имени Партии, в которой он никогда не мог получить большинства (ибо он был слишком требователен для массовой

партии), от имени Марксизма, который с таким оглушительным треском провалился в России. А Сталин в это время, хоть и негромко, уже сказал свое "я!", показав многим членам партии, что им при нем будет спокойно. Социализм для них вполне может быть построен в их отдельно взятой стране, т. е. их руководящее положение сохранится, а демократизация и "перманентная революция" не повиснут над ними, как дамоклов меч. В двадцатых годах и в руководстве партии, не говоря уже об обывателях, накопилась свинцовая усталость от ленинских грандиозных проектов и революционного горения. С неосознанным облегчением проводив в последний путь своего слишком строгого бога, построив ему египетскую пирамиду посреди Красной площади, его бывшие соратники вовсе не были расположены голосовать за его посланца и творческого продолжателя. Они предпочли делового исполнителя (как им казалось) их коллективной воли. Все они погибли раньше Троцкого. На его глазах погибли также все его сторонники, два его сына и обе дочери. Лев Троцкий учил языки по Библии, но вряд ли был достаточно внимателен к самому тексту. Поэтому он бы не понял, если бы человек, который приуготовил ему его участь, сказал, что поступит с ним, как Навуходоносор поступил с царем Цидкиягу* (Седекией в русском произношении). Этот человек, бывший студент Тифлисской Духовной Семинарии, Иосиф Джугашвили, знал, конечно, Книгу Книг и человеческую натуру гораздо лучше Троцкого и опирался только на себя. Заботы о справедливости никогда не отягощали его душу.

---

* "И сыновей Седекии закололи пред глазами его". 4-я Книга Царств, 25, 7.

ВВЕДЕНИЕ

Тема, занимающая нас и вынесенная в название этой книги, может трактоваться лишь на фоне колоссальных политических и социальных изменений, потрясших Россию в начале этого столетия. Уникальность личности Троцкого, исключительный характер его воздействия на свое поколение еще более расширяют круг вопросов, по необходимости затронутых автором. Для читателя не должно быть неожиданностью, что рамки этого труда шире, чем жизнь и карьера исторического лица в его отношении к определенному вопросу.

Троцкий был одним из исполинов нашего времени. Все, что он говорил и делал, влияло на множество людей, простиралось через государственные границы. У него были и есть преданные сторонники, и можно с полным основанием полагать, что мысли его найдут то или иное отражение и в последующих поколениях.

Еще важнее, с нашей точки зрения, то, что судьбу Троцкого можно рассматривать как типичную еврейскую судьбу. В личности Троцкого как бы сфокусированы основные проблемы еврея диаспоры, специфического продукта среды, духовно больной в течение столетий. Во многих отношениях Троцкий явился квинтэссенцией как возвышенно-творческого, так и разрушительного начал, присущих еврейству в изгнании. Будучи, по характеру своему, крайне порывистым и фанатично преданным идеалу, он словно сосредоточил в себе самую сущность еврейской трагедии. Больше, чем кто-либо другой, Троцкий знаменовал собою характерную тревожность еврейства, притом не только в своем, но и в соседних поколениях, на долю которых выпало столько эпохальных перемен.

Считавший себя законченным интернационалистом, Троцкий, тем не менее, носил в себе неизгладимую печать национальной принадлежности, фатальным образом никогда не мог вполне освободиться от своего еврейства. Отталкиваемый им иудаизм оказался его неизлечимой болезнью. Во всем хорошем и во всем плохом, что исходило от него, — в нем неизменно узнавали еврея. Те, кто смотрел на его карьеру с одобрением,

копались в его еврейском прошлом, выискивая мотивации поступков наркома в высоком еврейском идеализме; его противники — а их было великое множество — приписывали ему все недостатки его расы. Уже только поэтому вопрос о восприимчивости (и невосприимчивости) Троцкого к еврейским проблемам кажется нам одновременно и интересным, и важным.

Троцкий сформировался под непосредственным влиянием *черты оседлости*. Возможно, поэтому его никогда не оставляла жгучая ненависть к царскому самодержавию, вообще ко всему, что исходило от русского имперского режима. Отвращение к погромам было как бы частью существа Троцкого; он думал о них всегда, они раздражали его чувствительную нервную систему, постоянно подталкивали его к революционной деятельности. Известное дело Бейлиса тоже способствовало его революционному рвению. Равенство и достоинство людей стали главными революционными догматами Троцкого, — и произошло это во многом благодаря осознанию им того, что евреи — самый угнетенный, самый униженный народ царской России. Более того, даже и самое принятие Троцким принципов марксистской революции кажется порою в известной степени невольной маской (в этом он не сознавался, вероятно, даже и самому себе), личиной подлинного его восстания против ужасающих нищеты и бесправия, царивших в тысячекilометровом гетто, в пресловутой *черте*, где жили российские евреи.

В книге рассматривается и отношение Троцкого к религии. Воинствующий атеизм Троцкого, его отход от национально-религиозной традиции были столь же искренними, сколь и декларативными. По нашему убеждению, иудаизм сыграл определяющую роль в формировании личности Троцкого. Как и в других великих религиозных системах (и, может быть, больше, чем в них), в еврейском мышлении религия далеко выходит за пределы исполнения ритуалов и церемоний. Она охватывает все стороны жизни, пронизывает традицию и мораль — и не может быть изжита в одном поколении, отброшена усилием воли одного человека, — даже такой воли, какую обладал Троцкий. Подобный подход позволяет, по нашему убеждению, продвинуться в понимании отношения Троцкого к ассимиляции и к территориальному решению еврейской проблемы, в частности, к сионизму.

Пытаясь оценить роль Троцкого в Октябрьской революции и в гражданской войне, мы снова сталкиваемся с более широкой

проблемой: в какой мере участие Троцкого в этих эпохальных событиях характеризует участие в них российских евреев как таковых? Забыв о Троцком, исключив его из поля зрения, невозможно определить долю правды в часто повторяемом тезисе, что большевизм — явление чисто еврейское и что без евреев Октябрьская революция никогда бы не произошла.

Многие из тех, кто знал Троцкого, например, Макс Истмен, утверждали, что Троцкий был совершенно свободен от "еврейского комплекса". При всем своем внешнем правдоподобию суждение это нуждается во всесторонней проверке. Кажется несомненным, что в течение большей части своей жизни Троцкий избегал еврейского вопроса, старался (по крайней мере, явно) не касаться его; по сравнению с сочинениями Троцкого о революции и марксизме — его работы по еврейскому вопросу скудны, — однако всего этого, вообще говоря, не достаточно для подтверждения слов Истмена. Более того, первое из этих представлений вообще неверно. Наоборот, количественно Троцкий занимался еврейскими делами и темами едва ли не больше, чем любой другой (еврейский или нееврейский) большевик. Неудивительно и то, что его деятельность в этом направлении не получила известности: Троцкий сам старался не афишировать ее, занимался еврейскими делами неохотно. Зато вопросы, которых в связи с евреями он касался, всегда были магистральными для евреев, затрагивали главные темы еврейского существования. Это: идейный интернационализм — в противоположность узкому (еврейскому) национализму; интеграция во всемирном человеческом обществе — в противовес возвращению к местечковому сепаратизму; постоянная классовая борьба как необходимое условие установления лучшего порядка на земле — в пике сионистской мечте о Палестине. Именно как идейному атеисту, Троцкому приходилось заниматься вопросами еврейской религии, а значит и еврейского равноправия и другими насущными делами еврейской жизни; некоторые из этих вопросов не решены до сих пор.

В книге обсуждается также и роль, сыгранная еврейским вопросом в борьбе за власть между Сталиным и Троцким. Здесь важна и любопытная природа сталинского антисемитизма, а именно то, каким образом Сталин использовал ненависть к евреям в борьбе против влияния Троцкого в русских массах.

Еврейство Троцкого выступило на передний план в конце

тридцатых годов. Обнаружилось, что его отвращение к нацизму выходит за рамки глубоко укоренившегося антифашизма. Он становится самым убедительным, самым выразительным обличителем нацизма, и этот факт невозможно не соотнести с национальной принадлежностью наркома. Троцкий с ясностью предвидел надвигавшийся геноцид своих соплеменников.

Исследователь, сосредоточившийся на еврействе Троцкого, поражается непоследовательности выдающегося марксиста. Троцкий никогда не мог довести свои основные верования до их логической полноты. Его чувства в еврейском вопросе всегда оставались двойственными. С одной стороны, Троцкий был искренним революционером, преданно служил интернационалистическим социальным преобразованиям. Его национальные и религиозные связи с русским еврейством казались полностью обрванными. Он считал, что все еврейские институты гниют и устаревают, не видел для себя никакого смысла в возвращении в улучшенное гетто. С другой стороны, самая жизнь наглядно, а иногда и грубо, демонстрировала ему разрыв между стройной теорией и упрямой действительностью, и ему волею-неволей приходилось приноравливаться, проявлять гибкость при интерпретации своих взглядов на евреев и еврейство. Порою и товарищи Троцкого по революционному движению тревожили его идеологическое самодовольство. Троцкий считал себя таким же, как и все прочие русские революционеры-марксисты, но Ленин, по-видимому, думал иначе. "Он [Троцкий] не из наших. С нами, но не из наших" — вот смысл одного из его высказываний. То же самое дал понять Троцкому и Сталин, притом в форме гораздо более непосредственной: он прямо говорил о "космополитизме без корней" этого "представителя чужой расы".

Непоследовательность Троцкого в еврейском вопросе, его чрезмерное (неуместное с точки зрения правоверного марксиста) внимание к положению евреев обнаружили со всей отчетливостью к концу его жизни, после изгнания из Советского Союза, — вместе с неизбежным ослаблением революционного пыла и сопутствующим ему пересмотром принципов.

Таким образом, наше убеждение состоит в том, что более пристальное рассмотрение еврейской стороны жизни Троцкого может пролить свет и на проблемы большевистской революции, и на историю борьбы за власть между наследниками Ленина.

Троцкий до сих пор не реабилитирован в Советском Союзе. В своей знаменитой речи на XX съезде КПСС Н.С.Хрущев несколько смягчил официальное отношение к троцкистам. В настоящее время, сказал он, мы можем говорить о борьбе с троцкистами с полным спокойствием и анализировать этот процесс с достаточной объективностью. В конце концов, Троцкого окружали люди, происхождение которых никоим образом не может быть отнесено к буржуазному обществу.

Но репутация самого Троцкого осталась прежней. Более того, борьбу Сталина против него Хрущев определил как борьбу с целью "разоружить всех врагов ленинизма". Он добавил, что идеологическая борьба с троцкизмом была успешной и укрепила партию. В этом, по его мнению, Сталин сыграл положительную роль.

В период так называемой оттепели вдова Троцкого, Наталия Седова, неоднократно писала Хрущеву, пытаясь добиться реабилитации мужа. Эти попытки не принесли ни малейшего результата. Единственным на сегодня фактом, указывающим на отдаленную возможность того, что в Советском Союзе сохранились силы, заинтересованные в изъятии имени Троцкого из черного списка, является статья Л.Кищинской "Литературная дискуссия в годы 1922—1925", напечатанная в журнале "Вопросы литературы" за апрель 1966 года. В ней целая страница посвящена благожелательному разбору сочинения Троцкого "Литература и революция". Разбор этот представляет Троцкого единственно как критика и как автора, без традиционных (резко негативных) ссылок на его политическую деятельность. Однако уже в 1968 году советская бюрократия собрала воедино все старые споры между Лениным и Троцкими, накопившиеся за долгие годы их борьбы и сотрудничества, и издала их отдельным объемистым томом. Поскольку троцкизм в Советском Союзе и в самом деле мертв, это заклинание давно забытого "злого духа" кажется совершенно необъяснимым.

Жизнь Троцкого, с точки зрения его отношения к еврейскому вопросу, может быть разделена на четыре хорошо различимых периода. Первый из этих периодов — начало XX столетия, годы до Первой мировой войны. Отношение Троцкого к еврейскому вопросу в этот период еще не систематизировано; оно почти полностью определяется его вовлеченностью в борьбу с еврейской рабочей партией, Бундом. Это была эпоха ев-

рейских погромов, количественно и в смысле концентрации зверств достигших своей высшей точки в 1905, а затем вспыхнувших с новой силой в 1913, в связи с делом Бейлиса. Сильное влияние на Троцкого оказало в этот период его соприкосновение с забитым, лишенным элементарных прав румынским еврейством.

Второй период простирается до 1926 года, до момента полного советского отлучения Троцкого. В эти годы высказывания Троцкого по еврейскому вопросу перестают быть фрагментарными, обретают завершенность. Троцкий считает концепцию обычного национального государства анахронизмом, стремится разрушить существующий порядок и на его месте построить некий совершенно новый мир. Убежденный интернационалист, он рассматривает человечество как неразрывное целое. Он уверен, что в новом мире, с устранением социальной несправедливости и угнетения, полностью решится и еврейский вопрос. Троцкий не принимает доктрину, говорящую, что пока существуют, скажем, французы, немцы, китайцы, — должно быть место и для евреев: эта логика представляется ему реакционной, устаревшей. Вообще, национализм устарел, он всегда неизбежно регрессивен; на смену ему идет интернационализм. Троцкий — противник медленных и постепенных преобразований, сторонник мер быстрых и всеобъемлющих. Не только государственные границы, но и национальные особенности должны быть уничтожены. Что до евреев, то пусть они послужат авангардом человечеству, другие же нации последуют за ними в некий новый котел народов, в генетическую плавильню, навстречу всеобщему счастью и стиранию национальных различий.

Вместе с большинством видных социалистических лидеров еврейского происхождения — Розой Люксембург, Павлом Аксельродом, Ю. Мартовым и другими — Троцкий считал полную ассимиляцию евреев исторической неизбежностью. Поскольку у евреев нет и не будет собственной территории, то возможно более быстрое растворение в окружающих народах есть то лучшее, что можно пожелать и вообразить для них (и для всего человечества). Тут важно подчеркнуть, что Троцкий был лишь поверхностно знаком с еврейской историей и традицией. Не дорожа национальным, не видя смысла в существовании народа, от которого он отошел, он распространял этот строй мыслей и на самый этот народ. Он не верил, что у евреев имеется

желание и воля оставаться народом, удерживать свою национальную сущность. Исконные еврейские мечты о мессианском веке казались ему не более чем суеверием. Антисемитизм он не связывал с отсутствием у евреев родины; без оглядки на историю и действительность, но зато в точном соответствии с марксистским рецептом, он видел в антисемитизме лишь результат загнивания капитализма, некий безобразный придаток завистливой конкуренции и классовых предрассудков. С исчезновением эксплуатации, полагал Троцкий, сам собою исчезнет и антисемитизм. Известное высказывание Мозеса Гесса, признанного мыслителя-социалиста, друга Маркса и Энгельса (заслужившего, между прочим, прозвище раввина коммунистов) — "вся история до наших дней была борьбой народов и борьбой классов; борьба народов — явление первичное" — едва ли было по душе Троцкому.

Третий период ориентации Троцкого по отношению к еврейскому вопросу падает на 1926—1932 годы. Некоторые аспекты советской системы успели к этому времени установиться, но с марксистским решением еврейского вопроса этого не произошло. Попытка быстрой тотальной ассимиляции не удалась. Лишь верхний в социальном отношении слой народа хотел и мог ассимилироваться, народ же в целом — в этом не оставалось сомнения — молчаливо отвергал это "безболезненное самоубийство". Насильственную ассимиляцию Троцкий осуждал, любым ее проявлениям противился. В частности, он не поддержал евсекцию в ее атаках на "еврейскую улицу". Между тем, неудовлетворительные темпы еврейской ассимиляции подтолкнули советскую власть к принятию лоскутных, паллиативных решений (Крым и Биробиджан), и некоторые прокоммунистические энтузиасты на Западе поспешили объявить о начале "еврейского тысячелетия" в Советском Союзе. Троцкий не поддался этим иллюзиям просто потому, что сомневался в способности сталинской администрации осуществить такой проект.

Знаменательно, что в 1926 году Троцкий изменил свое отношение к вопросу о возможности изживания антисемитизма в России. Он первый открыто заявил, что Сталин использует антисемитизм в качестве оружия в борьбе за власть. Это обвинение показалось вначале нелепостью и руководству партии, перед которым оно было выдвинуто, и вообще всем убежденным

марксистам: национальная нетерпимость очевидным образом противоречила и официальной коммунистической доктрине, и конкретной советской политике в отношении малых народов, — с народным же антисемитизмом, как тогда казалось, покончено в СССР навсегда. Однако ошеломляющая справедливость слов Троцкого все более и более подтверждалась с течением времени.

Четвертый период, по принятой нами периодизации жизни Троцкого, совпадает с шумными успехами нацистов накануне их прихода к власти в Германии. Страшную опасность, нависшую над немецкими евреями, Троцкий сознавал и предсказывал еще в 1932 году. Лучше любого из демократических лидеров Запада (исключая разве лишь Черчилля) он понимал, что программу Гитлера по еврейскому вопросу следует понимать буквально. В 1937 году Троцкий прямо заявил, что нацистский антисемитизм приобретает характер геноцида. Что же касается теоретических аспектов проблемы, то пример, данный Германией, был и впрямь разителен. Немецкое еврейство по праву считалось одним из наиболее ассимилированных, дорожило своим участием в немецкой культуре, ни под каким видом не хотело покидать Германию, — и вот из недр цивилизованной нации, давшей миру гениальных мыслителей и музыкантов, и, казалось, в братском союзе слившейся со своим юдентумом, демократическим путем поднимается к власти фюрер, строящий свою политическую карьеру на свирепой ненависти к евреям.

Когда самое существование восточно-европейского еврейства оказалось в опасности, Троцкий дал своего рода частичный идеологический отбой: он примирился с территориальным решением еврейского вопроса, признал за евреями право на сепаратизм во имя спасения. Тут естественным и последовательным шагом с его стороны могло бы стать признание сионизма, уже доказавшего к этому времени свою жизнеспособность. Но этого шага Троцкий не сделал. Среди препятствий, застилавших ему зрение, должны быть названы недостаточное знакомство с вопросом (с фактическими достижениями сионистов и их потенциалом, с состоянием дел в Палестине) и слабое чувство еврейской истории, непонимание ее внутренних импульсов. Но, конечно, главным препятствием оставались все же идеологические шоры. Применить к современности тезис Гесса (кстати, гораздо лучше, чем Троцкий, ориентировавше-

гося в еврейской истории), допустить, что и сегодня национальные цели могут — во временном и в ценностном смысле — предшествовать целям установления социальной справедливости, — на такие крайности правоверный марксист пойти не мог.

Итак, новая международная обстановка, сложившаяся к концу тридцатых годов, со всей очевидностью обнаружила непоследовательность Троцкого по еврейскому вопросу. Усилилась ли в эти годы его связь с еврейством? Что вообще связывало его с народом, из которого он вышел? Не только ли то, что нееврейский мир нет-нет да и напоминал ему, одному из знаменитейших людей своего времени, о его еврейском происхождении? Этот и близкие к нему вопросы с новой силой встали в тридцатые годы перед многими интеллектуалами. Замечательны в этом отношении усилия, приложенные, например, немецко-еврейским писателем Яковом Вассерманом, в его попытке примирить в себе еврейство с так называемым немецким духом. В чем, в самом деле, разница между немцем и евреем? Религия не может быть критерием: ее можно сменить и вообще отбросить. То же и с "кровью": в открытом мире, каким столетиями была Европа с ее практикой смешанных браков и подвижным этносом, отделять арийцев от семитов — занятие безнадежное. Еще труднее связать с понятием нации систему моральных ценностей. Вассерман говорил о метафизическом "еврейском ощущении". В конце концов он пришел к выводу, что соединительным фактором является язык.

С подобными трудностями столкнулся и Фрейд. Будучи нерелигиозным, не находя в себе никакой особой еврейской национальной гордости, он тоже затруднялся определить понятие *еврей*. Фрейду принадлежат слова об "эмоциональных силах, которые тем сильнее, чем меньше их удастся выразить словами, а также о дорогом сознании внутреннего тождества, родства одинакового психологического строения". К еврейству он относился как к некоей "чудесной общей вещи, которая до сих пор недоступна никакому анализу".

Обстоятельства никогда не требовали от Троцкого формулировки его собственного определения еврея. Поскольку же отсутствие положительной программы у мыслителя и идеолога обыкновенно компенсируется программой отрицательной, то для Троцкого (и многих других евреев той поры, менее знаменитых, чем он, но внешне не менее самоуверенных, — притом

что внутренне они часто были мучимы теми же противоречиями) еврейство свелось, в конечном счете, к моральному противовесу антисемитизму.

Типичным представителем упомянутой группы интеллектуалов был советский русско-еврейский писатель Илья Эренбург. Он, в принципе, тоже был сторонником ассимиляции, но неоднократно заявлял, что перестанет считать себя евреем лишь после исчезновения антисемитизма. Вот его типичное высказывание: "Я не умею говорить по-еврейски, но о том, что я еврей, мне часто напоминают люди, очевидно, верящие в особые свойства чьей-то крови. Я не расист, никогда им не был, но пока есть на свете расисты, я на вопрос о моей национальности отвечаю: я — еврей."

В этих словах Эренбурга слышится отголосок дуализма известного польского поэта Юлиана Тувима из его патетической декларации "Мы, польские евреи...". Эренбург знал декларацию Тувима; фрагмент из нее он цитирует в своей известной книге "Люди, годы, жизнь". Тувим писал:

"Я слышу голоса: 'Хорошо. Но если вы поляк, почему вы питите — мы, евреи?' Отвечу: 'Из-за крови.' — 'Стало быть, расизм?' — Нет, отнюдь не расизм. Наоборот. Бывает двойная кровь: та, что течет в жилах, и та, что течет из жил... Кровь евреев (не 'еврейская кровь') течет глубокими, широкими ручьями; почерневшие потоки сливаются в бурю, вспененную реку, — и в этом новом Иордане я принимаю святое крещение — кровное, горячее братство с евреями."

Почти в тех же словах изложил свою позицию и Айзек Дойчер, ученик и биограф Троцкого: "Если не раса, то что же делает человека евреем? Религия? Я атеист. Еврейский национализм? Я интернационалист. Следовательно, я ни в коем случае не являюсь евреем. Однако я все-таки еврей в силу моей обостренной солидарности с преследуемыми и угнетенными. Я еврей потому, что воспринимаю еврейскую трагедию как свою собственную; потому что чувствую пульс еврейской истории; потому что хотел бы сделать все возможное, чтобы обеспечить реальную, неподдельную безопасность евреев и их самоуважение."

Нам такое определение кажется зыбким, в нем видится больше вопросов, чем ответов. Мы возвращаемся к исходной точке: что, собственно, есть *еврейская трагедия*? Роза Люксембург,

чьи взгляды часто совпадали со взглядами Троцкого, возразила бы его биографу острым выпадом: почему, в самом деле, еврейская трагедия — а не трагедия негров, краснокожих, неприкасаемых? Но здесь мы вынуждены остановиться, заметив лишь, что сам Троцкий едва ли принял бы определение Эренбурга-Тувима-Дойчера.

К моменту своей гибели Троцкий достиг точки, из которой не было возврата. В своем завещании от 17 февраля 1940 года он написал: "Я умру как пролетарский революционер, марксист, диалектический материалист и, следовательно, как непримиримый атеист."

Литература о Троцком огромна. Вполне понятно, что все, что исходит от советской стороны, следует рассматривать с большой осторожностью. Официальная историография часто лжива, изобилует фальсификациями. При Сталине исторические сочинения и энциклопедии неукоснительно следовали официальной линии, предписанной Кремлем. Положительные или хотя бы нейтральные отзывы о Троцком были абсолютно невозможны. Имя его либо вовсе опускалось, либо сопровождалось выразительными эпитетами типа "фашист", "исконный враг пролетарской родины" и т.п. По меньшей мере единожды сталинские историки умудрились написать историю Красной Армии, ни разу не упомянув Троцкого. Воспоминания Горького и Крупской, в которых фигурировал Троцкий, "приводились в соответствие с исторической правдой" усилиями специальной комиссии. В число запрещенных в СССР (до самого начала 1960-х) входила и известная книга Джона Рида "Десять дней, которые потрясли мир" — несмотря на восторженное введение к ней, написанное самим Лениным, несмотря на его, Ленина, рекомендацию издать эту книгу на всех языках многомиллионными тиражами. Американский журналист отдал в своем сочинении дань уважения Троцкому — и не заметил Сталина.

Лишь после известной разоблачительной речи Хрущева в советской оценке Троцкого наметился некоторый сдвиг (это видно, между прочим, из новой двухтомной истории "Октябрьская революция"). Однако до серьезной, объективной оценки его деятельности все еще бесконечно далеко. Такая оценка вообще едва ли может быть построена путем исправления сталинской клеветы. О последней имеется выразительная ремарка самого

Троцкого: "По дороге сюда [в Алма-Ату] я впервые прочитал памфлет Маркса Господин Фогт. Чтобы опровергнуть дюжину клеветнических утверждений Карла Фогта, Маркс написал книгу в двести страниц убористым шрифтом, собирал документы и свидетельские показания и разбирал прямые и косвенные улики... Если бы мы стали опровергать клевету сталинцев таким же образом, нам пришлось бы издавать тысячетомную энциклопедию."

Бескомпромиссная борьба Сталина с Троцким прослеживается в советской историографии на фоне неизменно сопутствующего ей антисемитизма. Например, еврейское происхождение Маркса отмечено в первом (1932 года) издании Большой советской энциклопедии, и не отмечено — во втором (1952 года). Соответственно, обзор истории, культуры и религии евреев, занимавший в первом издании около пятидесяти столбцов, во втором издании сокращен до двух страниц.

Любопытно отметить, что в то время как в Советском Союзе сочинений о Троцком и его участии в Октябрьской революции становится все меньше, на Западе число таких публикаций возрастает. Печатаются работы самого Троцкого и работы о нем: биографии, мемуары, исследования. Число таких публикаций, например во Франции, в недалеком прошлом, было таково, что слова о подлинном возрождении троцкизма не показались бы преувеличением. Между тем полное собрание сочинений Троцкого все еще отсутствует. Оно планировалось в Советском Союзе, но после исключения Троцкого из партии в 1927 году какие бы то ни было его публикации в этой стране, сделались, разумеется, невозможными.

В настоящей книге широко использованы материалы, которыми располагает Нью-Йоркская публичная библиотека, в частности, ее славянский и еврейский отделы, а также фонды Израильской национальной библиотеки (Библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме).

Наиболее ценный материал о жизни и деятельности Троцкого хранится в Оутонской библиотеке Гарвардского университета (архив Троцкого, несколько тысяч единиц хранения). Этот архив состоит в основном из копий документов, подлинники которых находятся в Советском Союзе. Имеется двухтомный указатель, пересмотренный в 1959 году; в нем документы разбиты на три отдела: 1) советская переписка, в основном — с частными лицами; 2) сочинения, включая рукописи, машино-

писные отрывки, вырезки из газет, неопубликованные заявления; 3) мелочи (опубликованные типографским способом и с помощью множительной техники, машинописные). Первый документ архива датирован 5 ноября 1917 года, последний — 17 августа 1940 года; т.е. за три дня до убийства Троцкого. Архив, кроме того, разделяется на открытый (102 ящика) и закрытый (45 ящиков). Последний не был доступен массовому читателю до 1980 года — предосторожность, имевшая целью защитить членов троцкистской оппозиции и IV Интернационала. Лишь незначительная часть из материалов закрытой части, со специального разрешения Наталии Седовой, была использована А. Дойчером в его биографической трилогии о Троцком ("Пророк в доспехах", "Пророк без доспехов", "Отверженный пророк").

Другим важным хранилищем материалов о Троцком является нью-йоркский Институт еврейских исследований (Идише Виссеншафтлихе Организацие, ИВО). Здесь, прежде всего, интересен архив Люсьена Вольфа, известного журналиста и историка, который изучал антисемитизм в двух важнейших его центрах: в царской России и Румынии. Вольф много сделал для уяснения причин, подталкивавших еврейскую молодежь к участию в революционном движении. Он, в частности, занимался опровержением широко распространившегося обвинения (восходящего к британской консервативной печати времен военного коммунизма, 1917—1921) в том, что русские евреи несут главную ответственность за успех большевистской революции. В этой своей части архив Вольфа содержит много материалов, касающихся Троцкого.

В ИВО хранится и архив историка И. Черикова, основной областью исследований которого была история уничтожения еврейских общин на Украине в годы с 1918 по 1921. Чериков интересовали, следовательно, и итоги Октябрьской революции, а среди них — в первую очередь погромы, сотнями прокатившиеся по России и Украине. Тот факт, что евреи занимали высокие посты в коммунистической иерархии, очевидным образом способствовал обострению ненависти к евреям среди нееврейского населения. Главным объектом этой ненависти был Троцкий. Архив Черикова содержит десятки тысяч документов на эту тему; большинство из них все еще не опубликовано.

Множество других материалов из архивов ИВО, связанных с русской революцией и ее последствиями, дает драгоценный материал для изучения отношения Троцкого к еврейскому вопросу. Среди них на первом месте — четыре подлинных письма Троцкого Лазарю Клиngu, редактору нью-йоркской еврейской троцкистской газеты. В связи с этими письмами (они до сих пор не опубликованы) автору книги удалось взять интервью у Л.Клинга.

Для понимания развития Российской социал-демократической партии (в обоих ее направлениях) необходимо знакомство с предшественником этой партии, Еврейским рабочим союзом, или Бундом. Автор, при написании этой книги, пользовался архивом Бунда, находящимся в Центре еврейского рабочего движения в Нью-Йорке.

Другими источниками материала послужили автору Архив социалистической рабочей [троцкистской] партии в Нью-Йорке, Архив рабочего движения и Архив российского сионизма (оба — в Тель-Авиве).

Чрезвычайно много дали личные контакты. Помимо упомянутого Л.Клинга, автор беседовал с активным участником Февральской революции, министром, а затем главой Временного правительства А.Ф.Керенским; с лидером левых социалистов-революционеров (эсеров), комиссаром юстиции второго советского правительства И.Н.Штейнбергом; с секретарем III Интернационала Анжеликой Балабановой, которая была соратницей и личным другом Ленина, Троцкого и других видных большевиков; с Рафаилом Абрамовичем, лидером Бунда, а затем меньшевиков (в период Октябрьской революции и становления советской власти). Интервью были взяты также у советолога и историка Давида Шуба, написавшего биографию Ленина; у Макса Шахтмана, бывшего одним из лидеров американских троцкистов в годы перед Второй мировой войной; у С.С.Шварца, автора книги "Евреи в Советском Союзе". Некоторые из специалистов согласились быть почтовыми корреспондентами автора; это — уже упомянутый мною Макс Истмен (лично знавший Троцкого и переводивший его сочинения), Б.Д.Вольф, Дон Исаак Левине и другие; всем им я выражаю мою признательность.

Относительно календарных дат, встречающихся в книге, мною применена практика самого Троцкого: следовать старому

стилю для всех дат до 14 февраля 1918 года (когда советское правительство официально приняло новый стиль) и следовать новому стилю — для всех последующих дат. Как известно, старый русский календарь отставал от западного (и современного советского) на тринадцать дней.

Й. Недава

Г л а в а 1

ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДА В РОССИИ КАК ИНКУБАТОР РЕВОЛЮЦИИ

При всей своей исключительности, Троцкий в значительной степени сформировался под влиянием своего окружения, был типичным представителем местечковой еврейско-украинской среды, возвращенной в нищете, угнетении, унижении. В этом мире из поколения в поколение господствовали подавленность и отчаяние. Царский режим при последних императорах не оставлял еврею, казалось, и самой надежды на улучшение его положения, хотя бы и в неопределенном будущем. Наоборот, все правительственные меры указывали на тенденцию к увековечению существующей системы, на усугубление еврейского бесправия. Разумеется, бесправны в России были не только евреи: ограничения свобод казались нестерпимыми и передовой части русского общества. Однако больше всего страдали в империи "инородцы", среди них же — прежде всего евреи. Многомиллионная нация, носительница своеобразной древней культуры, давшей начало трем мировым религиям, была поставлена в положение более тяжелое, чем молодые, едва сформировавшиеся народы империи, часто еще не имевшие своей письменности. Дикость царского законодательства о евреях, бесчеловечная практика охранного отделения все более и более подталкивали евреев к выступлению. Неудивительно, что к концу XIX века это выступление началось и что в нем возобладали молодые экстремисты. Неудивительно и выбранное ими направление. Из двух тенденций, получивших развитие в XIX веке, национально-освободительное движение казалось евреям паллиативом, к тому же и бесперспективным; мало того, оно казалось вчерашним днем освободительной борьбы. Наоборот, движение социалистическое — имело всю прелесть новизны, обещало быстрое и тотальное разрешение вековой проблемы угнетения слабого сильным.

Политика официального антисемитизма была в России традиционной. Цари сначала не допускали евреев в Россию, за-

тем же, захватывая в процессе экспансии на Запад земли, населенные евреями, проявляли к этому народу крайнюю нетерпимость. Царь Иван Грозный, заняв в 1563 году Полоцк, приказал крестить всех евреев города, а тех, кто откажется, утопить в реке; погибло около трехсот человек; среди немногих крестившихся были родоначальники известных впоследствии русских дворянских фамилий. Императрица Елизавета (1741—1761), в ответ на представление некоторых придворных о выгоде для России еврейской торговли, заявила, что "от врагов христовых не желает интересной прибыли". По ее указу в декабре 1742 года из России были изгнаны даже и временно находившиеся там евреи. Императрица Екатерина II (1762—1796) открыла ворота России для всех иностранцев — "кроме евреев" (фактически, по ее собственному признанию, нескольких евреев "терпели" даже в Петербурге).

Эта формула — "кроме евреев" — и в последующие царствования оставалась незыблемым принципом российского самодержавия, — однако смысл ее изменился еще при Екатерине. В результате трех разделов Польши (1772, 1793, 1795) в состав России вошла самая большая в мире еврейская община. Венский конгресс 1815 года утвердил территориальные приобретения империи. Изгнание миллионов евреев было делом практически неосуществимым, поэтому, силою специального указа от 23 декабря 1791 года, евреи были удержаны в границах их расселения. Так возникла пресловутая *черта оседлости* (название это появилось позже, в царствование Николая I).

По существу, это было гетто, пусть и небывалых масштабов, притом гетто принудительное. На отведенные евреям земли (юго-запад и северо-запад России) приходилось всего 4% территории империи; здесь, преимущественно в городах и местечках, жило 94% всех евреев, не по своей воле ставших русскими подданными.

Евреи были единственным народом России, ограниченным в праве передвижения, — но это ограничение не было для них единственным. Запрещалось покупать или арендовать землю в сельской местности, за пределами городов и местечек. Чинились препятствия занятию крестьянским трудом. Немногочисленные сельскохозяйственные поселения на юге были практически упразднены известными Временными правилами 1882 года.

Несмотря на нищету, господствовавшую среди еврейского

населения черты оседлости, численность этого населения быстро возрастала¹. Рост еврейского населения тревожил царское правительство. Предпринимались энергичные меры в целях ассимиляции евреев путем обращения их в христианство. Хотя дискриминация осуществлялась преимущественно на религиозной, а не на расовой основе, и переход в православие или даже в протестантизм в принципе открывал перед евреем возможности достижения высоких постов в правительственной бюрократии (например, известный барон Шафиров был вице-канцлером империи при Петре I), однако память о еврейском происхождении семьи сохранялась и в нескольких поколениях осложняла жизнь выкрестов. Будущее еврейства мыслилось в России в духе известной формулы обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, наставника императоров Александра III и Николая II: треть вымрет, треть покинет Россию, треть растворится в окружающем населении.

Экономическое положение евреев в черте оседлости было ужасающим. Отстраненные от множества естественных профессий, евреи теснились в городах и местечках, занимаясь почти исключительно примитивным ремеслом и мелочной торговлей. Нищета возрастала вместе с числом ограничений, которых, ко времени свержения самодержавия, насчитывались сотни. Ограничения общего характера перемежались частными, мелочными (как, например, запрет перегонять спирт). Казалось, правительство отдает предпочтение первому пункту в формуле Победоносцева: подталкивает евреев к голодной смерти. Нечего и говорить, что притеснения материальные сопровождалась гнетом моральным, унижением. В еврее попросту не видели человека.

В 1827 году на евреев была распространена рекрутская повинность, до этого заменявшаяся специальным налогом. Служба в русской армии длилась двадцать пять лет. Евреи поставляли десять новобранцев на тысячу населения, в то время как коренное население — лишь семь. Положение усугубилось созданием института кантонистских школ, детских военно-учебных заведений, куда насильственно забирали еврейских детей, зачастую выкрадывая их из семьи. Номинально в кантонисты записывали с двенадцати лет, но были зарегистрированы случаи восьми— и даже пятилетних кантонистов. В отличие от рекрутов (на срочную службу призывали с восемнадцати лет),

кантонистов принудительно крестили, и они со временем забывали о своем происхождении. Известны два или три случая, когда наиболее одаренные из них дослуживались до генеральских эполет. Наоборот, для еврея, призванного солдатом и не перешедшего в христианство (к чему, разумеется, понуждали), вершиной продвижения по службе в русской армии был, как правило, унтер-офицерский чин фельдфебеля.

С воцарением Александра II (1855—1881) перед евреями открылась возможность светской интеграции в русское общество. Этому способствовали либеральные реформы "царя-освободителя" (так называли Александра за отмену в 1861 году крепостного права). Возникли свободные интеллектуальные профессии, суды присяжных; стремительно развивалась пресса. Теперь евреи могли становиться адвокатами, издателями, преподавателями, инженерами. Еврейские купцы первой гильдии получили право селиться за пределами черты оседлости; за ними последовали обладатели докторской степени, а затем и получившие высшее образование (в русских университетах). Ряд ремесленных специальностей, нужных в столицах, так же давал еврею возможность, после сдачи экзамена, покинуть черту оседлости, — однако лишь условно: до тех пор, пока, живя за ее пределами, еврей действительно занимается своим ремеслом. Не все спешили воспользоваться этой возможностью: в случае смерти ремесленника-кормильца его семья немедленно высылалась обратно.

Еврейская ассимиляция, еврейское проникновение в русское общество впервые сделались заметными тогда, когда крещение перестало быть обязательным их условием. Но количественно эти явления все же затронули лишь небольшую часть многочисленного русского еврейства. Вполне понятно, что неприязнь русского общества к евреям встречала со стороны евреев ответную неприязнь, подкреплялась нежеланием самих евреев участвовать в чужой для них жизни и культуре. Отход от традиционной жизни, почти всегда в итоге приводивший к смене религии, к русификации, евреи понимали как уход из своего народа.

Восприимчивость к европейской культуре, обнаруженная евреями в царствование Александра II, привела к введению в 1887 году ограничительной процентной нормы в высших учебных заведениях России. Норма эта составляла 10% в черте осед-

лости и 3% — за ее пределами. Теперь молодые евреи часто предпочитали учиться в университетах Западной Европы.

Но, конечно, самым страшным для евреев явлением русской действительности были погромы. Их историю обычно начинают одесским погромом 1820 года (повторившимся в этом городе в 1859 и 1871 годах). До начала 1880-х годов погромы в России были эпизодичны; грабеж превалировал в них над убийствами и насилием. К концу столетия, когда участие евреев в русской общественной жизни, в том числе и в революционном движении, сделалось ощутимым, ожесточение погромов нарастает. В 1881 году царь-освободитель Александр II был убит народовольцами; к его убийству косвенно была причастна молодая еврейка Геся Гельфман. Наследник убитого царя, Александр III, круто повернул внутреннюю политику России в сторону реакции. Погромы вошли в систему; теперь они инспирировались властью, координировались высшими чинами империи. Вместе с отвращением к евреям, общим для русской аристократии и русской черни, организаторами погромов руководил и холодный расчет: отвлечь внимание недовольных, каковых становилось все больше, от внутренних трудностей империи, найти козла отпущения, переложить ответственность за бедственное положение крестьян и рабочих, солдат и инородцев, с фактического их угнетателя, царского самодержавия, на мнимого — евреев.

С начала XX века еврейские погромы уже отличаются жестокостью, предвосхищающей зверства нацистов. Таков был и знаменитый кишиневский погром 1903 года. Доказано (об этом знали и современники событий), что этот погром был непосредственно организован министром внутренних дел России Плеве. Когда перед этим министром предстала делегация евреев Одессы с протестом против погрома, В.К.Плеве прочитал ей следующую угрожающую отповедь: "Скажите еврейской молодежи, вашим сыновьям и дочерям, скажите всей вашей интеллигенции, чтобы они не думали, что Россия — старая, разлагающаяся и разваливающаяся глыба. Молодая развивающаяся Россия преодолет революционное движение. Много говорят о еврейском страхе, но это чепуха. Евреи — самый смелый народ. В западной России около 90% революционеров — евреи, а в России в целом — около 40%. Не скрою от вас, что революционное движение в России беспокоит нас... но вам следует знать, что если вы не удержите вашу молодежь от участия в революцион-

ном движении, мы создадим вам столь невыносимые условия, что вам придется покинуть Россию до последнего человека!”

Перед петербургской делегацией (ее возглавлял барон Гинцбург) Плеве повторил свои обвинения в адрес еврейской молодежи. Он, в частности, говорил о деятельности Григория Гершуни (хотя и не назвал его имени), известного тогда руководителя боевой организации социалистов-революционеров. Гершуни и его отряды были ответственны за многочисленные террористические акты против министров и других высших сановников империи. (Спустя два года, 15 июля 1909 года, и сам Плеве был убит бомбой, брошенной террористом Игорем Сазоновым.) Он прямо сказал петербуржцам: “Заставьте ваших людей прекратить революцию, и я прекращу погромы.”

Теодор Герцль, основоположник политического сионизма, надеялся, что ухудшение положения русских евреев и раздражение против них царского правительства могут ускорить осуществление его мечты о создании еврейского государства. 19 мая 1903 года, после кишиневского погрома, он обратился к Плеве с письмом (копия этого письма была послана Победоносцеву). В аудиенции у императора, о которой просил Герцль, ему было отказано, но когда в августе 1903 года лидер сионистов все же приехал в Петербург, Плеве и председатель комитета министров граф С.Ю. Витте приняли и выслушали его. Плеве сказал: “... русское государство желает однородности своего населения... Мы хотим их [евреев] ассимилировать... В последнее время положение осложнилось тем, что евреи стали присоединяться к революционным партиям. Мы симпатизируем вашему сионистскому движению, пока оно содействует эмиграции.” Герцль заверил русского министра, что сионистское движение даст еврейской молодежи более высокий идеал, “в результате чего ее тяга к социалистам прекратится”. Во второй беседе с Герцлем Плеве заметил: “будь я евреем, я, пожалуй, и сам был бы врагом правительства”.

В том же духе протекала и беседа Герцля с Витте. Граф сказал лидеру сионистов, что сам он — друг евреев, но тут же начал жаловаться на их участие в революционном движении: “Из общего населения России в 136 миллионов на евреев приходится лишь 7 миллионов, однако они составляют около половины всех членов всех революционных партий.” На вопрос Герцля, чему он это приписывает, Витте (между прочим, женатый

на крещеной еврейке) признал: "Я вижу тут ошибку нашего правительства. Евреи слишком угнетены."

Подводя итоги своему визиту, Герцль писал одному из чиновников русского министерства иностранных дел: "Еврей по своей натуре ультраконсервативен. И темперамент, и предписания религии делают его таким послушным блюстителем законов, какого только можно пожелать. Но нужно ли удивляться, что в своем глубоком отчаянии, при полном отсутствии надежды на улучшение жизни и даже на самую жизнь, он стал восприимчив к радикальным идеям?"

На дарование народу первых конституционных свобод в царском манифесте от 17 октября 1905 года, на учреждение Государственной думы — Россия не вполне последовательно откликнулась сотнями еврейских погромов, от которых только в октябре 1905 года погибло более тысячи человек. Новая вспышка насилия последовала в годы с 1911 по 1913, в связи с известным делом Бейлиса, когда черносотенцы, поддержанные властью, выдвинули против евреев чисто средневековое обвинение — кровавый навет. III Государственная дума приняла новые ограничения прав евреев.

Так обстояли дела к началу первой мировой войны. Неудивительно, что Россия, в которой евреям жилось хуже чем где бы то ни было, не возбудила при своем вступлении в войну патриотического подъема в массе русского еврейства. Мемуарист тех дней сообщает: "Угнетенные еврейские массы, только что испытавшие горький вкус дела Бейлиса, постоянно преследуемые страхом погрома, с нетерпением ожидали поражения России в войне... Германия и Австрия, где евреи десятилетиями пользовались более или менее полным равноправием, не казались нам врагами." Несомненно, огромное большинство мирового еврейства было в ту пору на стороне Германии, — конечно, не из любви к немцам или нелюбви к русским, а лишь из более чем понятной ненависти к царизму. И хотя в мировой войне большинство евреев оставались в положении зрителей и жертв (исключая лишь призванных в армии обоих враждующих лагерей), в России они немедленно были обвинены в поголовном шпионаже в пользу немцев и подверглись новым репрессиям, включая выселение из прифронтовой полосы.

Любопытно, что и Троцкий в эти годы был обвинен в прогерманизме. В начале войны, в Париже, он вместе с Ю. Мар-

товым редактировал антивоенную газету "Наше слово". Когда немцы потопили (15 мая) крупный пассажирский пароход "Лузитания" (что всколыхнуло весь мир, разом восстановив против немцев мировое общественное мнение), — "Наше слово" даже не обмолвилось об этом событии.²

Отмечая естественную склонность российских евреев к прогерманским настроениям, один из биографов Троцкого, Г. Зив, ставит под сомнение самый интернационализм Троцкого. Зив пишет: "На каждом шагу он [Троцкий] выказывал более чем мягкую терпимость к чрезмерному 'интернационализму' Вильгельма и его соратников... и однажды Дейч [старейший русско-еврейский социал-демократ], прочтя только что полученный номер газеты Троцкого, с негодованием воскликнул: 'Не знай я Троцкого лично, я бы не сомневался, что он продан немецкому правительству.'"

Зив считает, что Троцкий не поровну распределял свой интернационалистский гнев между империалистическими державами-хищницами. В Париже Троцкий почему-то не замечал немецких зверств, зато нападал на французское правительство и армию, притом как раз во время немецкого наступления, нацеленного на захват французской столицы. Неудивительно, что за свою антисоюзническую позицию он был выслан из Франции.

В январе 1917 года Троцкий приезжает в Нью-Йорк. Здесь его с энтузиазмом приветствовала местная еврейская газета "Jewish Daily Forward", разделявшая веру Троцкого в международный социализм. 16 января 1917 в газете появилось интервью с Троцким, причем интервьюер отметил, что "товарищ Троцкий останется с нами некоторое время, по крайней мере до конца войны" (sic!). "Forward", газета с тиражем, превосходившим двести тысяч экземпляров, придерживалась прогерманского, антисоюзнического направления, что, очевидно, совпадало с позицией Троцкого.

Троцкий написал для этой газеты четыре статьи. В первой он торжественно декларирует свой интернационализм, отвергает "капиталистического бога, именуемого родиной", утверждает, что Франция раболепствует перед царем, а русское посольство в Париже "распространило слухи, что русские эмигранты — все они евреи — стоят за Германию, работают в интересах Вильгельма II". Во второй статье Троцкий отвергал обвинение в том, что он сам настроен прогермански. В треть-

ей — доказывал, что для американского пролетариата настало время выбора между интернационализмом и патриотизмом: "Необходимо сознательно выбрать одно из этих двух направлений, несовместимых для американцев, особенно для тех еврейских американских рабочих, кто еще не сделал выбора." В четвертой статье Троцкий продолжает свою проповедь интернационализма.

Еще одна запланированная статья Троцкого, о "социал-патриотах", не вышла — и как раз из-за излишнего патриотизма "Форварда". 1 марта 1917 года государственный департамент США разоблачил немецкий заговор, имевший целью втянуть Мексику в войну против США. В качестве вознаграждения кайзер сулил Мексике возврат штата Нью-Мехико и части Калифорнии. Это открытие вызвало гнев даже прогерманского "Форварда", напечатавшего на первой полосе буквально следующее: "если Германия способна на такой идиотский дипломатический шаг, то каждый американец будет сражаться до последней капли крови для защиты великой американской республики." Спустя несколько часов после опубликования этого заявления Троцкий ворвался в кабинет А.Кагана, редактора "Форварда", и между обоими социалистами произошел резкий обмен мнениями. В результате Троцкий порвал все отношения с этим органом еврейского рабочего движения и с его редактором.³

Февральская революция 1917 года и падение самодержавия оказали огромное влияние на российское еврейство. Единым росчерком пера Временное правительство отменило все веками существовавшие в России национальные и религиозные ограничения. Закон от 20 марта 1917 гласил: "Придерживаясь твердого убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом и что совесть народа не может терпеть ограничения прав отдельных граждан из-за их веры и происхождения, Временное правительство постановляет: все установленные существующим законодательством ограничения прав граждан России по причине их принадлежности к определенному вероисповеданию или секте, или по причине их национальности — отменены." Правительственная газета, поместившая этот закон, дала в качестве приложения список действовавших прежде законов и постановлений против евреев. Список этот, набранный мелким шрифтом, не уточнявший дета-

лей, оказался все же так внушителен, что не лишенный воображения человек невольно должен был задаться вопросом: а как же, собственно, жили, как выжили эти люди, жесточайшим образом преследовавшиеся законом только за одно свое имя?

Евреи за рубежом с воодушевлением приветствовали падение царского режима. Ликующее заявление в "Форварде" гласило: "Конец еврейскому горю, полноправие всем угнетенным народам, новый свет над Россией..." Еврейские радикалы-эмигранты один за другим стали возвращаться в Россию. Туда же отправился и Троцкий. Вечером 26 марта, накануне своего отъезда из Нью-Йорка, выступая с речью на массовом рабочем митинге, он сказал: "Я хотел бы, чтобы вы все более и более укрепляли свою организацию — и в конце концов опрокинули ваше проклятое прогнившее капиталистическое правительство."

Равноправие, дарованное русским евреям наряду с прочими инородцами, не только не принесло Троцкому удовлетворения, но, казалось, еще сильнее раздражило его. Более чем когда-либо он жаждал коренной, радикальной ломки всей социальной структуры новой России, наследовавшей ненавистному для него самодержавию.

Бросив взгляд на российское еврейство в целом, обратимся теперь к непосредственному еврейскому окружению Троцкого. По нашему убеждению, оно — не в меньшей мере, чем выдвинувшая Троцкого среда, — способствовало формированию индивидуальности марксистского лидера, интенсифицировало его революционный пыл.

ЕВРЕЙСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ ТРОЦКОГО

”Троцкий всегда был несколько смущен тем, что он еврей, постоянно находился под влиянием этого факта, — как и все евреи, которых я знал,” — пишет Макс Истмен, друг и последователь Троцкого, переводчик важнейших его сочинений.

Суждение это кажется нам столь же правдоподобным, сколь и поверхностным. Истмен, скорее всего, выражает тот взгляд на Троцкого, который был удобен самому Троцкому. Троцкий хотел, чтобы его безразличие к еврейским делам было замечено его сотрудниками, отмечено его биографами.

Будущий Троцкий, а согласно метрической записи — Лейб (Лев) Бронштейн, родился 26 октября 1879 года, ровно за тридцать восемь лет до установления советской власти. Сам он заметил это совпадение лишь на третьем году революции, в конце гражданской войны. Родился Троцкий не в городе и не в местечке, как большинство российских евреев той эпохи, а в украинском хуторе Яновке. В своей автобиографии он пишет: ”Отец мой, Давид Леонтьевич Бронштейн, был крестьянином. Вместе со своими родителями он мальчишкой оставил родное местечко в Полтавской губернии и отправился искать счастья в свободных степях Юга. В то время существовало около сорока еврейских сельскохозяйственных поселений в Херсонской и Екатеринославской губерниях, с общим населением около 25 000 человек.”

Еврейское поселенческое движение в России восходит ко временам Екатерины II. Правительство, стремившееся к скорейшей колонизации вновь приобретенных, малонаселенных районов юго-запада, поощряло это движение, — впрочем, не вполне последовательно. Официальной заботой власти было разгрузить перенаселенные центры в черте оседлости и приобщить евреев к полезному труду. Та же политика продолжилась при Александре I и даже при Николае I. Постановлением 1804 года евреи одновременно изгонялись из деревень и приглашались

возделывать землю на юге. Наделяли землей бесплатно, предоставлялись правительственный заем, десятилетнее освобождение от налогов, освобождение от воинской повинности. Многие евреи решились попытать счастья на новом поприще. Отмечены три волны переселенцев. Семья Бронштейнов была, по видимому, подхвачена второй из них, в 1830-х годах.

Жизнь еврея-крестьянина во многом отличалась от жизни его местечковой родни. Крестьянский труд почти не оставляет времени для досуга и мало располагает к изучению священных текстов, обязательному пожизненному занятию религиозного еврея. Не удивительно, что на хуторах уровень традиционного еврейского образования упал, — удивительнее, что привычный вековой уклад сохранился, еврейский стиль жизни и еврейская культура, насколько они были мыслимы в новых, чрезвычайно напряженных условиях, воспроизводились, передавались из поколения в поколение. Образцом словотворчества пионеров-колонизаторов стали ивритские названия поселений: Седеменуха (поле спокойствия), Нагартон (добрая река), Ефенагар (красивая река).

В характеристике своих родителей, данной в автобиографии, Троцкий неприязненно скуп на слова; механик имения, Иван Васильевич Гребня, интересуется его больше, чем отец и мать. Отчуждение началось очень рано, в школьные годы. "Разрыв, проявившийся в мелочах, с годами становился все более глубоким и серьезным."

Прямых свидетельств о причине конфликта не сохранилось. Уже одно то, что и спустя многие годы, на вершине административного и авторитарного могущества, Троцкий так и не назвал ее, говорит о силе затаенной детской обиды. По замечанию биографа Троцкого, Г.А.Зива, родители были чужды Троцкому совершенно так же, как миллионы других буржуа и нереволюционеров". Имеются смутные указания на попытки примирения сторон в годы зрелости Троцкого, однако попытки эти скорее всего исходили не от сына.

Вот те характерные моменты, которые Троцкий пожелал сообщить о своих родителях: "Отец превосходил мать силой души и интеллекта. Он был глубже, сдержаннее, тактичнее... С нами, маленькими детьми, он был и спокойнее, и мягче матери. Мать часто выходила из себя, притом без видимой причины, и срывала на нас свою усталость и житейские горести."

Существенно, что обида Троцкого на родителей была неоднозначна. Помимо прослеживаемых рациональных (в основном, социальных) истоков, в ней скорее всего действовали и иррациональные мотивы, возможно, неясные самому Троцкому. Это мог быть бунт ради бунта. Краткая биография Троцкого, написанная Зивом, рисует нам молодого человека как яростного, не знающего дисциплины спорщика, агрессивного до иступления. Будоражащих причин было более чем достаточно в его окружении. Порядок, заведенный отцом в Яновке, воспринимался Троцким как несправедливый, феодальный. "Отец купил у Яновского более ста десятин земли и арендовал еще двести," пишет Троцкий, добавляя, что если бы не известные Временные правила 1882 года, запрещавшие евреям покупать и арендовать землю за городской чертой, то он еще более увеличил бы свои владения. "Неутомимым, жестоким трудом, не щадя ни себя, ни других, откладывая каждую копейку, мой отец возвышался в мире."

Классовое чувство проснулось у Троцкого так рано, что оно кажется врожденным. Отец был для него кулак. Еврейская бережливость отца не напоминала юноше о веках, прожитых его предками в условиях губительного экономического непостоянства, на уходившей из-под ног почве христианской Европы, — эта бережливость была для него лишь капиталистическим хищничеством. Без одобрения приводит он слова отца, сказанные как бы в извинение за скардность: "Я не люблю денег... но я люблю еще меньше, когда их нет."

Отец был кулак, эксплуататор; батраки рабелепствовали перед ним, он был груб с теми, кто работал на него, зависел от него. Некоторые сцены, запавшие в душу в раннем детстве, преследовали Троцкого многие годы спустя. Он помнил босую женщину, долго ожидавшую у порога родительского дома заработанный ею рубль. "Мое сердце сжималось при взгляде на это живое воплощение бедности и покорности." В другой раз отец задержал мужицкую корову, потравившую его поля. "Незамеченный отцом, я проскользнул в спальню и там, упав на кровать, дал волю слезам, — хотя был уже учеником второго класса", вспоминает Троцкий. Матери пришлось утешать подростка: "Мы вернули мужику корову и не оштрафовали его..." "Жажда приобретения, мелкобуржуазные взгляды и обычаи — одним мощным толчком я отчалил от этого берега, чтобы никогда к нему не

вернуться. С самого детства во множестве начались у меня конфликты, происходившие, как сказал бы юрист, на почве борьбы с социальной несправедливостью.” Батраки, особенно те, что постарше, видели, что сын хозяина на их стороне; это досаждало отцу, усиливало напряжение в семье.

Давид Бронштейн был неграмотен. Лишь к старости этот преуспевающий земледелец научился читать по складам — с тем, чтобы прочесть хотя бы названия книг своего сына. Наоборот, мать была хорошо образована, любила читать книги. Троцкий рассуждает о “еврейском комплексе” отца, во что бы то ни стало хотевшего дать возможно лучшее образование сыновьям. “После академических неудач моего старшего брата честолюбие отца сосредоточилось на мне. Первые годы как будто подтверждали его надежды, но потом вдруг все пошло прахом,” писал он впоследствии.

За этими словами стоит следующее. У юноши имелась склонность к математике — и Давид Бронштейн уже видел его инженером. Но тут радикализм будущего наркома вырвался наружу; он повел дружбу с революционерами, примкнул к ним — “все пошло прахом”. Когда доводы Бронштейна-старшего, убеждавшего сына выбросить из головы утопические мечты, не дали результатов, глава семьи пригрозил прекратить финансирование сына. Последний, казалось, только и ждал этого акта родительской тирании. Он тотчас ушел из дому и присоединился к подпольному братству молодых ниспровергателей-коммунаров.

Троцкий пишет, что в одну из своих коммерческих поездок в Николаев Давид Бронштейн каким-то образом узнал о новых знакомствах сына. Поняв их значение, он надеялся предупредить опасность силой родительского внушения. Между отцом и сыном произошло несколько бурных сцен. Младший решительно защищал свою независимость, свое право идти собственной дорогой и, в итоге, отказался принимать материальную помощь из дома.”

В пылу спора был затронут и вопрос о низвержении царской власти, десятилетиями занимавший русскую радикальную молодежь. Бронштейн младший считал это делом неизбежным и неотложным, однако “отец возразил враждебно: этого не случится и через триста лет”.

Практик и реалист, Давид Бронштейн не только не одобрял, но и не понимал визионерства сына. Это непонимание не своди-

лось к беспокойству за его судьбу, не было здесь и личного малодушия. Наоборот, он был храбр. Свою отвагу, непомерную гордость, абсолютную самоуверенность Троцкий унаследовал от отца. Отец ценил в сыне его независимость, умение постоять за себя. Когда в середине 1890-х годов Лев Бронштейн был исключен из школы за организованную им демонстрацию против одного из учителей, отличавшегося жестокостью, отец, по возвращении сына в Яновку, не сердился на него. Бунт сына против школьной администрации чем-то импонировал ему. "Хотя он и был огорчен, ему явно приятна была мысль, что его отпрыск, несмотря на звание первого ученика, был достаточно смел, чтобы освистать начальство." Ненависть к служилому чиновничеству, куда попадали и учителя, копилась у русских евреев из поколения в поколение.

Спустя примерно десятилетие вновь обозначилась возможность сближения между отцом и сыном, и опять — на почве столкновения последнего с властью. На этот раз речь шла уже о бунте не школьном, а государственном. Родители Троцкого присутствовали на суде над ним в Петербурге, после поражения революции 1905 года. "Их мысли и чувства двоились. Теперь нельзя было, как в бытность мою в Николаеве, отмахнуться от моего поведения, списать все на детскую шалость... Я был редактором газет, председателем Совета, известным автором. На пожилую чету все это произвело впечатление." Во время процесса старый Бронштейн был "бледен, молчалив", выглядел "одновременно страдающим и счастливым".

Первые десять лет своей жизни Лев Бронштейн прожил с родителями на хуторе. Воспитание мальчика было типичным для еврейских детей того времени. Позже Троцкий всячески преуменьшал роль еврейской среды в становлении своего характера, подчеркивал решающее влияние окружения нееврейского. В такой расстановке акцентов была большая доля правды. Мы уже отмечали особенности жизни хуторских евреев на юге России. Сказывались эти особенности и на детях, для которых национальная и ритуальная изоляция их городских сверстников была делом невозможным и непонятым, поскольку их собственный контакт с нееврейским миром начинался сразу за порогом дома. Однако дом Бронштейнов был все же еврейским домом, и если правда, что основное в человеке формируется в возрасте до пяти лет, то будущий нарком должен был вынести из этого

дома многие из прививаемых воспитанием национальных черт.

В зрелом возрасте все эти нежелательные черты ушли у Троцкого в подсознание. До конца своих дней он тщательно скрывал свою осведомленность в еврейских делах. И хотя во многих отношениях Троцкий был уникален, ярко оригинален, но здесь, в этом ключевом, как мы полагаем, пункте, он был именно ординарен, повторяя и предвосхищая путь многих. Достаточно бросить взгляд на видных мыслителей и революционеров еврейского происхождения, считавших себя интернационалистами. Карл Маркс вообще не был воспитан как еврей (его отец крестился за два года до рождения сына), и однако же он мучительно помнил о своем происхождении, сражался со своим невольным наследием — и так и не преодолел его до конца. Роза Люксембург, чьи взгляды были близки взглядам позднего Троцкого, также делала отчаянные попытки забыть свое еврейское прошлое. (Например полагают, что она знала идиш, а ведь известно, что она решительно отказывалась говорить на этом языке.) Другая марксистка-интернационалистка, Анжелика Балабанова, менее знаменитая соратница многих большевистских светил, в своей объемистой автобиографии ("Моя жизнь бунтовщицы") вообще умудрилась не упомянуть о своем еврейском происхождении.⁴ Нельзя не признать, что это выглядит по меньшей мере неестественно.

Семи лет Лев Бронштейн начал посещать хедер, еврейскую религиозную школу, находившуюся не в Яновке, а в соседнем селе Громоклее. В хедере учили библию на языке оригинала, по старым, из века в век неизменным правилам: чтение хором и нараспев, заучивание, перевод на идиш, комментирование.

С Громоклеей у Троцкого связаны были впечатления самые неприятные: группа религиозных евреев, с плевками и проклятиями, тащит по улице женщину легкого поведения, — вызывая в памяти картины ветхозаветного наказания блудниц; жестокая расправа над конокрадом, многие годы преследовавшая Троцкого. С одноклассниками Бронштейн младший не дружил. Контакт со сверстниками, между прочим, мешало то, что он не говорил на идише. Здесь возникает целый ряд вопросов. Возможно, родители мальчика и впрямь говорили дома "на смеси русского и украинского языков", как Троцкий сообщает в автобиографии, однако не зная идиша они не могли, и трудно вообразить, что они вовсе отказались от языка своей юности.

Их сын, с его блестящими способностями к учебе, вполне мог вынести из дома начатки этого языка, а позже, в Громоклее, оказавшись в языковой среде, должен был с легкостью, в течение нескольких недель, схватить основы разговорной речи, — если только народный язык евреев не внушал ему отвращения.

Что касается общей традиционной системы религиозно-этических знаний своего народа, так называемого *еврейского закона*, то и здесь знания Троцкого были, скорее всего, далеки от выставляемого им напоказ полного невежества. Когда в возрасте одиннадцати лет он учился в общей школе, в Одессе, отец нанял ему частного учителя, меламеда, для продолжения изучения Библии. Ученик обладал превосходной памятью. Никогда не занимаясь естественными науками, Троцкий и в конце своей жизни отчетливо помнил некоторые элементарные законы газовой механики, поэтому трудно допустить, что им вовсе были забыты сведения, заложенные в том же возрасте и гораздо ближе стоящие к области социальной, где сосредоточился весь интерес его жизни.

Отношение к идишу, та недобросовестность, с которой в течение всей своей жизни Троцкий твердил о незнании этого языка, могут служить индикатором отношения Троцкого ко всему еврейскому. Дело в том, что незнание еврейской традиции в нееврейской среде никогда не могло повредить Троцкому; наоборот, в целом ряде случаев, когда незнание идиша угрожало позициям Троцкого или его репутации, он нехотя обнаруживал знакомство с этим языком. Так было в 1937 году, в интервью с М. Рубинштейном, писавшем для идишистского издания; Троцкий настоял на том, чтобы ему прочли еврейский перевод его ответов, уверяя, что он "способен более или менее следить за текстом". Так было и в 1903—1904 годах, когда жившего в эмиграции Троцкого приглашали на диспуты в русские зарубежные студенческие колонии, почти сплошь состоявшие из евреев (которым процентная норма не позволила учиться в России); на этих встречах ему как представителю РСДРП приходилось спорить с лидерами Бунда. Почувствовав, что незнание текущей литературы Бунда мешает ему, Троцкий без особых усилий начал читать эту литературу в подлиннике.

В том же духе писала и газета "Jewish Daily Forward", интервьюировавшая Троцкого по его прибытии в Нью-Йорк в ян-

варе 1917 года. Троцкий, сообщает газета, выразил сожаление, что не владеет идишем бегло, однако разговорную речь он понимает. "Он даже однажды взялся за изучение идиша, чтобы читать еврейскую революционную литературу. Тогда же у него возникло и желание овладеть ивритом, но этому помешала нехватка времени."

В бытность свою в Вене (а он провел там годы) Троцкий посещал не только кафе "Централь" (где играл в шахматы с бароном Ротшильдом), но и кафе "Аркаден", где вторым языком, после венского диалекта немецкого, был идиш. На этом основании один еврейский журналист, лично знавший Троцкого в Вене, называет ложью все уверения последнего в его еврейской необразованности. Журналист категорически убежден, что Троцкий знал идиш.

Троцкий не имел и не выставлял принципиальных возражений против идиша, как это делали гебраисты, утверждавшие, что единственным национальным языком евреев является иврит. Он говорил Лазарю Клингу, редактору еврейского троцкистского издания "Unser Kampf": "Вы спрашиваете, как я отношусь к еврейскому языку. Как и ко всякому другому языку. Если я действительно употребил в своей автобиографии слово 'жаргон', то это потому, что в годы моей юности еврейский язык назывался не 'идиш', как теперь, а 'жаргон': так выражались сами евреи, по крайней мере, в Одессе, и в это слово не вкладывали ничего пренебрежительного. Слово 'идиш' вошло во всеобщий оборот, например, во Франции, только в последние 15—20 лет."

Клинг был в числе первых, кто отметил возросшую заинтересованность Троцкого еврейскими делами, — в 1926 году, когда Сталин прямо взял на вооружение антисемитизм в борьбе с оппозицией. С Троцким Клинг связывали давние отношения. Они познакомились в 1917 году через редактора нью-йоркской русской ежедневной газеты "Новый мир". Затем они встретились в Москве, в 1926 году. Клинг приехал в СССР с намерением поселиться там и уже получил назначение в отдел концессий при министерстве иностранных дел. Однако вскоре он обнаружил, что из-за его связей с оппозицией многие относятся к нему враждебно; тогда он вернулся в Нью-Йорк, в "Unser Kampf". Перед отъездом он имел с Троцким длинную беседу. Троцкий наметил для Клинга план работы среди американского

пролетариата. Большие надежды Троцкий возлагал на еврейских рабочих, чья роль в движении была затронута в этой беседе. Впоследствии Клинг переписывался с Троцким по политическим вопросам, так или иначе затрагивавшим евреев.

Троцкий никогда не уставал подчеркивать свой интернационализм. Он заверяет нас, что для него никогда не было выбора между благом еврейским и благом общечеловеческим: существовало только второе. Он был на стороне угнетенных, безотносительно к их национальной принадлежности. Его еврейство оставалось случайностью рождения, не более того; оно не бросало и тени на классовое сознание марксиста.

”Национальное никогда не занимало в моем мировоззрении независимого места, ибо мало ощущалось в моей повседневной жизни... Национальная принадлежность терялась в ряду прочих видов социальной несправедливости. Она никогда не играла ведущей или хотя бы сколько-нибудь заметной роли в списке моих печалей,” пишет Троцкий в автобиографии.

Конечно, он знал, что его отец, в силу ограничительного антиеврейского закона, не мог расширить своей земельной собственности, но — ”это мало влияло на мою позицию. Как сын процветающего землевладельца я принадлежал скорее к привилегированному классу, чем к угнетенному...” То же и со школой: ”...я знал, что число еврейских мальчиков, принимаемых в школу, было ограничено процентной нормой, и из-за этого я потерял год. Но в школе я всегда был среди лучших, и лично меня ограничения не задевали.”

Слова эти, где в качестве исходной точки берется собственное благополучие, странны в устах альтруиста, каковым Троцкий себя декларировал. Странны они и для человека, чувствительного к общественной несправедливости. Процентная норма была не только формой угнетения, она была унижительна. Начиная с 1887 года в университеты и гимназии черты оседлости принимали до десяти процентов евреев, вне черты норма составляла пять процентов, а в Петербурге и Москве — три. Выбор поприща перед молодыми людьми был существенно ограничен. Еще важнее, что еврейского ребенка в самом раннем детстве ставили лицом к лицу с вопиющей несправедливостью, вынуждая преждевременно взрослеть. Молодого Бронштейна все это не задевает, не волнует.

Можно было бы допустить, что в Одессе, крупном междуна-

родном порту, где постоянно жили и общались многие народы, национальные конфликты не носили столь острого характера, как в материковой России, в черте оседлости (впрочем, вековая традиция еврейских погромов в этом городе такого предположения не подтверждает); возможно, в одесской школе, где учился Лев Бронштейн, антисемитизм носил относительно мягкий характер. Сам Троцкий отмечает другое — “подспудный шовинизм, тут и там прорывающийся на поверхность” — и, соответственно, видит лишь равенство угнетенных: “учитель русской словесности, оскорбляющий польского ученика, учитель французского, запугивающий гимназиста немецкого происхождения, причиняли мне не меньшую боль, чем поп, покачивающий головой при виде евреев. Национальное неравенство было одной из непроявленных причин моего недовольства существующим строем.”

Итак, “пылкая ненависть к господствующему порядку” развилась у Троцкого в ранние годы, и одним из ее истоков были национальные ограничения. В этих ограничениях антисемитизм не играл самостоятельной роли; из мемуаров Троцкого не видно, чтобы он как еврей страдал больше других представителей национальных меньшинств России. Упоминается лишь единственный случай проявления антисемитизма (само это слово не произнесено), объектом которого стал молодой Бронштейн. Некто Владимир Родзевич, сын полковника, пригласил Льва Бронштейна к себе. Здесь, в доме полковника Родзевича, еврейскому гимназисту ясно дали понять, что он — гость нежелательный, и нанести ответный визит его однокашнику не позволят. После революции Троцкий узнал, что полковник Родзевич принадлежал к пресловутому Союзу русского народа, или черной сотне. Нигде больше о своих личных национальных унижениях Троцкий не вспоминает, тем самым подводя читателя к мысли, что антисемитизм исчерпывался единичными проявлениями. Совсем иную картину рисуют другие мемуаристы той поры. Простой перечень специальных правительственных мер показывает, что антисемитизм был элементом повседневной жизни еврея и не мог сводиться к частным и чисто внешним эпизодам, подобным рассказанному. Все это опять показывает наличие жесткой предвзятости у Троцкого-мемуариста, во имя идеи закрывающего глаза на реальность.

Много искреннее звучит короткое замечание П. Аксельро-

да о его учебе в русской гимназии: "Не мешает отметить, что и в этом классе ученики отнюдь не забывали, что я жидок, и большой товарищеской близости у меня с ними не было."

Школьные годы Ю. Мартова тоже были полны мучений. Его автобиография, в отличие от автобиографии Троцкого, изобилует рассказами о том, сколько натерпелся и он, и его брат в русской школе. Он мрачными красками рисует картину царских школ той поры, описывает намеренные жестокости учителей-антисемитов.⁵

Нет оснований полагать, что Троцкий был менее самолюбив, чем Мартов, поэтому слова Истмена о том, что антисемитизм в одесском реальном училище едва ли был в числе причин, от коротых молодой Бронштейн плакал; что он (антисемитизм) не оставил никаких следов в подсознании мальчика, — не кажутся нам убедительными. Но Истмен прав, когда он говорит, что стиль поведения будущего революционера с детства был княжеским, и что Бронштейн именно по-княжески старался игнорировать национальные различия. Другое дело, что и сами эти различия, и — что еще важнее — напряженное отношение к ним окружающих в тогдашней России были в числе вещей, на которые реалисту не следовало закрывать глаза.

Если мы поверим искренности Троцкого, нам придется признать, что он лучше многих других сумел подавить в себе еврейскую уязвимость. Но среди этих многих не будет Розы Люксембург. Она еще успешнее справилась с этой непростой задачей: в то время как Троцкий смотрит на все еврейское с объективностью постороннего, она взирает на национальные черты выдвинувшего ее народа с брезгливой неприязнью чужака.⁶

Хотя Троцкий и не был религиозен, он несомненно впитал в раннем детстве элементарные познания о еврейских традициях и обычаях. Он вспоминает, что в семье религиозные предписания соблюдались не строго, скорее по инерции: в праздники родители прогуливались в сельскую синагогу; в субботу мать воздерживалась от шитья, по крайней мере на виду у других. Но и это соблюдение религиозных церемоний слабело с годами — по мере того, как росли дети и семейное благосостояние. Отец с юности не верил в Бога, а в более поздние годы говорил об этом открыто в присутствии матери и детей. Мать предпочитала обходить этот вопрос, хотя по временам и молилась.

Здесь тоже имеются неувязки, останавливающие внимание. Пусть и впрямь неграмотный крестьянин, еще не задетый просвещением, уступил общему атеистическому настроению эпохи и открыто говорил о своей неверии — зачем он стал бы тогда настаивать на еврейском воспитании сына, да еще нанимать ему частного преподавателя Библии?

Когда в возрасте девяти лет Лев Бронштейн был отправлен в Одессу, в реальное училище св. Павла, он продолжал там посещать школьные религиозные занятия. Школа была многонациональная, закон божий преподавался в отдельных группах православным, католикам, протестантам и евреям. Но именно в те годы молодой человек становится законченным атеистом, главным образом под влиянием четы Спенсер, у которой он жил. Моисей Филиппович Спенсер, племянник матери Льва, был журналистом, человеком радикальных взглядов, за что некогда его исключили из университета. Троцкий впоследствии не скрывал, что его двоюродный брат сыграл важную роль в формировании его характера и социальной философии. Несомненно и то, что чисто формальное, без какой-либо серьезной культурной подоплеки, соблюдение еврейского ритуала в доме Бронштейнов оттолкнуло юношу от религии. Будучи рационалистом, он восстал против веры, приравняв ее к суеверию.⁷

В 1898 году, впервые арестованный за революционную деятельность, Лев Бронштейн (еще не Троцкий) оказался в одесской тюрьме, где ему представился случай вдосталь читать религиозную литературу. Этим случаем он не преминул воспользоваться. Помимо Библии были там и исторические и религиозные журналы, так что в итоге он научился свободно ориентироваться во всевозможных сектах и ересьях. О Библии, тоже внимательно читанной им тогда заново, Троцкий сказал спустя многие годы, что эта новая встреча со знакомой старой книгой мало способствовала спасению его души.

Отмечают (например, Хаим Гринберг), что Библия не оказала никакого влияния на слог Троцкого, что она служила ему единственно для изучения иностранных языков. Это не совсем точно. В самом деле, пророки, Книга Иова, Песнь Песней — крайне редко приходят на ум Троцкому, да и то лишь как лингвистические вспомогательные средства. Но что, по всей видимости, произвело на Троцкого сильное впечатление, так это Евангелие. Во всяком случае, сочинения Троцкого густо ис-

пещрены аллегориями и намеками из Нового Завета⁸, более того, кажется, что проникновение в христианскую символику далось ему легче и естественней, чем в ветхозаветную.

Много читавший и писавший, Троцкий был все же в гораздо большей степени человеком дела, чем человеком слова. Неутолимая жажда деятельности владела им; вот уж для кого марксизм и в самом деле был не догмой, а руководством к действию! Характер Троцкого рельефнее всего вырисовывается в его столкновениях с людьми; в частности, с женщинами.

Первая жена Троцкого, Александра Львовна Соколовская, была еврейкой. Как и он, она принадлежала к радикальной молодежи начала XX века, причем в момент знакомства уже была активисткой социал-демократического движения, тогда как Лев Bronштейн еще не был марксистом. Знакомство (оно произошло в Николаеве) началось обоюдным пикированием по поводу социальных воззрений друг друга и обоюдной же неприязнью. Соколовскую раздражала надменность Bronштейна, нетерпимость к чужому мнению, дидактический тон и изощренность аргументации — все то, что нам привело бы на ум мысль о древних талмудистах, среди которых могли быть предки этого молодого человека, ни разу в жизни не заглянувшего в Талмуд. Тем не менее, взаимная неприязнь Троцкого и Соколовской вскоре сменилась любовью, тоже взаимной.

Давид Bronштейн, разумеется, не хотел и слышать о браке сына в столь раннем возрасте, да еще на революционерке, которая, к тому же, была не менее чем на шесть лет старше Льва. И хотя в упрямстве отец не уступал сыну, добиться он сумел немногого, а именно — отсрочки: после совершеннолетия Льва его брак с Соколовской состоялся (по-видимому, летом 1900 года) — в камере московской тюрьмы. Это был религиозный еврейский брак, совершенный раввином. Обручальное кольцо одолжил один из заключенных. Благословения старшего Bronштейна не потребовалось; вряд ли его даже поставили в известность о браке.

Вскоре после суда молодожены оказались в ссылке, в Сибири, где Соколовская родила двух дочерей (чья бедственная судьба далеко не исчерпывалась тем, что отец оставил их в младенчестве). Из Сибири Троцкий бежал навстречу своему великому поприщу; о Соколовской — вспомнил лишь затем, чтобы назвать этот брак фиктивным, о дочерях, кажется, и вовсе не

вспоминал, — между тем всем троим была уготowała гибель в сталинских лагерях как раз за то, что они — семья Троцкого. Это практически все, что известно о его первом браке.⁹

В Париже Троцкий встретил Наталию Седову, тоже революционерку и, разумеется, атеистку, которая в 1903 году стала его второй женой; на этот раз брак был гражданский и — на всю жизнь. Седова родила Троцкому двух сыновей, с детства носивших фамилию матери, — жест родительской заботы, ибо такой отец как Троцкий — и на вершине славы и могущества, и как объект травли и гонений, — был неудобен: в первом случае это стесняло самостоятельность детей, во-втором — просто оборачивалось смертельной опасностью.¹⁰

Оба сына, Лев и Сергей, были крещены родителями в лютеранство перед первой мировой войной, когда семья жила в Вене. Объяснение этого странного для атеистов шага, имеющее смысл апологетики, находим в одной из дневниковых записей Троцкого той поры. Согласно этой записи, вопрос о религии возник, когда старший сын, Лев, поступал в школу. По действовавшему тогда австрийскому законодательству дети до 14 лет должны были посещать уроки по религии своих родителей. Поскольку в документах Троцкого и Седовой не значилось никакой религии, а открытая декларация атеизма могла повредить ребенку, они решили крестить сыновей и выбрали лютеранство — как самую необременительную конфессию. Уроки закона божьего, кажется, понравились Льву Седову. В той же дневниковой записи великого революционера сообщается, что однажды ночью, перед тем как уснуть, ребенок бормотал что-то в постели, — оказалось, молитву. Отцу он сказал: "Знаешь, молитвы бывают очень красивые, как стихи."

В связи с этим крещением сразу возникает несколько вопросов. Пережде всего, почему лютеранство? Наталия Седова родилась в православии, Троцкий — в иудаизме: одну из этих двух религий и можно было выставить, если речь шла лишь о соблюдении формальности. Если иудаизм не подходил (ибо, в конце концов, всякий, кто взял на себя роль родителя, думает о будущем своих детей), то можно было декларировать православие, которое вовсе не было в диковинку в пестрой, наполовину славянской Австро-Венгрии. Иное дело — смена конфессии. Это — активное действие, и в нем всегда есть выбор, есть отталкивание и предпочтение. Тут уместно вспом-

нить, что реальное училище, которое посещал Троцкий в Одессе, было основано немецким лютеранским приходом. Лютеранская атмосфера могла быть в чем-то более приемлемой для него, чем православная. К этому объяснению склоняется биограф Троцкого А. Дойчер; еврейская и православная ортодоксия были, по его словам, одинаково мрачны, угрюмо-консервативны, нетерпимы к любой новой мысли, — и этим отталкивали образованных людей. Троцкий мог не хотеть компромисса с религией, которая была неспособна принять, пусть хотя бы тоже в форме компромисса, последних достижений разума и цивилизации.

Наконец, лютеранином по воспитанию был Карл Маркс, духовный отец Троцкого, чье главное творение, "Капитал", изобилует цитатами из Мартина Лютера. Тот же Маркс мог внушить Троцкому и ненависть к иудаизму, которую этот потомок знаменитой династии раввинов открыто декларировал. (Маркс даже христианство осуждал главным образом за то, что оно уподобляется иудаизму, а христианин, по его словам, в своей повседневности стал попросту евреем.) Выбирая для сыноушей лютеранство, Троцкий мог подсознательно отождествлять себя с тем, кто во всем служил для него примером.

На уровне подсознания могли работать и вещи совершенно второстепенные. Со своих школьных лет Троцкий восхищался немецкой опрятностью, чистотой, упорядоченностью — и сам тяготел к тем же качествам в работе и в быту. В автобиографии он противопоставляет опрятные дома немецких колонистов убогим еврейским лачугам Громоклеи. Возможно, он стыдился безалаберности "самого грязного из народов" (Маркс о евреях) и своей связи с ним, и крещение детей в лютеранство в каком-то смысле олицетворяло для него бегство из гетто в хорошо выметенный и освещенный немецкий квартал.

Известно, что именно лютеранство было наиболее привлекательно для русских евреев-ассимиляторов, решивших креститься. Это, конечно, относится лишь к тем, кто искал входной билет в европейское общество, по выражению Гейне, а не к тем, кто менял религию по убеждению. Лютеранство (вообще протестантизм) предпочитали другим видам христианства потому, что и процесс обращения, и богослужение в нем сравнительно просты, а молитва напоминает задушевный разговор человека с Творцом. В случае обращения взрослого даже не требовался обряд крещения.

Наоборот, православная церковь требовала от новообращенного еврея полного разрыва с прежней верой; во время обряда крещения его вынуждали отречься от всех своих еврейских родственников, даже от родителей и жены.

Троцкий неизменно раздражался, когда с ним заводили разговор об ассимиляции. "Вы говорите," писал он одному еврейскому троцкисту, "что меня называют ассимилятором. Решительно не знаю, какой смысл может иметь это слово." Возражать против изоляционизма еврейского пролетариата — не значит отстаивать ассимиляцию, тут просто нет ничего общего, настаивает Троцкий.

Однако полное пренебрежение к еврейской традиции (стало быть, и к религии), по существу равнозначное отрицанию за евреями статуса народа, не есть неотъемлемая составляющая марксизма. Ни теория, ни практика этой мировоззренческой системы не свидетельствуют о предпочтительности христианских культурных и моральных ориентиров перед еврейскими. Теоретически все религиозные системы одинаково реакционны для марксиста; практически же многие еврейские марксисты сохранили уважение и даже благодарное сыновнее чувство к еврейской народной традиции, выпестованной иудаизмом.

Один из таких марксистов, лидер меньшевиков и друг Ленина Ю.О.Мартов, был настолько европеизирован, что вряд ли знал хоть одно слово на идише. Судьба поставила его в положение, сходное с положением Троцкого в Вене. В 1913 году в России была объявлена амнистия по случаю трехсотлетия дома Романовых. Мартов вернулся из эмиграции, но не мог легально поселиться в Петербурге: ограничения на евреев оставались в силе. Его друг А.Н.Потресов советовал ему фиктивно креститься в лютеранство, благо это был путь, проделанный многими и не стоивший ни труда, ни денег. Мартов, однако же, решительно отказался, предпочтя нелегальное положение со всеми вытекающими из него последствиями. Что помешало ему поступить *как все?* не то ли, что он не отвернулся от своей родни, не счел близких врагами?

С годами у Троцкого установились нейтральные отношения с родителями. Попытки полного примирения продолжались, но результата не дали. Родители посещали сына в эмиграции — в Париже, Вене, Берлине. Мать не дожила до того дня, когда

Троцкий достиг вершины своей славы и власти: она умерла в 1910 году, в возрасте шестидесяти лет. Троцкий отмечает этот факт в своей автобиографии сухо, как если бы речь шла о чужом человеке.

Отец Троцкого пережил жену на двенадцать лет. К моменту Октябрьской революции он был очень состоятельным человеком; революция полностью разорила его. Его сына, вознесенного революцией на вершину власти, никак нельзя было упрекнуть в протекционизме. Анжелика Балабанова рассказывала, что в самое тяжелое время гражданской войны ей довелось ходатайствовать перед наркомом за женщину, у которой отобрали ее частное предприятие — атку, а с нею — и единственное средство к существованию. Троцкого эта история не тронула. Мой отец, сказал нарком, уже в течение двух лет не может навестить меня из-за отсутствия обуви; я мог бы помочь ему — но почему ему, когда вокруг столько разутых? Троцкий, конечно, не сводил таким образом счетов со стариком, а просто действовал в соответствии со своими принципами. Но эти принципы, возможно, не были бы столь безупречны, если бы он просто любил отца.

Троцкий пишет, что в самый разгар гражданской войны, с особенной яростью бушевавшей на юге и сопровождавшейся частой сменой власти, семидесятилетний Давид Бронштейн пешком прошел сотни верст, чтобы найти пристанище в Одессе. Для красных этот нищий старик был кулак, для белых — он был отец Троцкого; те и другие могли расстрелять его без суда. После занятия красными юга он переехал в Подмоскowie, где около года управлял небольшой государственной мельницей. Бывший в то время комиссаром продовольствия А.Д.Цюрупа любил беседовать с ним о крестьянских делах. Бронштейн умер от тифа в 1922 году, в тот самый час, когда Троцкий выступал с докладом на съезде Коминтерна.

Кажется, что убежденный враг большевизма, а значит, и Троцкого, английский премьер У.Черчилль, нашел в себе больше тепла к покойному Давиду Бронштейну, чем его родной сын. В одной из своих речей Черчилль упомянул о Бронштейне как о честном труженике и верующем еврее, сумевшем с достоинством вынести и страшное русское безвременье, и равнодушие вознесшегося к вершинам власти сына.

Наталия Седова пишет о свекре: "Положение сына могло бы быть для него источником гордости, но он таковой не обнару-

живал. С недобрым блеском в глазах он говорил о том, что отцы трудятся не покладая рук, чтобы обрести утешение в старости, — и тут сыновья делают революцию.”

Весьма вероятно, что Давид Бронштейн хотел быть похороненным по еврейскому обряду. Если он просил об этом сына, то можно не сомневаться, что Троцкий посоветовал ему выкинуть из головы сентиментальный вздор, замешанный на суеверии. Б.-Ц.Кац, редактор ежедневной ивритской газеты ”Гаам”, выходящей в России с 1917 и закрытой большевиками, писал: ”Когда в 1922 году умер его отец, Троцкий отказался похоронить его на еврейском кладбище. Он распорядился зарыть его в саду того дома, где старик жил до дня своей смерти... Это была еще одна попытка сына разделаться со своим неотвязным еврейским прошлым.”

Г л а в а 3

НАВАЖДЕНИЕ ПОГРОМА

Первого марта 1881 года, на Екатериненском канале в Петербурге, бомбой народовольцев был убит царь-освободитель Александр II. Его сын и наследник, Александр III, всегда был предубежден против евреев и до конца своих дней считал их виновниками гибели отца. Последнее не согласовалось с исторической правдой: из шести человек, представших перед судом (и приговоренных к смерти), пятеро не были евреями, а шестая, Геся Гельфман, играла в царевубийстве совершенно второстепенную роль.

Правление Александра III было временем жестокой реакции. Антисемитизм, закрепленный в нескончаемой череде ограничительных законов, приобрел агрессивный характер, поощрялся двором. Погромы готовились и инспирировались высочайшими чиновниками империи.

Годы 1881—1882 стали важной вехой в истории российского еврейства. Кровавая резня вызвала к жизни эмиграцию, двумя потоками хлынувшую за океан и в Палестину. До начала первой мировой войны Соединенные Штаты приняли более полутора миллионов еврейских иммигрантов. Несравненно меньшая по масштабам иммиграция в Палестину носила не менее решительный, и, к тому же, идеалистический характер.

Когда слово *погром*, теперь вошедшее в основные европейские языки, не дозволялось царской цензурой, евреи использовали вместо него эвфемизм "бури на юге" (суфот б-негев) и т.п. Влияние погромов на еврейские общины России было огромным. Особенно оно ощущалось на юге. Льву Бронштейну было около трех лет, когда погромы сделались ежедневной темой разговоров в доме его родителей, как и во всех еврейских домах российского юга. Можно не сомневаться, что мальчик впитывал все эти разговоры с присущей ему обостренной чувствительностью. (В ту пору, в начале 1880-х, Яновка избежала погрома; погром разразился здесь в 1899 году, став как бы продолжением свирепого погрома в Николаеве.¹¹) Излишне пояснять, что разговоры эти питались не праздным любопыт-

ством, а реальной опасностью, живым ежедневным страхом. Никто не знал, где может быть нанесен следующий удар.

Травматические переживания маленького Льва Bronштейна объясняют, почему погромы всегда были на уме у марксиста Троцкого, сделались второстепенной, но неотвязной темой в его бесчисленных статьях и речах. Как наваждение, они преследовали бесстрашного революционера; слова "погромщик" и "черносотенец" прочно входят в его полемический словарь.

Сложилась традиция связывать антисемитские выступления с реакционной частью общества. Наоборот, считалось, что тогдашним радикалам-социалистам, выступавшим против всякого подавления и преследования, чужды и преследования национального меньшинства. На деле все оказалось сложнее. Э. Зильбернер писал: "Что бы ни думалось доктринеру, он не может отменить того факта, что многие великие социалисты были антисемитами."¹²

Антисемитизм проник в некоторые революционные круги в России еще до развития социалистических настроений и партий в этой стране. Как это ни странно, антисемиты были и среди народовольцев, чья партия ориентировалась на крестьянство и тяготела к Бакунину. В критический 1881 год, в ответ на волну погромов, "Народная воля" назвала избиение евреев "началом мощного социального движения". 1 сентября исполком этой партии выпустил манифест, призывающий народ восстать против "еврейского царя", евреев и дворян. В партийной газете "Народная воля" некто Романенко писал, что "все внимание народа сосредоточено теперь на торговцах, шинкарях, ростовщиках, словом — на евреях".

Петр Лавров, идеолог народников, воздержался по тактическим причинам от протеста против погромов 1881—1882 годов. Он убеждал П. Аксельрода не публиковать листовку по этому поводу; в письме от 11 апреля 1882 года он писал Аксельроду: "...должен Вам сознаться, что считаю еврейский вопрос крайне сложным и с практической точки зрения крайне трудным для партии, цель которой установить возможно более тесный контакт с [русским] народом и восстановить его против правительства".

Г.В. Плеханов, "отец русского социализма", тоже, по видимому, не был свободен от антисемитских предрассудков. Когда в России разразились погромы 1880-х годов, он в каче-

стве политического эмигранта жил в Швейцарии. Ни единого слова протеста не произнес он в связи с этим народным движением, более того, не одобрял протестов своих ближайших друзей и соратников Дейча и Аксельрода. Он хранил многозначительное молчание.

Быть может, тут кроется и объяснение той антипатии, которую Плеханов испытывал к Троцкому задолго до их первой очной встречи осенью 1902 года. Прочитав первую статью, отправленную Троцким в "Искру" (а в ней было немало недостатков, которые недоброжелатели традиционно приписывают евреям: самовыпячивание, цветистый стиль, помпезность, тщеславие, безграничная самонадеянность; притом еще бросался в глаза вычурный псевдоним Перо), Плеханов сказал Ленину: "Перо нашего Пера мне не нравится."

Отношение Плеханова к евреям прояснилось лишь после его (и Ленина) смерти. В памятной записке, составленной Лениным в сентябре 1900 года, через месяц после учредительной встречи редакторов газеты "Искра", имевшей место в Швейцарии, он сообщает, что на этой встрече всплыл вопрос о Бунде и о евреях. (Присутствовали, кроме Ленина и Плеханова, Аксельрод, Вера Засулич и Потресов.) Ленин писал, что "...по вопросу о нашем отношении к Бунду Г.В. [Георгий Валентинович Плеханов] продемонстрировал феноменальную нетерпимость, назвав его организацией не социал-демократической, а эксплуататорской, эксплуатирующей русских. Он сказал, что наша цель — выкинуть Бунд из партии, что все евреи — шовинисты и националисты, что российская партия должна быть русской, что она не должна дать 'этому змеиному племени заключить себя в тюрьму' и т.д. Все попытки противоречить этим несправедливым упрекам были бесполезны, Г.В. остался при своем мнении, утверждая, что мы просто не знаем евреев и что у нас нет жизненного опыта общения с ними."

Эта записка была опубликована в первом томе "Ленинского сборника" (М., 1924), а затем в первом издании собрания сочинений Ленина. В последующие годы строки, касающиеся евреев и Бунда, опускались, обозначаясь отточием. Полный текст может быть найден в четвертом издании полного собрания сочинений Ленина (М., 1946).

В 1903 году, во время одной из дискуссий в русском студенческом землячестве в Швейцарии, Троцкий коснулся своего

участия в борьбе против антисемитизма в Николаеве. Неясно, однако, когда эта борьба могла иметь место; во всяком случае, во время известного погрома в Николаеве, в апреле 1899 года, Троцкий находился в одесской тюрьме.

В сочинениях Троцкого имеется множество упоминаний о знаменитом кишиневском погроме 1903 года, который в свое время вызвал широкий негодующий отклик во всем мире, включая дипломатическую арену. В апреле 1903 года, когда погром разразился, Троцкий находился за границей и был полностью погружен в деятельность РСДРП и внутренние противоречия в группе "Искры"; тем не менее погром произвел на него неизгладимое впечатление. Он, например, принял участие в полемике, которая развернулась в Киеве между левыми партиями и косвенно имела отношение к кишиневскому погрому. Поскольку запланированная первомайская демонстрация должна была состояться вскоре после погрома, киевские социал-демократы решили отменить ее, чтобы не попасть в ловушку реакционеров и не дать в их руки повода отвлечь внимание общественности от погрома. Социалисты-революционеры, напротив, настаивали на демонстрации: будь что будет. Троцкий целиком поддержал решение социал-демократов: он опасался вспышки новых погромов. Он писал: "Под свежим впечатлением кишиневских событий, под шквалом чудовищных слухов, распространяемых полицией, — в Киеве ожидают, что за демонстрацией последуют погромы. Власти готовы к жестокому подавлению демонстрации — под предлогом подавления погрома. Погромщики тоже подготовились. Выйти на улицу в такой обстановке означало бы дать противнику бой при неблагоприятных условиях, созданных им самим. Уклонение от такого боя не есть признание поражения. Это значит — оставить за собою право выбора более удобного момента. Конечно, превращение заранее подготовленного погрома в политическую демонстрацию было бы большой победой. Но было бы крупным поражением позволить противнику превратить подготовленную демонстрацию в еврейский погром. Выждать, пока неблагоприятный момент пройдет, — тактическая обязанность революционной организации, если только она действительно рассматривает демонстрацию как орудие воспитания масс, а не как революционную судорогу."

С чудовищной реальностью погромов Троцкий непосредственно столкнулся по возвращении в Россию в 1905 году. Это был

очень важный год в карьере Троцкого, поворотный пункт его общественной жизни. Революция 1905 года, последовавшая за сокрушительным поражением России в русско-японской войне, в одну ночь сделала его знаменитым. Даже Ленин отдал должное энергии и таланту Троцкого, в двадцать шесть лет ставшего председателем Петербургского совета. Доверие, заслуженное Троцким, было косвенным свидетельством того, что большевиков революция застала врасплох. Прекрасно понимая важность этой революции, Троцкий, вместе с тем, рассматривал ее лишь как репетицию будущей победоносной революции. В течение пятидесяти дней Троцкий руководил действиями совета и судьбами революции. Впоследствии он писал, что "история этих пятидесяти дней будет бледной страницей в великой книге борьбы и победы пролетариата".

Для уяснения роли Троцкого в эти годы следует выделить два аспекта: общий и еврейский. Кровавое воскресенье 9-го января 1905 года, унижительное поражение в войне с Японией, массовые, непрекращающиеся забастовки рабочих (особенно в Петербурге и в Москве), требования конституции и восьмичасового рабочего дня, царский манифест от 17-го октября, — таковы были вехи тогдашней русской жизни. На заднем плане — для большинства неинтересном — маячила страшная волна октябрьских погромов, унесших больше тысячи еврейских жизней, и угроза новых, стихийных и спровоцированных, грабежей и насилий.¹³

Троцкий, всегда твердивший о подчиненности, вторичности еврейских дел — как для него самого, так и для его революционного дела, сыграл свою роль не только в революционной жизни тогдашней России, но и в ее еврейской жизни.

Говоря о погромах, он обыкновенно старался выбирать слова помягче. По-видимому, его раздражало установившееся мнение, что еврей всегда выступает в роли бессловесной жертвы. С другой стороны ему никак не удавалось увязать и соотнести между собой универсалистскую революционную гуманность с сочувствием к евреям. Например, говоря о тех, кого громила черная сотня, он объединял студентов, социалистов и евреев (именно в этом порядке). Действительно, в таком или почти таком составе виделись тогдашней русской черни враги царя и отечества, — однако для черни евреи в этом списке всегда стояли первыми. Так же точно и слово "погром" до такой сте-

пени срослось с представлением об избиении евреев, что его расширительная трактовка (принятая, заметим, в СССР), в устах Троцкого звучит искусственным приемом, натяжкой.

Но не Троцкий-универсалист, а Троцкий-еврей оставил нам живое описание погромов 1905 года в одной из своих статей той поры. Невозможно поверить, что автор смотрит на евреев и их несчастья глазами постороннего.

Оба аспекта революции 1905 года — общий, с проблемами зашедшего в тупик режима, и частный, с проблемой массового и беспричинного избиения евреев, — оказались в центре внимания на судебном процессе Троцкого и его товарищей по Петербургскому совету. Троцкий был арестован 3 декабря 1905 года; властям потребовалось более полугода для того, чтобы подготовить обвинительный акт и разработать план обвинения. Слушание дела началось лишь 15 сентября 1906 года. Поскольку обвиняемым вменялось "вооруженное восстание", дело могло быть передано военному трибуналу. Правительство, однако, решило идти менее зловещим путем и ограничиться обычной судебной палатой. Тем самым исключалась возможность смертного приговора для обвиняемых; однако приговор ожидался суровый. Сенсацией процесса стала речь Троцкого, произнесенная им 4 октября 1906 года. Ораторское искусство и смелость молодого революционера произвело огромное впечатление на всех присутствующих, на всю Россию. Впрочем, на приговор, преддeterminedный властью, эта речь повлиять не могла.

Процесс стал "прекрасной демонстрацией политической сознательности и нравственной доблести петербургских рабочих" (Троцкий). Прокуратура не сомневалась, что свидетели защиты не посмеют давать показания против власть имущих и в последний момент отрекутся от руководителей Совета. Но прокуратура обманулась. Защита сумела выставить 250 свидетелей, подтвердивших свою солидарность с обвиняемыми. Были зачитаны заявления, которые в общей сложности подписали сто двадцать тысяч человек, гласившие примерно следующее: "Мы, рабочие такого-то завода, признаем себя виновными во всех тех преступлениях, в которых обвиняются наши товарищи... Поэтому мы просим считать нас такими же подсудимыми, как они." Это со всей очевидностью обнаружило, что советы — не сборища самозванцев, а выразители настроений рабочих масс, готовых идти на жертвы ради революции. Совет оказался не хун-

той, а представительным органом.

В то время как прокуратура готовила процесс, защита тоже готовилась, вырабатывала единую линию поведения на суде. Но достичь полного согласия не удалось. Возникли серьезные разногласия между Троцким и лидерами меньшевиков, между Троцким и защитниками.

После раскола между меньшевиками и большевиками на 2-м съезде РСДРП в 1903 году Троцкий не взял сторону ни тех, ни других. В 1905, в революционном Петербурге, он тесно сотрудничал с меньшевиками. Накануне суда Мартов от имени центрального комитета меньшевиков убеждал арестованных занять умеренную позицию, не обострять конфликт, отрицать участие в вооруженном восстании, пытаться доказать суду, что Совет действовал в рамках манифеста 17-го октября. Троцкий наотрез отказался избрать эту линию. В своих речах, произнесенных до ареста, он высмеивал манифест — и теперь не желал прикрыться этим документом. Он хотел превратить суд в трибуну пролетарского дела, открыто взять на себя обвинение в вооруженном восстании, признать, что Совет уже подготовил политическую почву для свержения существовавшего режима, — что, несомненно, было преувеличением. Иными словами, он руководствовался примером Маркса и Лассалья, которые выбрали именно такой вызывающий путь поведения перед судом в 1848 году, когда им были предъявлены сходные обвинения.

Столкновение Троцкого с его защитником О.О.Грузенбергом было не менее основательным. Грузенберг тоже настаивал на отрицании обвинения в вооруженном восстании. Он рекомендовал своим клиентам хранить полное молчание по этому вопросу. Троцкий не хотел и слышать о подобном малодушии. В результате его адвокат вынужден был публично пожаловаться на то, что Троцкий разрушет выбранный им план защиты.

Грузенберг имел в виду подчеркнуть вопрос о погромах и, тем самым, атаковать царское правительство в его наиболее уязвимом месте. Связь между революцией 1905 года и волной погромов, захлестнувших страну после забастовок петербургских и московских рабочих, казалась ему самоочевидной; по меньшей мере, эти события совпадали по времени. Сразу после объявления царского манифеста, 18 и 19 октября 1905 года, вместе с ликующими праздничными демонстрациями — часто под предлогом их разгона (так как они будто бы были организо-

ваны и предводимы жидами) — в черте оседлости произошло 725 погромов. Менее очевидными были организующие силы погромов.

Спонтанный народный антисемитизм и погромная инициатива местных властей, подогреваемая поощрениями сверху, иногда наталкивались на активное противодействие русской интеллигенции. Знаменитый писатель Владимир Короленко, узнав в октябре 1905 года о лихорадочных приготовлениях полтавских черносотенцев, отправился на рыночную площадь города и часами, изо дня в день, убеждал крестьян не убивать евреев. В культурной части тогдашнего русского общества проявлений антисемитизма стыдились; однако те, кто, подобно Короленко, активно пытался противодействовать погромам, были в меньшинстве.

Тщетно обвинение на процессе Троцкого пыталось избежать обсуждения недавней резни евреев, которую защита постоянно связывала с судьбой и характером действий обвиняемого. Погромы с самого начала процесса словно бы осеняли его. Они и вообще были злобой дня, а тут еще свидетели на суде показали, что Петербургский совет сумел предотвратить погром. Действительно, Совет специально собирался 29 октября в связи с тем, что петербургский генерал-губернатор Д.Ф.Трепов, по слухам, усиленно готовил погром. К Трепову была послана делегация от городской управы. Тот был достаточно откровенен и слухов не опровергал, напротив, утверждал, что "истинно русские люди" вправе открыто выражать свое возмущение изменческими настроениями среди евреев, студентов и социалистов. Остроумный ответ Трепова был передан делегацией исполкому Совета. Через несколько часов двенадцать тысяч вооруженных рабочих были готовы принять вызов погромщиков. Погром не состоялся.

Есть свидетельство, что и в Киеве Троцкий участвовал в организации еврейской самообороны. Еврейский студент из Николаева рассказывает: "После первого погрома еврейская община была охвачена глубоким трауром... Через два дня мой старший брат, активист местной социал-демократической организации, сказал мне, что глава их партии хочет поговорить со мной... Это был Троцкий. Брат по секрету сказал мне, что Троцкий вернулся из-за границы и руководит революционными действиями на Украине из Киева. По временам он бывает и в

Николаеве, чтобы подбодрить местных революционеров, верных ему еще с той поры, когда он руководил ими под своей настоящей фамилией Бронштейн... Троцкий пригласил меня в свою комнату и подробно расспросил о митинге студентов в политехническом институте в день погрома. Не проявляя интереса к подробностям погрома и к причинам беспомощности русских защитников евреев, он просил меня передать ему как можно подробнее речи и рассуждения студентов, а затем, касаясь вопроса о самообороне, сообщил мне с удовлетворением: Вам следует знать, что мы заключили соглашение с руководителями местных сионистов о создании совместной организации самообороны. В ней будут участвовать наши друзья-сионисты и члены РСДРП. Вы с братом будете осуществлять связь между нами и сионистами. Как только произойдет новая вспышка, прошу вас немедленно явиться ко мне за инструкциями. Действительно, через неделю черная сотня попыталась устроить в нашем городе новый погром, но на этот раз бандитов встретила сильная и хорошо организованная самооборона... Квартира Троцкого служила штабом. Первые новости были весьма обнадеживающими, но к обеду к погромщикам присоединились полицейские и казаки, и защитники обратились в штаб за дополнительным оружием... Троцкий снабдил оружием все горячие точки... Разочарование наступило позже. Наши ожидания, что наш новый союзник, русская социал-демократия, в лице ее знаменитого вождя, революционера Троцкого, полностью удовлетворит наши нужды в оружии, не оправдались... Когда двумя днями позже я опять просил у Троцкого оружия, он ответил: 'Я узнал из достоверных источников, что ваш лидер Жаботинский успешно организовал еврейскую самооборону в Одессе и что там нет недостатка в оружии. Обратитесь к нему'. Не имея другого выхода, мы решили безотлагательно послать делегацию к Жаботинскому с просьбой о помощи".

Хотя Троцкий и не уступил Грузенбергу, не согласился выставить на первый план и намеренно акцентировать на суде еврейский вопрос как корень всех зол, он не остановился перед самыми резкими обвинениями в адрес правительства и двора, назвал их главными виновниками погромов, вдохновляющими и поддерживающими черную сотню. Как следует относиться, спрашивал Троцкий, к национальному правительству, исподтишка готовящему массовые убийства своих лояльных граждан руками

уголовников и хулиганов? Не шайка ли разбойников правит нами? И если вы скажете мне (продолжал он), что погромы, поджоги, насилия, все то, что случилось в Твери, Ростове, Курске, Седлеце, Кишиневе, Одессе, Белостоке, — что все это и есть образ правления в Российской империи, то я тотчас признаю вместе с обвинением, что в октябре и ноябре мы вооружились и готовились сражаться против образа правления Российской империи.”

Защита внезапно получила помощь с самой неожиданной стороны: от бывшего директора департамента полиции А.А. Лопухина. Он прислал Грузенбергу документы, из которых с неопровержимостью следовало, что *в самом департаменте полиции* работал печатный станок (конфискованный у революционеров), печатавший антисемитские листовки и брошюры. Лопухин утверждал также, что в конце октября 1905 года столица России была спасена от погрома только усилиями Совета рабочих депутатов. Все это Лопухин был готов засвидетельствовать перед судом.

Заявление Грузенберга произвело эффект разорвавшейся бомбы. Суд и без того уже, с помощью относительно свободной в ту пору прессы, стал чем-то вроде экспозиции язв самодержавия. Перед всей Россией он обнаружил, что еще не высохли чернила октябрьского манифеста, как были пролиты потоки невинной еврейской крови. Буквально в одну ночь возникли такие организации как Двуглавый Орел, Союз Михаила Архангела, Союз Русского Народа (черная сотня, где почетным членом был избран — и не отклонил этой чести — сам император Николай II). Православие, самодержавие, народность — этот лозунг квасного патриотизма и верноподданничества на деле означал жесточайшую ксенофобию, первой жетвой которой неизменно становились евреи.

В письме к Грузенбергу Лопухин рассказывал, что когда он обнаружил в своем (полицейском!) департаменте ”подпольную” типографию, которую возглавлял ротмистр Комиссаров, то он немедленно сообщил об этом председателю совета министров графу С.Ю. Витте. Тот был решительным противником погромов; история попала в прессу и в III Государственную думу — и разразился скандал.

Ко времени суда на Троцким Россия еще хорошо помнила этот скандал; еще не успели забыть, как в Думе, в речи бывшего

товарища (помощника) министра внутренних дел и бывшего бессарабского губернатора князя С.Д. Урусова, был приоткрыт механизм организации погромов. Урусов цитировал тогда слова ротмистра Комиссарова: "Погром устроить можно какой угодно: хотите — на десять человек, хотите — на десять тысяч." Распоряжения о погромах часто отдавались в обход министров представителями придворной камарильи. Во главе нее стоял Д.Ф. Трепов. По словам Урусова, "никакое министерство, будь оно даже взято из состава Государственной Думы, не сможет обеспечить порядок и спокойствие, пока какие-то неизвестные нам лица или темные силы, стоящие за недостижимой оградой, будут иметь возможность хвататься грязными руками за отдельные части государственного механизма, изощрять свое политическое невежество опытами над живыми людьми, производить какие-то политические вивисекции...".

В июне 1906 Дума запросила правительство по поводу погрома в Белостоке и направила в этот город специальную комиссию для расследования. Комиссия, а с нею и Дума, вынуждена была признать, что погромы инспирировались и финансировались самыми высокими институтами Российской империи.

Теперь все эти разоблачения с новой силой должны были прозвучать еще раз, уже не в Думе, а в суде, за которым напряженно следила вся страна. Вполне понятно, что императорский суд нашел способ отклонить требование защиты выслушать свидетельские показания Лопухина. В ответ на это как защита во главе с Грузенбергом, так и обвиняемые решили бойкотировать процесс. Грузенберг сказал: "Коренным вопросом настоящего дела является участие правительства в организации погромов, ибо Совет Рабочих Депутатов поднял рабочие массы для защиты от этих погромов всей России, в том числе и столицы. Для подтверждения этого мы предоставили неопровержимый документ — письмо одного из высших представителей власти к другому, и просили приобщить его к делу. В этом нам было отказано. Мы просили вызвать автора этого письма для дачи свидетельских показаний в суде — и опять получили отказ... Голос защиты должен звучать громко и мощно — или вовсе не звучать. Вот почему мы уходим — с твердой верою в то, что ни страна, ни история нас за это не осудят."

2 ноября 1906 Троицкий и его товарищи были приговорены к пожизненной ссылке в Сибирь.¹⁴

Троцкий никогда не признавал, что его ненависть к погромам и к черной сотне как-то связана с его еврейским происхождением. Он утверждал, что его отвращение к этому рода насилию исходило из позиции чисто человеческой, универсалистской. Погром как явление, полагал он, неразрывно связан с выродившейся социальной структурой царизма. Только низвержение отжившего режима может покончить с этой отвратительной традицией.

Но внимательное чтение того, что Троцкий писал о погромах, показывает, что происхождение революционера подспудно формировало его взгляды. Тщетно он при всяком удобном случае подчеркивал, что его реакция носит исключительно идеологический характер, так же точно, как и реакция марксистов нееврейского происхождения, тоже всегда осуждавших антисемитизм. Это не было личной маскировкой. В отличие, например, от Маркса — Троцкий никогда не лицемерил. В течение своей долгой карьеры он, случалось, менял свои взгляды по некоторым вопросам, но его отношение к погромщикам всех мастей всегда оставалось неизменным. В тех (в общем, немногих) случаях, когда в период гражданской войны погромы устраивали красноармейцы, Троцкий реагировал столь же быстро и круто, как и при погромах черносотенных. Он даже иногда сам отправлялся на место происшествия, чтобы проследить за наказанием виновных.¹⁵

Беспощадное подавление Троцким в 1918 году анархического махновского движения во многом проистекало из-за того, что за махновцами прочно утвердилась репутация погромщиков. Сам Нестор Махно (по определению Троцкого, "помесь фанатика с авантюристом"), возможно, и не был отъявленным погромщиком; во всяком случае, в штабе этого партизанского командира работало несколько евреев, и даже разведку Махно возглавлял еврей. Но погромами запятнали себя все участвовавшие в гражданской войне армии, громили евреев и махновцы, и Троцкий полагал, что у них "ненависть к городу и городскому рабочему дополнялась воинствующим антисемитизмом".

Троцкий активно боролся против антисемитской пропаганды правых партий, развернувшейся накануне Октябрьской революции. В одной из своих (неподписанных) статей, называвшейся "Погромная агитация" и опубликованной 18 октября 1917 года, Троцкий писал, между прочим, и о распространении антиеврей-

ских настроений среди рабочих и бедноты: "По всей стране, включая наш Петербург, ведется погромная агитация. В очередях, в чайных, в трамваях — повсюду слышны разговоры о необходимости бить жидов, социалистов, советских."

Троцкий связывал успехи погромной агитации со всеобщей нуждой; разочарованные, казалось ему тогда, ищут козла отпущения. Он утверждал, что бороться против погромной пропаганды одними словами бесполезно. Нужно выбить почву из-под ног этой агитации, бороться против банкиров и спекулянтов, завоевать доверие к партии со стороны пролетариата и бедноты. Когда представители этих классов воочию увидят, что революция совершена во имя их кровных интересов, когда будет исправлена социальная структура, — тогда антиеврейская агитация не найдет отклика. Вероятно, Троцкий участвовал в составлении резолюции (единогласно и без дебатов принятой Съездом Советов), в которой местные советы обязывались не допускать антиеврейских или иных антинациональных выступлений.¹⁶

Троцкий никогда не имел в виду отказаться от террора, особенно массового. Террор представлялся ему неотъемлемой составляющей революционной борьбы. Не был Троцкий, конечно, и пацифистом или, тем менее, либералом, чтящим святость человеческой жизни. Но избиение беззащитных евреев в России задевало его до глубины души. В нем он усматривал полный упадок человечности, и в этой реакции безжалостного наркома нам чудится подсознательный и не совсем интернационалистский отклик на еврейскую трагедию.

Имелось внутреннее сходство, сродство характеров и темпераментов между Троцким и знаменитым еврейским вождем немецких социалистов Фердинандом Лассалем (1825—1864). Русский революционер чувствовал эту общность, с детства интересовался своим немецким двойником. Он изучал сочинения Лассалья, читал о нем лекции, пытался подражать ему, а то и прямо называл себя русским Лассалем.¹⁷ Но была и существенная разница между двумя социалистами, и ее не списать на пропасть в три поколения, на принадлежность к разным эпохам. Конечно, Лассаль был человеком XIX века, порывистым, склонным к рыцарскому индивидуализму, тогда как Троцкий словно бы олицетворял собою жестокий коллективизм XX века. Важнее, однако, на наш взгляд то, что Лассаль сохранил живую связь с воспи-

тавшей его еврейской средой и не утратил ее в процессе превращения из еврейского националиста в немецкого социалиста.¹⁸ С Троцким, как мы отмечали, произошло иначе. Тем удивительнее, что и Троцкий, подобно Лассалю, страстно хотел вернуть евреям самоуважение, и на дело Бейлиса и подобные ему ужасы российской жизни реагировал с той же живостью, с какой Лассаль — на кровавый навет и погром в Дамаске в 1840 году.¹⁹

Но не только отправная точка по отношению к еврейству была неодинакова у Лассалья и Троцкого: столь же рознятся и их конечные позиции. Разочарование в еврействе бросило Лассалья в крайность, известную социологам и психологам: возбудило в нем ненависть к самому себе.²⁰ С Троцким ничего подобного не произошло. Он твердо верил, что интернационализм — ключ ко всем проблемам, включая еврейскую.

Любопытны воспоминания Ю. Мартова, дающие представление о том, какое громадное впечатление должны были произвести погромы 1881—1882 годов на тех, кому предстояло вскоре возглавившую революционное движение. Детская травма, нанесенная погромом, преследовала Мартова всю жизнь. Годами не оставляли его воспоминания о том, как погромщики приближались к их дому на одесской улице; о решимости матери, не пожелавшей выставить в окне образа и нарисовать кресты на зеркалах, чтобы обмануть толпу. "Был ли бы я тем, чем стал, если бы на пластической юной душе российская действительность не поспешила в ту памятную ночь запечатлеть своих грубых перстов и под покровом всколыхнутой в детском сердце жгучей жалости заботливо сохранить семена спасительной ненависти?" Он помнил рассказы старика-еврея о погроме в Елисаветграде, воочию видел перед собою потоки беженцев, словно бы персонифицировавших странствия вечного жида.

Роза Люксембург тоже едва не стала в детстве жертвой погрома. В памятный 1881 год (ей тогда было 11 лет) будущая революционерка возвращалась из школы, когда в двух шагах от нее по одной из варшавских улиц промчалась в сторону еврейского квартала толпа, неистово оравшая: "Бей жидов!" Девочка спаслась, спрятавшись в подворотню. Но итог этих детских впечатлений и связанных с ними раздумий разительно отличался от итогов Мартова и Троцкого. (К последнему, следует подчеркнуть, в известный период Роза Люксембург была идеологически ближе, чем кто бы то ни было из тогдашних социал-демо-

кратов, особенно в период Лондонского съезда 1907 года; она, по-видимому, даже поддерживала идею Троцкого о перманентной революции.) Роза Люксембург, находившаяся на самом левом краю революционного спектра, прямо стыдилась своего еврейства. Возможно, пренебрежение к своему народу она переняла от близких: трех лет она с семьей переехала из Замоща в Варшаву — оттого, что ее отец “не мог вынести жизнь” среди тамошних евреев. Впоследствии пренебрежение переросло у нее в отталкивание, родственное антисемитизму. Она всеми силами вытесняла из своей памяти того испуганного варшавского ребенка, а на еврейские погромы в Польше откликнулась такими словами: “Пусть они учатся, думают и говорят по-польски, празднуют польские праздники, забудут свой субботний отдых, — ибо вот что они должны уразуметь и запомнить: аппарат капиталистического производства и торговли никак не обязан приспособливаться к вере, обычаям и календарю евреев.”

Девочка в памятном 1881 году реагировала куда естественней выросшего из нее изощренного политика. Ее ранило отсутствие чувства собственного достоинства у евреев. “Почему евреи такие апатичные?” — спрашивала она отца, рыдая²¹. В отличие от Лассалья и Мартова, вопрос этот не претворился у нее в потребность мести.

Что касается Карла Маркса, то его интернационализм в еврейском вопросе уже просто тождествен антисемитизму. Будучи отпрыском известной династии раввинов, он не только изгнал из своей жизни все еврейское, всякую память о своих предках, но и других пытался убедить, что он не еврей. Он был еще жив в 1882 году, в погромные дни России, — но не проронил ни слова протеста или возмущения. Вообще о евреях он писал мало и, приходится признать, с пренебрежением. Но одно сочинение Маркса целиком посвящено евреям.

По поводу работы Маркса “К еврейскому вопросу” споры продолжают и сегодня. Биограф Маркса, Франц Меринг, относил этот очерк к крупнейшим произведениям классика. Того же мнения держался и первый советский народный комиссар просвещения А.В.Луначарский, назвавший это исследование гениальным по глубине мысли. Наоборот, видный чешский политический деятель и гуманист Томаш Масарик убежденно говорит об антисемитизме Маркса, — и он далеко не одинок в этом своем убеждении. Масса оскорбительных эпитетов, брошенных Марксом ев-

реям²²; заявление, что "деньги — истинный бог Израиля", и другие столь же ученые мысли, — подтверждают мнение Масарика и ставят в затруднительное положение последователей и апологетов Маркса, утверждавших и утверждающих, что его отношение к евреям ничем не отличается от его отношения к любому другому народу.

Нет указаний на то, что антисемитизм Маркса когда-либо смущал Троцкого. Маркс всегда оставался для него непревзойденной вершиной человеческого гения, не подлежащей никакой критике. Будь в связи с Марксом высказана мысль о традиционной агрессивности прозелитов, Троцкий не поддержал бы ее — как не поддерживает ее и биограф Троцкого А. Дойчер: "Не злоба новообращенца заставляла Маркса говорить, что истинный бог евреев — деньги. Это не моральное осуждение еврейства, а лишь констатация факта о специальной функции евреев в христианском обществе." Так бы ответил и Троцкий — которому, впрочем, не пришлось, по счастливому стечению обстоятельств и очевидному личному нежеланию, изъяснять это мнение основоположника.

И все же замечательно в своей неожиданности то, что ни один еврейский (не говоря уже о прочих, включая Ленина²³) лидер большевиков, не занимался еврейским вопросом так много, пусть и беспорядочно, как по-видимости равнодушный ко всему еврейскому Троцкий.

Г л а в а 4

ЧТО МОЖНО УСМОТРЕТЬ ИЗ ДЕЛА БЕЙЛИСА

Как уже упоминалось, один из критических моментов в жизни российского еврейства ознаменовался памятным кровавым наветом 1911—1913 годов, делом Менделя Бейлиса, обвиненного в "еврейском ритуальном убийстве". Дикость этого средневекового обвинения взбудоражила тогда Россию; о нем много писали как евреи, так и неевреи. Имя Бейлиса, как и прозвучавшее за семнадцать лет до того имя Дрейфуса, осталось в памяти народов напоминанием о подъеме шовинистического антисемитизма в цивилизованных странах Европы на рубеже XIX и XX веков. Троцкий был в числе тех, кого это дело не на шутку взволновало, кто с самого начала хорошо понимал его истинный смысл.

Когда в Киеве начался процесс Бейлиса, Троцкий находился в Вене. Бежав из Сибири, куда, как мы помним, он был пожизненно сослан в 1906 году, он со своей новой семьей поселился в австрийской столице и жил там с 1907 года до начала первой мировой войны. Оттуда он внимательно следил за делом Бейлиса, имевшим резонанс во всем мире. В дальнейшем Троцкий не раз упоминал эти два дела — Дрейфуса и Бейлиса — как символы произвола и несправедливости. В частности, когда Временное правительство назвало Ленина и его товарищей-большевиков агентами Германии, Троцкий в открытом письме к министру юстиции А.С.Зарудному протестовал против этой, как он выразился, инсценировки, утверждал, что "дело Дрейфуса и дело Бейлиса ничто по сравнению с этой преднамеренной попыткой морального убийства". Таким же образом он упоминал эти два дела, говоря о сталинских московских процессах 1930-х годов.

Имелась, однако, существенная разница между делом Дрейфуса и делом Бейлиса, отмеченная Троцким²⁴. Красть военные секреты стало в новейшее время делом обычным, да и шпионаж практикуется всеми цивилизованными странами. Поэтому дело Дрейфуса, хотя бы по видимости, было обычным судебным делом. Напротив, дело Бейлиса было неслыханной для цивилизованного

XX века охотой на ведьм. Его необычность состояла в эксгумации чудовищного средневекового суеверия.

История этого кровавого навета такова. 12 марта 1911 года банда уголовников, при не вполне выясненных обстоятельствах и по видимости без всякой причины, убила христианского мальчика по имени Андрей Ющинский. Найти истинных убийц не представляло труда, их знали, однако они не были арестованы, — как вскоре выяснилось, по указанию министерства юстиции, которое возглавлял антисемит И.Г.Щегловитов. Оттуда же последовало распоряжение обвинить в убийстве евреев. Для обвинения годился любой еврей, и произвольным образом выбранный рабочий, Мендель Бейлис, был арестован в ночь с 21 на 22 июля 1911 года.

Нити провокации тянулись к высокопоставленным петербургским чиновникам и царедворцам. Как темны были эти люди, видно из того факта, что буря возмущения, тотчас поднявшаяся во всем мире, была для них полной неожиданностью. Не только зарубежная печать, но и подавляющее большинство русской печати, исключая лишь издания правых партий, решительно протестовало против этой чудовищной и одновременно жалкой инсценировки. Участие правительственных кругов в этом деле невозможно было скрыть. Их одновременно осудили, например, народнический журнал "Русское богатство", где редактором был писатель В.Г.Короленко, и большевистская газета "За правду". В Европе современниками запомнилось гневное выступление будущего президента независимой Чехословакии, а в те годы — руководителя либеральной чешской народной партии Томаша Масарика. В Соединенных Штатах давление общественного мнения на правительство было так велико, что привело к прекращению выгодных для России торговых контактов.

Слушание дела Бейлиса проходило с 25 сентября по 23 октября 1913 года. Обвинение настаивало на употреблении евреями христианской крови и в качестве знатока Талмуда, подтверждавшего это, выставило священника Юстина Пранайтиса. Защиту возглавлял уже известный нам адвокат О.О.Грузенберг (процесс Бейлиса сделал его знаменитым); участвовал в ней и А.С.Зарудный, так же бывший защитником и на суде 1906 года над Троцким и его товарищами по Петербургскому совету. В течение месяца вся Россия, казалось, жила известиями из зала суда. Страна переживала тогда пору относительно либе-

ральную, общественное мнение несколько ограничивало власть императора и его министров, и суд присяжных нашел Бейлиса невиновным. Частичной победой реакции было то, что суд был принужден оставить открытым вопрос о практике ритуальных убийств у евреев.

В ноябре 1913, вскоре после вынесения приговора, в венской газете "Нойе Цайт" появилась большая статья Троцкого с анализом дела Бейлиса. Доводы Троцкого, превосходно выстроенные на основе фактов и логики, использующие публикации обоих лагерей, на которые раскололась Россия, — проникнуты в этом сочинении страстью, которая вряд ли может быть понята, если забыть о происхождении революционера.

По убеждению Троцкого дело было инсценировано министром юстиции И.Г.Щегловитовым, выполнявшим прямое пожелание царя. Все самые реакционные силы правительства (к этому времени не всесильного и не во всем единого) были мобилизованы на это грязное дело. Печать запугивали; конфисковывали тиражи, налагали штрафы, закрывали редакции; некоторые редакторы, проявившие излишнее свободомыслие в трактовке дела Бейлиса, побывали в тюрьме. Травля шла как сверху, так и снизу. Члены Союза Русского Народа (т.е. черносотенцы), Союза Михаила Архангела и многочисленные сочувствующие, чей искренний энтузиазм подогревался денежными поступлениями и поощрениями двора, твердили об опасности жидо-масонского заговора, имеющего целью подчинить себе Россию и весь христианский мир. "Протоколы Сионских мудрецов" и другие фальшивки активно распространялись и пользовались спросом.

Троцкий полагает, что "реакция, исчерпав все свои внутренние ресурсы, начала искать внешних предлогов для своих дальнейших подвигов". Перед киевским судом "прошла вся Россия": "Сапожник из предместья, еврейский капиталист, крестьянин-возчик, полицейский сыщик, уличные дети, либеральные журналисты, воры, православный монах из евреев, каторжник, девицы легкого поведения, священник, жандармский офицер, обанкротившийся содержатель ссудной кассы в роли заядлого патриота, бывший революционер в роли добровольного исследователя, адвокат-свидетель, профессора медицины, католический священник, профессор духовной академии и еврейский раввин — воры и солидные люди, специалисты-ученые и изуверы, отбросы погромной реакции и осколки революции прошли

перед изумленными взорами двенадцати темных людей [присяжных заседателей], преимущественно крестьян, специально подобранных министерством юстиции в качестве наиболее удобных для средневекового процесса судей.”

В целях самосохранения России XX века потребовался спектакль XVII века. За привлекательным фасадом просвещенной России обнаружилось средневековье. Дворянская организация выпустила сборник ритуальных процессов и подняла вопрос о дальнейшем ограничении евреев в правах. Депутат Думы, прокурор-черносотенец Замысловский напечатал брошюру об “умученных от жидов”, где в ряду жертв поместил и Андрея Ющинского. Союз Русского Народа возбудил перед Синодом вопрос о приобщении Ющинского к лику православных святых.

Троцкий энергично возражает против сравнения дела Бейлиса с делом Дрейфуса: “Офицера Дрейфуса обвинили в измене. В самой конструкции обвинения не было ничего чудовищного, чудовищна была заведомая ложь такого обвинения. Но когда заурядного рабочего-еврея, практически безразличного к догматам религии, зато всесторонне бесправного и прошедшего школу киевских погромов, отрывают внезапно от жены и детей и говорят ему, что он, Бейлис, из живого ребенка выточил всю кровь, чтобы в том или ином виде потребить ее на радость своему Иегове, — тогда нужно только представить себе на минуту самочувствие этого несчастного в течение двадцатитрехмесячного тюремного заключения, чтобы волосы сами собою встали на голове... Было сделано все, чтобы привить киевским присяжным ненависть к Бейлису как к еврею.”

Лишь в двух или трех местах статьи, в связи с социальным положением Бейлиса, Троцкий вспоминает о своей марксистской идеологии. Чего он не видит вовсе, так это спонтанного взрыва еврейской солидарности во всем мире. Реагировали все слои еврейства, без различия классов: Еврейская американская рабочая организация, Американский еврейский комитет, большинство европейских (“мелкобуржуазных”) общин, лорд Ротшильд (доставший в Ватикане заверенные копии папских булл, отрицающих употребление крови евреями).

Выводом Троцкого было, что дело Бейлиса предвещает новую эру революционных сдвигов в России.²⁵

Для нас важно, что дело Бейлиса произвело громадное впечатление на Троцкого, затронуло нечто в подсознании убежден-

ного марксиста и слегка деформировало его классовую позицию. Впоследствии он вспоминает о деле Бейлиса при обстоятельствах весьма далеких от него, например, критикуя В.В. Розанова, писателя-эссеиста и философа, которого в некоторых кругах называли умнейшим человеком России, провидцем и рыцарем духа. Отношение Розанова к евреям было причудливым и непостоянным. Его предсмертное заявление о том, что "евреи первый народ на земле" Троцкий противопоставляет его же попыткам доказать на процессе Бейлиса, что евреи используют христианскую кровь для религиозных нужд. (По мнению одного из новейших русских философов, Розанов не только искренне верил в эту еврейскую особенность, но она ему даже нравилась.)

Живя в эмиграции, в Вене, Троцкий становится венским, а затем еще и балканским корреспондентом одной из крупнейших российских газет того времени, радикально-либеральной "Киевской мысли". Вена была удобной точкой для наблюдения за политическими событиями и внутренними проблемами в балканских странах, куда Троцкий начинает выезжать по поручению газеты с осени 1913 года. В августе 1913 года, побывав в Румынии, он опубликовал три статьи о положении румынского еврейства.

Еврейский вопрос, по мнению Троцкого, являлся индикатором общего состояния этой "развращенной и запущенной" страны, где антисемитизм был "государственной религией, последним психологическим цементом насквозь прогнившего феодального общества". Вот как жилось евреям в Румынии: "Триста тысяч румынских евреев не считаются румынскими гражданами. Они сами, их отцы и деды родились на румынской почве. Они не состояли и не состоят под покровительством какого-либо другого государства. И, тем не менее, считаются на румынской территории иностранцами. Румынский еврей совершенно не пользуется покровительством конституции. Любой еврей в любой момент может быть изгнан за пределы страны, как приبلудный бродяга... Но этого мало. Выключая евреев из числа граждан, государство, тем не менее, взваливает на них всю тяжесть гражданских обязанностей. Евреи не только платят все налоги, но и отбывают воинскую повинность. Объявленные иностранцами, они служат в румынской армии."

По словам Троцкого, имелось около 350 указов, ограничи-

вавших права иностранцев (т.е., собственно, только евреев), делавших положение евреев в Румынии просто безвыходным. Как и в России, под предлогом защиты крестьянства от еврейской эксплуатации евреям было запрещено жить в деревнях. Государственная служба и большинство профессий, дающих финансовую независимость (адвокатура, фармацевтика), были закрыты для евреев. Действовала строгая процентная норма.

Желая образно, в одном слове, дать русскому читателю представление о том, как сильна в Румынии реакция, Троцкий пишет: "Румынией правит Пуришкевич." Имя В.М. Пуришкевича, одного из лидеров Союза Русского Народа и Союза Михаила Архангела, самого правого депутата Государственной думы, уже тогда было и по сей день остается в России нарицательным, служит символом крайней политической реакции и человеческой низости. Пуришкевич, по словам Троцкого, ненавидит евреев особенной ненавистью: он нуждается в них как в объекте ненависти.

Бедствующее, униженное румынское еврейство было лишь пешкой в дипломатической игре двора Кароля I Гогенцоллерна и его продажного окружения. Статьей 44 Берлинского конгресса 1878 года Румыния была обязана предоставить равноправие национальным меньшинствам. Европейские державы видели, что это обязательство грубо нарушается. На их претензии бухарестский двор отвечал увертками и посулами.

Кароль I был объят мистическим страхом перед еврейской финансовой мощью. Для него еврейский вопрос был не "вопрос о судьбе несчастных париев, населяющих грязные окраины молдавских городов, а всего лишь вопрос о сделке с Ротшильдами и Блейхредерами, распоряжающимися еврейской прессой".

Европейские державы, защищавшие еврейские права в Румынии, были не совсем бескорыстны. Троцкий саркастически пишет о Бисмарке: "Он отказывается от прямых дипломатических сношений с Бухарестом, доколе евреи не будут уравнены в правах... Поразительно, как близко железный канцлер принимает к сердцу интересы молдавского еврейства: интересы Гогенцоллерна на восточном троне для него ничто в сравнении с судьбой каких-то бесправных париев!"

В действительности речь для Бисмарка шла о выкупе Румынией акций железных дорог, постройка которых в этой стране осуществлялась на немецкие деньги. Общества, финансировав-

шие румынские железные дороги, разорились; понесли убытки широкие слои юнкерства, — их интересы и защищал Бисмарк. Троцкий пишет: "Начинается упорный, напряженный торг с обеих сторон, причем цена акций переплетается с ценой еврейской крови... дело сводилось к колоссальному финансово-политическому шантажу. Еврейский вопрос является скорее предложением, чем целью... Берлинские условия были приняты, после чего решение еврейского вопроса свелось к пустой формальности и к демонстративной натурализации 900 евреев, проделавших турецкую кампанию 1876—1878 годов. Остальные 299 100 евреев остались в том же положении, в каком были до Берлинского конгресса."

А вот что думал Троцкий о состоянии и перспективах борьбы румынских евреев за свои права. Союз румынских евреев, по его мнению, пассивен и страдает приторным патриотизмом. "Он [Союз] отказывается от энергичной агитации в массах, от братания с демократическими элементами румынского народа, от открытой апелляции к общественному мнению трудящейся Европы." Вместо этого Союз отдает судьбу евреев "на просвещенное усмотрение правящей олигархии".

Годы 1911—1914 были одной из вершин интереса Троцкого к судьбе еврейского народа. Дело Бейлиса произвело на него очень сильное впечатление. На примере безвестного Бейлиса Троцкий воочию увидел, что любой еврей может стать жертвой только оттого, что он еврей, безотносительно к его классу.

В статьях этого периода Троцкий как бы забывает на время о ведущей и определяющей роли рабочего класса в истории человечества. Он, правда, отметил важную роль русских рабочих в борьбе против антисемитизма, выразил уверенность, что дело Бейлиса ускорит процесс революционизации масс, что, в свою очередь, приведет к глубоким социальным потрясениям. Но все это он говорил в умеренных, почти приглушенных тонах, не свойственных ему прежде и в последующие периоды. Интерес к еврейскому вопросу, боль за униженных и гонимых на время отесняют у Троцкого марксистскую фразеологию.

В статьях о румынском еврействе Троцкий, похоже, принял близко к сердцу горькую участь угнетенных единоплеменников. Идея классовой борьбы и необходимость радикальных социальных преобразований не упоминаются вовсе. Он выступает как сторонник обычной демократической эмансипации, как либерал,

убежденный, что уравнение евреев в правах есть решение наболевшего вопроса. Он критикует лидеров румынских евреев не за то, что они не примкнули к безликому международному пролетариату, а за их робость и нерешительность.

Венские годы Троцкого по-своему уникальны. Никогда более не обнаруживает он в такой степени умеренность и терпимость (разумеется, относительные, с оглядкой на качества, которые были свойственны ему до и после). С началом Первой мировой войны Троцкий как бы приходит в чувство, возвращается к марксистским крайностям. Быть может, не будь он непосредственным свидетелем страшного раскола европейского континента в 1914 году, его путь мог бы быть иным.

Теперь обратимся к другому периоду жизни Троцкого: к его столкновению с Бундом в 1903 году. В этом столкновении, открыто признавая себя евреем, Троцкий полностью отрицал за еврейским пролетариатом, понимаемым как пролетариат национальный, какое бы то ни было право участия в определении судеб России.

Г л а в а 5 БОРЬБА С БУНДОМ

Троцкий вошел в ряды революционеров через русскую организацию. Он был первым русским марксистом, установившим действительный контакт с рабочими — в революционном 1905 году, в период его быстрого возвышения. Но это были рабочие петербургские, т.е. русские (во всяком случае, видевшие себя русскими в многонациональном Петербурге). Наоборот, какого-либо серьезного контакта с еврейскими рабочими у Троцкого никогда не было, зато был свирепый конфликт с партией, их интересы представлявшей, — с Всеобщим еврейским рабочим союзом в Литве, Польше и России, или Бундом.

Ленин и его соратники-искровцы рассматривали Бунд как историческую аномалию, анахронизм, и в этом качестве он вызывал некоторую растерянность в российской социал-демократии. Самое существование Бунда акцентировало национальную проблему, которую марксизм решает походя. Оно, кроме того, ставило на вид тот факт, что проблема эта в Российской империи стояла весьма остро. Первая систематическая перепись в 1897 году дала 55% не-великорусского населения. Русификация была политикой правительства, уже принесшей к этому времени некоторые результаты. Впоследствии советское руководство продолжит в этом смысле работу, начатую царским режимом. Однако тогда, на рубеже веков, русские марксисты-интернационалисты были бы искренне возмущены самой мыслью о такой преемственности между их делом и самодержавием, о том, что их цели хоть в чем-то совпадали с целями царизма. Для уразумения этой простой связи потребовался кровавый опыт нескольких поколений.

Марксистская литература по национальному вопросу обширна и противоречива. Еще в XIX веке предметом долгой дискуссии в ней было определение народа и нации. Ожесточение, с которым спорили по этому, казалось бы, незначительному и частному пункту, уже давно удивляет тех, кто не знаком с подоплекой дела. В действительности решался вопрос, может ли существовать народ без общей территории и языка, т.е. —

попросту — считать ли народом евреев. Всеобъемлющего и приемлемого для всех определения выработано не было.

Точно так же не внесли классики марксизма ясности в вопрос, в какой мере интернационализм исключает национализм. Уже Маркс и Энгельс допускали поддержку пролетариатом национального самоопределения, что, вообще говоря, противоречит социалистическому универсализму. Таким образом, оказалось, что в некоторых исключительных случаях национализм может быть прогрессивным. Но в каких? Эта неопределенность оставила духовным потомкам основоположников полный простор для спекулятивных построений, споров и разногласий.

Роза Люксембург, доводя принцип интернационализма до его логической полноты и законченности, считала, что любой национальный сепаратизм регрессивен, любая приверженность национальному возвращает Европу к феодальному средневековью. Австрийских социалистов-теоретиков Карла Реннера и Отто Бауэра самая атмосфера многонациональной империи Габсбургов вынудила сформулировать обтекаемую концепцию национально-культурной автономии. Ленин пытался следовать среднему пути и оказался непоследовательнее многих. С одной стороны, он признал право народов на самоопределение и даже отделение; с другой — склонялся к упразднению политических границ, к слиянию народов в некой всеобщей республике, единой и неделимой.

Троцкий писал по национальному вопросу сравнительно мало. Оригинальных концепций он не выдвинул. Когда началась борьба за право считаться прямым наследником и продолжателем дела Ленина, он, без видимого успеха и прилежания, занимался толкованием ленинских двусмысленностей. Казалось, он недостаточно самостоятелен, не вполне уверенно чувствует себя на этой почве, — потому и уклонился в 1922 году от полемики со Сталиным по грузинскому вопросу (хотя сам Ленин побуждал его к этому), "упустил отличную возможность взять верх над своим противником в критический момент их борьбы за власть", как думает историк Р.Пайпс. Однако дело обстояло не так просто. Если для Сталина все средства были хороши и оправданы целью, то у Троцкого были убеждения и принципы, стоявшие в его ценностной иерархии выше стратегии в борьбе за власть. Национальный вопрос казался Троцкому решенным раз и навсегда; ему было жалко тратить время на

пустые пререкания. Он был крайним интернационалистом, стоял за полное слияние всех народов, верил, что в этом состоит и решение всех мучительных вопросов современности, и историческая неизбежность. Здесь его взгляды полностью совпадали со взглядами Розы Люксембург.

Итак, Троцкий всегда старался, насколько это возможно, хранить молчание по национальному вопросу. Но в 1903 году борьба против Бунда вынудила его поступиться своей сдержанностью. Возникла своеобразная ситуация. С одной стороны он, сверхпоследовательный марксист, должен был — и искренне хотел — попросту игнорировать существование национальностей. Не все ли равно, кто я по происхождению? С другой стороны, шла борьба за власть, за влияние, и он, следуя Ленину и поддерживая его тактику, видел, что необходима полностью централизованная, строго дисциплинированная партия. Здесь его происхождение становилось аргументом, агитационным приемом. Потому-то он, несомненно, превозмогая себя, и назвался однажды евреем перед делегатами Бунда, к немалому удивлению последних.

Бунд был первой в России революционной социал-демократической партией, созданной на национальной основе. Он возник в подполье, в Вильне, в 1897 году. С самого момента основания в состав партии входили, помимо интеллигенции и мелких ремесленников, еще и фабричные рабочие, что тоже было новостью для русского освободительного движения. Напомним, что ни народники, ни группа "Освобождение труда" (основанная в 1893 году Плехановым, Аксельродом, Верой Засулич и Дейчем) не нашли пути к рабочим, не были поняты и поддержаны теми, во имя кого боролись.

На учредительном съезде Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), состоявшемся в Минске, в марте 1898 года, Бунд, представленный тремя делегатами (всего делегатов было 9), вошел в состав новой партии как ее составная часть, но — "с правом автономии в вопросах, специально затрагивающих еврейский пролетариат". Был избран центральный комитет и обнародован манифест. Национальный вопрос в манифесте упомянут не был.

На протяжении всей своей истории Бунд ревниво оберегал свою независимость, а также и принятую им на себя роль единственного выразителя интересов еврейского рабочего класса.

Бунд сыграл известную роль в массовом отходе евреев от строгого следования предписаниям религии; он, вместе с тем, никогда не посягал на традиции, культуру и язык (идиш), в то время как предшествовавшие ему лидеры еврейского социализма склонялись к решению еврейского вопроса путем полной ассимиляции. К еврейскому пролетариату они относились не как к еврейским рабочим, а как к рабочим, которые случайно оказались евреями.

Для характеристики настроений предшественников Бунда, еврейских социалистов-марксистов, достаточно процитировать фрагмент одной из типичных речей, произнесенных 1 мая 1892 года в Вильне: "Мы, евреи, отвергаем все наши праздники и фантазии, бесполезные для человеческого общества. Мы связываем себя с армиями социализма и принимаем их праздники. Наши праздники, унаследованные от предков, исчезнут вместе со старой социальной системой... Нужно действовать! Хотя большинство из нас убеждено, что социализм неизбежно наступит, он не придет через сверхъестественные чудеса. Социалистическая Тора не сойдет с неба на гору Синай в громах и молниях, Мессия не придет на белом коне..."

Чрезвычайно характерно, что ассимиляторские настроения всегда исходили от интеллигенции. Массы же, тот самый пролетариат, для которого нет родины, обнаружили упорную приверженность к национальным схемам и символам. Еврейский пролетариат оказался той реальностью, перед которой, обнаруживая свою оторванность от жизни, впервые отступила стройная марксистская теория. Быть может, Бунд не всегда и не во всем выражал настроения большинства еврейской бедноты, но здесь, в своем — если так можно выразиться — интернационалистическом национализме, он был подлинно народен.

Все это было своевременно понято. Владимир Медем, бывший ассимилятор, а затем один из ведущих теоретиков Бунда, писал: "Ассимиляторская тенденция среди евреев — явление временное, результат отрыва еврейской интеллигенции от масс. Столкновение двух потоков, одного сверху, другого снизу, создало национальную культуру. Внизу — национальная психология, наверху — универсальная культура." В конкретной исторической ситуации, о которой идет речь, нижний поток возобладал.

Станным образом никто иной как Юлий Мартов, в будущем

интернационалист и лидер меньшевиков, со всею силой своего незаурядного темперамента боровшийся против Бунда, был тем, кто впервые сформулировал идею о независимой еврейской рабочей партии. В своей первомайской речи в 1895 году, в Вильне, он назвал задачей социалистов, "работающих" среди евреев, — "создать отдельную организацию еврейских рабочих, которая сумеет вести и воспитывать еврейский пролетариат в его борьбе за экономическую, социальную и политическую свободу". Он добавил: "Мы не можем, как прежде, ждать, что все придет к нам от русского пролетариата."²⁶

Бунд, таким образом, опередил на несколько лет упомянутых нами австрийских теоретиков социализма Карла Реннера и Отто Бауэра. Детальный проект Реннера и Бауэра, позже ставший известным под именем Австрийского, имел целью разрешить противоречия между национальными чувствами различных народов империи Габсбургов и принципами пролетарского интернационализма. Но мнению Реннера и Бауэра, нации — основа мировой структуры, и нет никакой необходимости их упразднить. Более того, обречена любая попытка навязать народам общий знаменатель, противный их темпераментам и традициям. Язык, культуру, традиции каждого из народов необходимо поощрять и защищать: они естественны; напротив, политические амбиции народов вредны, — они и отомрут в будущем всемирном братстве. Нужно лишь оторвать народ от его исторической территории. При этом тут же не станет угнетенных национальных меньшинств.

В смысле государственном австрийский проект предлагал федерацию, в которой каждый народ, понимаемый как культурно-языковая общность без общей территории, пользовался бы статусом автономии.

К моменту возникновения австрийского проекта евреи были единственным широко известным народом без собственного клочка земли, и можно допустить, что они в какой-то мере были праобразом народов будущего по Реннеру и Бауэру (хоть и не сумели, освободившись от территории, освободиться и от национального угнетения). Курьез, однако, заключался в том, что в человеколюбивом австрийском проекте евреям было отказано в имени народа — и как раз по причине долгого отсутствия у них своей территории. Курьез этот мог бы показаться еще большим оттого, что сам Бауэр был евреем, — но здесь,

в упорном нежелании евреев-социалистов быть теми, кто они есть, уже позволительно усмотреть некоторую закономерность.

Бунд ближе стоял к народу и острее прочих социалистических организаций реагировал на требования жизни. С точки зрения ортодоксального марксизма это было отступлением, сдачей позиций. Это и в самом деле было регрессом — если только принять, что стройная умозрительная схема прогрессивнее реальных человеческих потребностей.

Так или иначе, но по мере того, как Бунд набирал силу, в нем усиливались и националистические тенденции. Если на его третьей конференции в 1900 году было постановлено, что "в число политических требований Бунда входит только гражданское, а не национальное равноправие евреев", то уже на четвертой конференции, проходившей в мае 1901 года в Белостоке, была принята следующая резолюция: "Конференция заявляет, что, согласно духу социал-демократии, господство одного языка над другим столь же отвратительно, как угнетение классовое или политическое. Конференция считает, что такое многонациональное государство, как Россия, должно быть преобразовано в федерацию народов с полной автономией для каждого из них, независимо от территориальных границ. Конференция далее заявляет, что понятие нации применимо также и к еврейскому народу."

Пятая конференция Бунда, проходившая накануне II съезда РСДРП, расколовшего эту партию на большевиков и меньшевиков (октябрь 1903), подтвердила свое отношение к принципу федерации и решимость до конца вести за него борьбу.

Второй съезд РСДРП, без преувеличения определивший лицо XX столетия, был первым крупным успехом Ленина и его тактики партийных расколов. Съезд тщательно готовился Лениным через нелегальную партийную газету "Искра", место в редакции которой по значению не уступало месту в ЦК РСДРП. Газета была основана в 1900 году Лениным и А.Н. Потресовым, впоследствии — одним из лидеров меньшевиков. В редакцию входили трое "стариков" — Плеханов, Аксельрод и Засулич, и трое "молодых" — Ленин, Потресов и Мартов; секретарем редакции была жена Ленина Н.К. Крупская. В ноябре 1902 года одним из ведущих сотрудников газеты становится Троцкий, а спустя год, после второго съезда, газета и вовсе была "захвачена", по выражению советских справочников, меньшевиками, т.е.

Ленин и его сторонники, бывшие на съезде *в большинстве*, не были избраны в редакцию партийного органа. Начиная с октября 1903 года (с 52-го номера) "Искра" становится "новой" (меньшевистской) "Искрой".

Значение газеты было намного больше, чем можно было бы ожидать исходя из ее более чем скромного формата и среднего тиража в 8 тысяч экземпляров. Будучи нелегальной (доставляемой в Россию контрабандой), она читалась членами партии и радикальной молодежью как новое откровение, ее директивы выполнялись с рвением поистине религиозным. Все животрепещущие темы дня находили отражение на ее страницах. Накал дискуссий был необычайно высок.

Отношения между Бундом и РСДРП обсуждались и до, и после съезда — и все более и более обострялись. Будущие большевики и будущие меньшевики с одинаковой резкостью нападали на требование автономии, выдвинутое Бундом. Готовясь к съезду, лидеры Бунда не обольщались насчет взаимопонимания с прочими социал-демократами, однако, по-видимому, не ожидали, что Ленин готов к полному разрыву с их сильной, обеспеченной поддержкой масс партией. Между тем Ленин хотел именно разрыва. Для него Бунд был всего лишь недисциплинированной фракцией, с которой необходимо покончить. Покончить можно было двояко: проглотив, ассимилировав Бунд, или просто исключив его из РСДРП. Ленин был настроен решительно, и при всей предпочтительности для него первого пути, не остановился перед вторым.

Одна из статей Ленина в "Искре" (февраль 1903) называлась "Нужна ли еврейскому пролетариату независимая политическая партия?" Ответ, конечно, был отрицательный. Позже лидер большевиков присовокупил к нему насмешливый комментарий, сводившийся к совету бундовцам выработать идею отдельной национальности русских евреев, с идишем в качестве языка и чертой оседлости в качестве территории.

Спор между "Искрой" и Бундом был, в известной мере, спором между ассимиляторами и национал-идишистами внутри самого еврейского народа. Борьба велась, по существу, вокруг вопроса, будет ли еврейский народ ассимилирован в России, нужно ли развивать среди еврейских рабочих отдельную еврейскую культуру, язык, литературу. Лишь в случае положительного ответа могла быть целесообразна отдельная еврейская

рабочая партия. Лидеры Бунда единодушно свидетельствуют, что ассимиляторские тенденции среди евреев-искровцев (Мартов, Троцкий, Аксельрод, Гинцбург и др.) были очень сильны, а сами ассимиляторы — воинственны и агрессивны.

Но и бундовцы были тверды в своей позиции. Второй съезд РСДРП проходил вскоре после знаменитого кишиневского погрома 1903 года, леденящие душу зверства которого потрясли русское еврейство и многих подтолкнули в сторону национализма. Почти таким же потрясением для еврейской интеллигенции стала, в целом, вялая, апатичная реакция на еврейские страдания со стороны русской прогрессивной общественности. (Слова, адекватные обстоятельствам, произнес, быть может, один лишь Горький.) Бундовцам было о чем задуматься.

Отклики тогдашних настроений среди евреев (их можно определить как всеобщую подавленность) слышны в дискуссии, протекавшей в одном из зарубежных студенческих землячеств, в которой участвовали Троцкий и В. Медем. Последний сообщает, что среди студентов присутствовали сионисты, и Троцкий шутливо и удачно отвечал на их вопросы. "Потом, — пишет Медем, — он взял в оборот меня. Я упрекнул русских социал-демократов в пренебрежении важным делом — борьбой с антисемитизмом... тогда Троцкий бросился защищать их. Прежде всего, он сказал, что обвинение несправедливо: они боролись против антисемитизма. В качестве доказательства он сослался на брошюру, выпущенную несколько лет назад в Николаеве. Затем он заявил, что на самом деле нет нужды бороться с антисемитизмом отдельно. Ведь известно, что антисемитизм — ничто иное как результат всеобщего невежества широких масс. Поэтому нужно воспитывать их сознательность; став сознательными, они сами собой отбросят антисемитизм. Излишне говорить с ними специально о евреях."

Это в точности соответствует теоретическим взглядам Троцкого, но не вполне согласуется с его практикой. Мы видели, что в 1905 году он не хотел ждать проявлений сознательности от русских погромщиков в Николаеве, напротив, несмотря на идейные расхождения, сотрудничал с сионистами в деле организации самообороны и реально помог местным евреям. Медем отмечает лишь одну сторону двойственного отношения Троцкого к еврейскому вопросу.

Критиковавший Троцкого в 1903 году, в 1905 году Медем

сам пошел по его стопам. Еврейские беды перестали казаться ему одной из достаточных причин для участия в революции; что было целью, стало средством. Бывший бундовец, новообращенный российский социал-демократ, Медем выступал перед еврейскими студентами в Берне вскоре после октябрьских погромов 1905 года, и вызвал бурю возмущения и протеста, заявив, что "еврейская кровь, пролитая в погромах, послужит смазкой для колес русской революции".²⁷

После всего сказанного неудивительно, что Второй съезд РСДРП проходил очень бурно. Он открылся 30 июля 1903 в Брюсселе, но вскоре переехал в Лондон, так как бельгийская полиция проявляла излишний интерес к русским революционерам. Всего в съезде участвовало 43 делегата, имевших пятьдесят один голос. Троцкий был делегатом от сибирской ветви партии; после съезда он представил ей отчетный доклад.²⁸

На первом же заседании было внесено предложение обсудить вопрос о месте Бунда в партии. Представители Бунда возражали, настаивали, что сначала необходимо заняться более важными вопросами, такими как программа партии и доклады делегатов, и лишь после этого, если необходимо, сформулировать статус Бунда. На обсуждение этого организационного вопроса потребовалось целых два заседания; наконец, тридцатью головами против десяти было решено обсудить положение Бунда первым вопросом повестки дня. На четвертом заседании позицию своей партии изложил один из лидеров Бунда, блестящий оратор Марк Либер (ему в то время было всего двадцать три года). В своей речи он исходил из устава Бунда, принятого на пятой конференции этой партии. Он утверждал, что включение Бунда в РСДРП на федеративных началах будет эффективнее, автономия не целесообразна, а федерация ни в чем не противоречит централизации. В соответствии с программой Бунда и установившейся в этой партии традицией он заявил, что Бунд считает себя единственным правомочным представителем еврейского пролетариата.

Суть возражений искровцев хорошо передают эпитеты, адресованные ими Бунду. Искровцы говорили о Бунде как о недисциплинированной, шовинистической, сепаратистской, еретической еврейской организации. Бундовцы со своей стороны назвали такой подход дискриминацией. Они подчеркивали, что согласно статье 9 программы РСДРП все нации имеют право на са-

моопределение, что Бунд не сможет соревноваться с сионистами за влияние в еврейских массах, если РСДРП не готова на деле продемонстрировать декларированный ею принцип равенства всех национальных групп.

Возглавил атаку на Бунд Юлий Мартов. Идею федерации он отвергал безусловно, настаивал, что Бунд *de facto* является автономной частью партии, и его место должно быть определено уставом. Говоря о евреях, он старательно избегал слова "нация". Предложенная им резолюция включала слова о том, что теснейшее единение еврейского пролетариата с пролетариатом тех народов, в среде которых евреи живут, совершенно необходимо для евреев в их борьбе за политическое и экономическое освобождение, что такое единение согласуется с борьбой социал-демократов против любых проявлений шовинизма и антисемитизма.

В итоге на четырех заседаниях, посвященных этому вопросу, выступило около двадцати ораторов. Троцкий следовал за искровцами, брал слово не менее десяти раз. Когда позже, на седьмом заседании, бундовцы предложили свой, основанный на компромиссе, проект устава, именно Троцкий проявил горячность и нетерпение, возражая им, убеждая делегатов голосовать за резолюцию Мартова. Он возражал против предложения бундовцев обсуждать их проект пункт за пунктом. — "Мы не академики, мы политики."

Бундовцев раздражало, что в этой дискуссии Троцкий говорил не только от имени российской социал-демократии: он дал понять, что имеет здесь право голоса и как еврей. Последовал любопытный обмен репликами. В связи с резолюцией Мартова Троцкий сказал: "Те двенадцать еврейских товарищей, которые ее подписали, хотя и работают во всероссийской партии, считали и считают себя представителями еврейского пролетариата..." Либер, прерывая Троцкого, бросил: "...среди которого они никогда не работали!" Троцкий: "Требую занести в протокол и мое замечание, и восклицание товарища Либера." Либер: "Требую отметить в протоколе, что председатель не прервал товарища Троцкого, когда тот в своем заявлении выразился с грубой бестактностью..." Председательствовавший Плеханов нашел обвинение Либера столь серьезным, что попросил представить его в письменном виде. Либер сделал это, объяснив, что грубая бестактность состояла в неуместной во вре-

мя партийной дискуссии постановке еврейского вопроса как такового, в игре на национальных страстях. Плеханов не нашел в заявлении Троцкого ничего предосудительного. Он возразил в том смысле, что почвой для национальных страстей может быть только национальный фанатизм, а он не видит основания подозревать кого-либо из присутствующих в этом пороке; зато в заявлении Либера он видит недоверие к себе как председателю. Съезд специальным голосованием подтвердил свое доверие Плеханову.

На этом съезде Троцкого прозвали большой дубинкой Ленина (выражение Д.Рязанова (Гольденбаха)) — и именно за его агрессивность в споре вокруг Бунда. Это было меткое прозвище: Рязанов ведь мог и не знать, что на этом заседании Ленин послал Троцкому записку, побуждая его выступить.²⁹

Троцкий выступил, и говорил много. Перед Либером он поставил риторический вопрос: не означают ли его слова о том, что российские делегаты хотят уничтожить Бунд, угрозу физическому существованию бундовцев? Подчеркивая, что среди российских делегатов есть евреи, он, Троцкий, хотел лишь предупредить возражение оппонентов о незнании неевреями психологии еврейского пролетариата. Препятствие от такого незнания невелико: рабочие — всегда в душе интернационалисты. Тем более социал-демократы. Отказывая товарищам по партии в праве работать среди евреев, бундовцы выражают им недоверие; если партия примет такую формулировку, это будет ее нравственно-политическим банкротством.

Троцкий хорошо понимал (вероятно, в отличие от многих других депутатов съезда) природу неуступчивости бундовцев. Отступать Бунду было некуда, влияние его падало; на повестке дня стояла борьба с набиравшим силу сионизмом. Разумеется, успехи сионизма могли быть только временными и случайными; это были безнадежные попытки повернуть вспять всемирно-исторический процесс, отдалить наступление социализма. Так рассуждал и Троцкий, вскоре после съезда опубликовавший в "Искре" статью "Разложение сионизма и его возможные преемники". Беда бундовцев заключалась в том, что они действительно в немалой степени представляли свой народ — или известную часть народа — и боролись за влияние с другой, тоже народной партией. Российские социал-демократы были дальше от русского народа, не говоря уже о еврейском, потому и

держались крепче бундовцев за идеологические схемы.

Еще раз к спору с Бундом (и к характеристике это партии) Троцкий возвращается в отчетном докладе, представленном им сибирской организации РСДРП. Он пишет, что Бунд рос и укреплялся в обстановке партийной анархии. Он отдает должное практической энергии его руководителей, выпестовавших свою организацию наперекор стихиям, однако, по его словам, и рассудку вопреки — быть может, не вопреки узкофракционным выгодам, зато наверняка вопреки общепартийным интересам. Усилия, затраченные в черте оседлости, дали бы десятикратные всходы на общем поле. Троцкий говорит о воинствующем провинциализме и приходской гордости бундовцев, о том, что на съезде лицом к лицу встретились категории всеобщего и случайного.

На втором съезде, знаменитом своим расколом, давшим миру большевизм, произошел и малый раскол: Бунд вышел из состава РСДРП. Что до Троцкого, то он оказался между двух стульев, но ближе к меньшевикам, позже работал над новой консолидацией расколовшейся партии, пытался создать собственную партию или фракцию, если же верно сообщение Медема, то искал он и возможности примириться с Бундом, искал его поддержки.

Когда в 1906 году Бунд вернулся в РСДРП, Троцкий сделал еще более энергичную попытку найти общий язык с организацией еврейских рабочих. На 5-ом (Лондонском) съезде 1907 он предложил бундовцам создать в партии центристский блок. Это предложение не встретило поддержки. Любопытно, что на этой конференции, идеологически тяготея (как и Роза Люксембург) к левому крылу большевизма, в организационных вопросах Троцкий был ближе к Бунду, часто голосовал вместе с бундовцами, сидел на скамьях Бунда, правда, в качестве отдельного делегата, без явной фракционной принадлежности.

Но и Бунд не считал Троцкого вовсе чужим, по меньшей мере доверял ему. В 1910 году представители центральных органов РСДРП собрались в Париже для выдвижения делегатов на копенгагенский (октябрь 1910) съезд Интернационала. Представители Бунда не смогли присутствовать на этой встрече, и Бунд уполномочил действовать от его имени Аксельрода и Троцкого.

Мы уже отмечали, что годы 1907—1913 были годами наибольшего интереса Троцкого к еврейству и еврейским делам. Отчуждение от большевиков, личное отдаление от Ленина могли приблизить Троцкого к Бунду. Но даже если допустить на минуту

готовность Троцкого примкнуть к Бунду, Бунд — об этом говорит вся мемуарная литература, затрагивающая вопрос, — вряд ли принял бы его в свои ряды. Бундовцы не любили Троцкого, боялись его властности, его исключительных способностей, порывистости и неуравновешенности.³⁰ Они знали, что он немедленно возвысится над самыми яркими из них, будет доминировать в партии.

Впрочем, сделанное нами допущение маловероятно. Даже если бы бундовцы проявили тогда к Троцкому больше симпатии, он едва ли изменил бы свою идейную ориентацию. Временными были его расхождения с крайними в РСДРП, временным — и сближение с Бундом.

Г л а в а 6

ОТНОШЕНИЕ К ИУДАИЗМУ И ЕВСЕКЦИИ

Мы видели, что в детстве Лев Бронштейн получил начатки религиозного воспитания. Троцкий-марксист поры его взросления был равнодушен к религиозным вопросам, раз и навсегда решив, что они лишь отвлекают от классовой борьбы. Атеистические настроения укрепил в нем Дарвин, прочитанный в ранние годы. Социализм и религия взаимно исключают друг друга, полагал Троцкий. Позже эта мысль прозвучала в одной из его речей со ссылкой на Достоевского. Этот "контрреволюционер, но пронизательный психолог", по словам Троцкого, полагал, что атеизм немыслим без социализма, а социализм — без атеизма, — и был прав.

Евреи предшествовавших поколений, покинувшие гетто и в той или иной степени участвовавшие в общеевропейских делах, всегда были выкрестами; этим и объясняется обычная для большинства из них двойственность в оценке еврейства. Даже Гейне и Дизраэли совмещали похвалу своим предкам с отрицанием и критикой. Маркс, тоже выкрест, переживал свое положение острее, — отсюда его столь резкие и несправедливые нападки на евреев и иудаизм, маскирующие, можно не сомневаться, психологическую ущербность классика. Крестились и немногие еврей-народники 1880-х годов, без этого они просто не могли найти общего языка с русскими крестьянами. Троцкий не был выкрестом. Необходимости в крещении как тактическом шаге в его поколении уже не было. Возможно, поэтому он и чувствовал себя свободнее своих предшественников в вопросах религии. Еврейская религия, история, мораль и литература по видимости совершенно не занимали его. В своих сочинениях он касается их постольку, поскольку спорит со своими оппонентами, для которых еврейская тема была важна; при этом он как бы против своей воли участвовал в обсуждении вопросов скучных и давно решенных.

На протяжении всей своей жизни Троцкий оставался верен своим антирелигиозным убеждениям. В "Открытом письме товарищу Бэрнаму" он писал: "Надеюсь, вы согласитесь, что религия

отвлекает внимание от реального к воображаемому, от борьбы за лучшую жизнь — к ложным надеждам на воздаяние в будущем мире. Религия — опиум для народа. Кто не борется против религии, недостоин звания революционера.” Те же настроения находим в его завещании, написанном примерно за шесть месяцев до его гибели: ”Все сорок три года моей сознательной жизни я оставался революционером... Я умру как пролетарский революционер, марксист, диалектический материалист и, следовательно, как непримиримый атеист... Каковы бы ни были обстоятельства моей смерти, я умру с непоколебимой верой в будущее коммунизма. Эта вера в человека и в его будущее дает мне даже сейчас такую силу сопротивления, какую не может дать никакая религия.”

Троцкий не имел склонности к метафизике. Во всем он любил ”свет разума и логику науки”. Он не зафиксировал своего понимания того, какое место должна занимать религия в будущем коммунистическом обществе; вероятно, полагал, что она сама собой отмрет. Его равнодушие к этому вопросу не было простым следствием того, что он революционер. Напомним, что, например, Робеспьер ввел культ Высшего Существа в качестве государственной религии, а А.В.Луначарский, за присущие ему мистические настроения, заслужил (у Ленина) прозвище богоскателя.

В Совнаркоме (первом советском правительстве, образованном сразу после Октябрьской революции) Троцкий был единственным евреем. Второе правительство большевики создали (12 декабря 1917 года) в коалиции с левыми социалистами-революционерами. В качестве народного комиссара юстиции в него вошел религиозный еврей И.Н.Штейнберг, строго соблюдавший основные обряды. Приверженность Штейнберга иудаизму не была секретом. Еще в царское время, арестованный за революционную деятельность, Штейнберг в тюремной камере не расставался с филактериями (иначе: тфиллин; молитвенные коробочки с фрагментами ритуальных текстов, накладываемые на голову и руку во время молитвы). В короткий период послаблений в последние годы царизма, будучи членом местной думы в Уфе, он в субботу ходил на заседания этого представительного органа в сопровождении нееврея, несшего его портфель, о чем знал каждый житель Уфы. Штейнбергу случилось однажды выступить с пылкой революционной речью перед крестьянами как раз в ка-

нун Судного дня; после этого он, как и положено верующему, плакал и постился. Иудаизм, в его понимании, не только не противоречил социализму, но прямо соответствовал ему и дополнял его, ибо и еврейские пророки были социалистами. Он говорил, что является членом социально-революционной партии, стоящей за раздачу земли крестьянам как раз потому, что Тора, именно книга Левит, отрицает за человеком право на частную собственность на землю; земля принадлежит Богу.³¹

Пример Штейнберга показывает, что в этом вопросе Троцкий не применялся к обстоятельствам, а строил свое поведение в соответствии со своими убеждениями и склонностями.

Останься Троцкий в стороне от гонений на религию в Советском Союзе, это соответствовало бы его темпераменту и строю мыслей, где какую-то роль должны были сыграть и воспоминания детства. Однако в 1921—1922 годах он руководил Союзом безбожников. Возможно, взять на себя эту роль просил Троцкого Ленин. В своей автобиографии Троцкий сообщает: "В числе десятка других работ, которыми я руководил в партийном порядке, то есть негласно и неофициально, была и антирелигиозная пропаганда, которою Ленин интересовался чрезвычайно. Он настойчиво и не раз просил меня не спускать с этой области глаз." Однако еще при жизни Ленина, во время его предсмертной болезни, Сталину удалось поставить вместо Троцкого во главе антирелигиозной пропаганды другого еврея, Емельяна Ярославского (впоследствии льстивого биографа Сталина).

Троцкий, по свидетельству А. Дойчера, руководил Союзом безбожников "в духе философского просвещения, который не привел бы к оскорбительным для чувств верующих эксцессам, погубившим работу союза при Ярославском". В самом деле, задача требовала большого такта и терпимости.

Возглавлял Троцкий и секретную комиссию по конфискации церковного имущества, выручка от продажи которого шла на покупку продовольствия для голодающих Поволжья.

Деятельное участие евреев в антирелигиозной кампании значительно усилило антисемитские настроения в Советской России. Черни казалось, что страной правят евреи. Действительно, многие евреи были на виду в новой администрации, сил своих не жалели и перед крутыми мерами не останавливались. Например, Григорий Евсеевич Зиновьев (Апфельбаум), председатель Петроградского Совета рабочих депутатов, председа-

тель Совнакома Союза коммун Северной области, глава Коминтерна, — утвердил смертный приговор, вынесенный советским судом митрополиту Вениамину. Смертные приговоры церковным иерархам не были редкостью; священники противились конфискации, церковное золото и серебро было для них не валютой, а реликвиями. Указ о сдаче золота, серебра и драгоценностей распространялся, конечно, не только на православные церкви, но и на мечети, и на синагоги; преследовались не только попы, но и муллы, и раввины. Но когда смертный приговор христианскому священнику подписывал еврей, это запоминалось многим, и лишь энергичные меры предосторожности и жестокие наказания способствовали предотвращению погромов.³²

Выступая за мягкость в антирелигиозной кампании, Троцкий просто исходил из здравого смысла. Он чувствовал, что силой, репрессиями ничего не добьешься, полагался на новые условия жизни, которые сами собой должны были привести к формированию нового мировоззрения. В этом вопросе он опирался на программу партии, принятую на 8-м съезде (1919), от себя ничего не добавлял. Однако в формулировании самой этой программы он принимал участие: был одним из семи членов комиссии, подготовившей этот документ. Об отношении к религии в этой программе сказано: "ВКП(б) руководствуется убеждением, что только осуществление сознательной и систематической социальной и экономической активности масс приведет к исчезновению религиозных предрассудков. Цель партии — окончательно уничтожить связь между эксплуататорскими классами и организаторами религиозной пропаганды, и в то же время помочь трудящимся массам фактически освободиться от религиозных предрассудков и организовать широкую научно-воспитательную и антирелигиозную пропаганду. В то же время необходимо тщательно избегать оскорбления религиозных чувств верующих, ведущего только к усилению религиозного фанатизма."

Фанатизм, однако же, бывает и антирелигиозный, и именно этого рода еврейский фанатизм пришлось, как это ни странно, обуздывать Троцкому. В связи с этим мы теперь бросим взгляд на евсекцию, еврейскую секцию ВКП(б), созданную советским руководством специально для управления еврейскими делами.

Две революции 1917 года радикальным образом изменили положение русского еврейства. Черты оседлости и процентной нормы не стало, евреи хлынули в столицы, в высшие учебные заведения. Для тех, кто выбрал ассимиляцию, сложились условия, каких, быть может, никогда и нигде не открывалось евреям за всю историю их расселения в Европе. Эти небывалые возможности приняли тогда многие евреи, но далеко не все. Большинство тяготело к традициям, куда входил и привычный экономический уклад. Это большинство представляло собою городских мелких (порою просто нищих) собственников, которые в революцию потеряли все. Вместе с разорением экономическим новый режим принес и ломку старых культурных и благотворительных учреждений, что тоже для многих было и бедой, и варварством. Так сложилось двойное отношение евреев к советской власти: одни ее горячо приветствовали, другие проклинали. Этим не исчерпывалось своеобразие положения, в котором оказались в глазах большевиков русские евреи. Они были большим (в несколько миллионов) и беспокойным национальным меньшинством. Самоуправление, под присмотром из центра, было бы желательно — но ему мешали программные документы партии, доктринальный ригоризм: не имевшие своей территории, евреи не были для большевиков народом и не могли иметь своей партии, как белорусы или кавказцы. Поскольку же по существу они народом все-таки были, то властям и пришлось пойти на компромисс. Так возникла евсекция. Был, кроме того, назначен специальный еврейский представитель при народном комиссариате национальностей (во главе этого министерства стоял Сталин).

Евсекция была как бы проекцией Бунда в новый, послереволюционный социум. После революции, решением своего большинства, Бунд самораспустился и влился в коммунистическую партию; многие бывшие бундовцы стали работать в еврейской секции ВКП(б). Перед ними были поставлены вполне определенные задачи. Они должны были приспособить еврейскую общину к новому социальному порядку. Еврейскому торговцу надлежало как можно скорее уйти в прошлое. В культурную жизнь масс, говорящих на идише, предстояло внедрить коммунистические принципы. Программа была большая.

С рвением, обычным для еврейских новообращенцев всех времен и стран рассеяния, представители евсекции принялись осуществлять свои планы. Можно было ожидать, что они окажутся большими католиками, чем папа римский; но все же их одержимость превзошла все ожидания. Казалось, все специфически еврейское, все, хотя бы отдаленно намекающее на еврейскую обособленность, им ненавистно, — ненавистны и те, в ком этот порок угадывается. Тотчас после учреждения евсекции 35% евреев оказались *лишенцами*: были лишены всех прав как представители эксплуататорских классов, между тем фактических эксплуататоров, в марксистском понимании этого слова, не набиралось среди них и 6%.

Троцкий, конечно, знал о безудержном и жестоком энтузиазме евсекции; некоторые из ее решений обжаловались в политбюро. Лишь дважды, в связи с антирелигиозной борьбой, и в связи с еврейскими подразделениями в Красной армии, он подключался к вопросам, входившим в компетенцию этого подразделения партии, вообще же всегда возражал, особенно в годы военного коммунизма, против попыток вовлечения его в еврейские дела. Такие попытки имели место снизу: Троцкого просили использовать свой престиж, чтобы унять вакханалию, отменить тот или иной особенно свирепый или бессмысленный указ евсекции.

Есть некоторые основания полагать, что Троцкий противился даже самому созданию евсекции — правда, в основном потому, что эта фракция, проходя в большевистской иерархии по ведомству Сталина, усиливала позиции главного политического конкурента Троцкого.

Поскольку Троцкий наотрез отказывался выступать в роли защитника евреев, обиженные обращались к другим большевистским лидерам и часто находили поддержку. Много сделал для евреев известный своим филосемитизмом писатель Горький, иногда откликался Ленин и даже сам железный Феликс, т.е. председатель ЧК Дзержинский, а также председатель Московского совета и член политбюро Лев Каменев.

В 1921 году группа еврейских писателей с Х.-Н.Бяликом во главе ходатайствовала перед властью об эмиграции. Это был первый год НЭПа, заграничные паспорта начали выдавать, однако протекция, как правило, все же была необходима, — тем более в этом случае, когда мотивы отъезда были ясны и не мог-

ли не вызывать скрытого негодования у новых хозяев страны. К Троцкому обратились через брата его первой жены, журналиста Юлия Соколовского, писавшего под псевдонимом Седой. Прощупав почву, Соколовский ответил, что ничего не может сделать. Тогда Бялик встретился с Горьким (в марте 1921 года), тот обратился к Ленину, и разрешение на выезд было дано.

Другим ходатаем по еврейским делам была в эти времена сестра Троцкого и жена Льва Каменева, Ольга Каменева. Она возглавляла комиссию, через которую советское правительство вело дела с иностранными благотворительными организациями, главной среди которых был американский Джойнт. Разумеется, Каменева была интернационалисткой. Представитель Джойнта, доктор Боген, вспоминает: "Она заботилась о евреях как о людях, а не как о своих братьях; точнее, и они были братья, но ровно настолько, насколько братьями были татары или башкирцы. Лишь изредка, по случайному недосмотру, в минуты потери самоконтроля, открывались вдруг тайники ее сердца, обнаруживая любовь к народу, в котором она родилась."³³

Сам Лев Каменев был выкрестом-полукровкой; отец его был еврей, мать — русская. Каменев тоже никогда не отказывал в помощи евреям, любезно принимал делегации раввинов (хотя чаще всего мало что мог для них сделать), дружил с евреями, не порвавшими с традицией. В те годы это значило много.

Иудаизм был истинным проклятием в глазах евсекции, "крепостью еврейской реакции", по выражению Эстер Фрумкиной, бывшей бундовки, а теперь коммунистки. Эта активистка евсекции выделялась рвением даже среди своих товарищей по работе, которые тоже были не кроткого нрава. В 1923 году она выпустила прокламацию "Долой раввинов!". Ее идеей было вести еврейскую антирелигиозную войну средствами более жестокими, чем русскую, — чтобы русские массы, упаси Бог, не заподозрили какого-то предпочтения евреям.

Но когда оказалось, что крайности евсекции превосходят всякую меру, Троцкий вмешался. Доктор Боген сообщает, что Троцкий несколько остудил "неистовый пыл" Эстер Фрумкиной и ей подобных, посоветовав в своей новой книге "Проблемы жизни" (но, вероятно, не только в ней) умерить методы антирелигиозной пропаганды. Было бы ошибкой, писал Троцкий, превращать верующих в своих врагов; отношение к ним должно быть мягким и уважительным; это не их вина, скорее их беда, что

они, получив дурное воспитание и не научившись думать, не могут подняться до понимания современных идей.

Книга Троцкого "Проблемы жизни" была опубликована в России в 1923 году. Несколькими месяцами раньше Троцкий устроил в Москве специальную конференцию коммунистических пропагандистов. Дискуссия на этой конференции, а также опросы рабочих, снабдили Троцкого материалом для этой книги. Вот его выводы: связь рабочих с церковью обыкновенно висит на ниточке привычки, особенно женской; для освобождения масс от порабощения церковным ритуалом, ставшим привычкой, недостаточно одной антирелигиозной пропаганды: нужно развивать новые формы общественной жизни, прививать новые развлечения. Кино, по его мнению, разворачивает перед человеком картины куда более захватывающие, чем те, которые может предложить воображению верующих любая церковь, умудренная тысячелетним опытом, а также мечеть или синагога.

Троцкий был поборником новых, социалистических ритуалов и церемоний, новой символики. На упомянутой конференции пропагандистов он был рад услышать о том, что в практику входит замещение христианских имен советскими. Действительно, уже к этому времени появились такие имена как Октябрина, Коминтерн, Ленин (или Нинель, то же имя в обратном прочтении), Вилен (тоже от имени вождя) и т.п.³⁴

В "Проблемах жизни" Троцкий строго отчитал безбожников-экстремистов. Не может быть и речи, учил он, о принуждении сверху, о бюрократизации новых обычаев. Потребуются годы и десятилетия, чтобы выйти на дорогу облагоустроенных, одухотворенных форм жизни; форсировать этот процесс нельзя. Евсекция поняла, к кому обращен этот выговор. Ее антирелигиозная кампания приняла более мирный характер.

Лидеры большевиков никогда не смотрели на евсекцию как на постоянное установление. Она была всего лишь конторой по ликвидации (к счастью, еще не физической) еврейства, и сама, выполнив задание, должна была быть ликвидирована. Но евсекция не успела справиться с возложенной на нее миссией. Когда борьба за власть между Сталиным и Троцким достигла апогея, когда слово "троцкист" все большим числом людей стало пониматься как слово "враг", — число подозреваемых в троцкизме среди руководителей евсекции оказалось очень большим, чистки стали следовать одна за другой, пока, наконец, эта

шумная и воинственная компания не присмирела, превратившись в собственную тень. К 1929 году Сталин становится практически единовластным хозяином страны. Троцкий был побежден и выслан из Советского Союза. Оппозиция была сломлена, последняя видимость демократического, коллегиального управления исчезла. Наступали новые времена, необходимость в паллиативах и двусмысленностях отпала, — и в январе 1930 года евсекция была упразднена.

Г л а в а 7

ЕВРЕЙСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ В КРАСНОЙ АРМИИ

В 1919 году, в самый разгар гражданской войны, возникла мысль организовать в Красной армии еврейские боевые части. Недостатка в революционно и воинственно настроенной молодежи не было. Полки, сформированные в Минске в 1919 году для участия в польской кампании, чуть не поголовно состояли из евреев.

Красная армия была армией революции, и в ее ряды евреев влекло то же чувство, которое в таком обилии рекрутировало из них революционеров-подпольщиков. Эта армия, кроме того, представляла режим интернационалистический, по видимости окончивший с национальным угнетением; уже за это его стоило защищать. Советская власть не только осудила погром, но и круто расправлялась с погромщиками, чем разительно отличалась от добровольческих белогвардейских армий, махновцев и всевозможных атаманов, хозяйничавших на Украине и на юге России. Воевать за красных значило тогда мстить не только эксплуататорам, но и погромщикам. В Красную армию можно было пойти добровольцем, но, вообще говоря, там, где советская власть установилась прочно, воинская повинность была обязательной, и многих забирали против их желания.

Для мобилизации евреев была создана специальная еврейская военная секция (еввоенсек), но призванных она распределяла по общим войсковым частям.

Троцкий приветствовал евреев-новобранцев, однако помнил об их идеологических особенностях и при всяком удобном случае говорил о необходимости специальной работы среди них. В одном из писем того времени он подчеркивает мелкобуржуазную природу еврейской городской интеллигенции. По его мнению, коммунизм у многих евреев имеет не классовую, а национальную природу, а такие коммунисты — не самые лучшие, и не на них стоит советская власть.

К созданию еврейских военных или военизированных подразделений подводил естественный ход событий. Базой для них могли стать отряды самообороны от погромов, существовавшие

в дореволюционный период. О легализации этих отрядов и о превращении их в стационарные части шла речь на первой конференции Союза еврейских военнослужащих в октябре 1917 года. Препятствием, по обыкновению, были разногласия среди различных еврейских движений и организаций. В советское время этой идее противилась евсекция, считавшая, что именно постоянные отряды самообороны как раз и спровоцируют погромы, а создание еврейских военных частей вредно как с политической, так и с практической точек зрения. Это мнение отчетливо прозвучало на второй конференции евсекции в Москве, в июне 1919 года. Евсекция призвала евреев вступать в ряды Красной армии, отбросив всякий национальный сепаратизм.

Особенно остро вопрос о создании еврейских частей обсуждался на Украине. Именно здесь они могли быть одновременно и действенной силой Красной армии, и щитом от погромов. Сторонники этой идеи ссылались на опыт первой мировой войны. Тогда евреи дали русской армии не меньший и не худший процент солдат, чем все другие национальные группы, включая и самих русских, однако евреи-фронтовики, растворясь в общей массе, не были замечены тенденциозным общественным мнением, упорно твердившим, что они не воюют, а продолжают торговать в тылу. То же, уверяли сторонники идеи, произойдет и в Красной армии, где поэтому необходимо создать еврейский корпус; ведь есть же у большевиков латышская стрелковая дивизия, перешедшая к ним прямо из царской армии. Наоборот, противники этой идеи говорили, что создание еврейских частей льет воду на мельницу тех, кто утверждает, что коммунизм и советская власть — еврейские выдумки. Антисемитизм и погромы только усилятся от этого, утверждали они.

Троцкий был сторонником еврейских подразделений, иначе говоря, занял в этом вопросе позицию, избличающую скорее практического политика, чем марксиста-теоретика. Прагматический подход в данном случае перевесил. Троцкий слишком хорошо знал, какие настроения господствуют на фронтах и среди нееврейского населения. Вопреки фактам, в резком контрасте с ними, в народе господствовала мысль, что евреи уклоняются от службы.³⁵ Можно допустить, впрочем, что не один только прагматизм, но и еврейская гордость Троцкого, задетая бессмысленной болтовней черни, участвовала в формировании его позиции.

Троцкого, по видимому, беспокоили и разговоры о том, что будто бы все поголовно комиссары Красной армии — евреи. Он писал об этом в связи со взятым в плен на колчаковском фронте офицером Котоминым, обнаружившим свирепый антисемитизм. Выяснилось, что белогвардейская пропаганда спекулирует на роли евреев в революции, бесконечно преувеличивает число еврейских комиссаров. Котомин на допросах иронизировал по поводу необыкновенных талантов евреев. Троцкий принимает эти слова всерьез, и всерьез возражает на них. По мнению Троцкого, такая оценка евреев не имеет под собой никаких оснований. Все дело в том, что антисемитизм состоит не только из ненависти к евреям, но и из страха перед ними. Пока что ни один антисемит не доказал, что еврей способнее великоросса или украинца, пишет Троцкий, перекликаясь (конечно, без всякой мысли об этом) со сходными высказываниями лидера сионистов В. Жаботинского.

В 1919 году ЦК партии сионистов-социалистов Поалей Цион направил Ленину (как председателю Совета Обороны) специальный меморандум с просьбой разрешить создание еврейских частей в Красной армии. Необходимость в меморандуме возникла, главным образом, из-за резкой оппозиции этой мысли среди рядовых евреев-большевиков. Меморандум содержал ссылку на соответствующий пункт большевистской программы о национальном самоопределении трудящихся масс угнетенных народов, отмечал наличие подразделений, сформированных на территориях с высоким процентом еврейского населения и потому фактически являющихся еврейскими по своему составу. Пробуждение классового сознания еврейской бедноты, уменьшение влияния на еврейских рабочих со стороны еврейской буржуазии — вот аргументы ЦК Поалей Цион, представленные Ленину. Авторы меморандума убеждены, что еврейский красноармеец в еврейском подразделении будет лучше сражаться с белогвардейцами, — в частности, потому, что освободится от угнетающей антисемитской атмосферы, поддерживаемой бессознательной частью бойцов Красной армии. Есть в меморандуме и слова о предотвращении погромов.

28 апреля вопрос был, наконец, внесен на рассмотрение политбюро ВКП(б) — и был решен положительно. Было разрешено формирование национальных еврейских батальонов в смешанных полках и национальных еврейских полков в смешанных бригадах.

10 мая 1919 года Троцкий, в качестве председателя Ревво-

енсовета республики и наркома по военным и морским делам, послал следующую телеграмму комиссару Северо-Западной области И.Я.Алибегову: "Ввиду того, что еврейская социал-демократическая партия Поалей Цион и другие организации еврейских рабочих объявили о своей готовности сформировать из еврейских рабочих подразделения для защиты революции, предлагаю создать такие формирования под общим надзором областного военного командования. В то же время желательно, чтобы эти еврейские батальоны входили в те наши бригады, которые состоят также из батальонов других национальностей. Это предотвратит национальное обособление и шовинизм, к сожалению, заметные там, где образуются национальные воинские части."

Однако сопротивление претворению в жизнь этой идеи продолжалось. По сообщению руководства Поалей Цион, витебский комиссар (весьма вероятно, еврей) сказал: "Я знаю приказ Троцкого, которому я обязан подчиниться, но пока я нахожусь на своем посту, я не допущу формирования еврейских батальонов." Противоречия были столь сильны, что вопрос был возвращен в верхние эшелоны власти. 6 августа 1919 оргбюро ЦК ВКП(б) постановило "советовать Центральному Комитету сосредоточить еврейских красноармейцев в отдельных подразделениях из-за господствующего в армии антисемитизма".

Тем не менее еврейские части так и не были образованы. Евсекция открыто саботировала проект, не слушалась высших военных и партийных начальников. А председатель Реввоенсовета Троцкий не видел причины выходить по этому поводу из себя. Проект принадлежал не ему, он лишь утвердил предложение, исходившее от сионистов-социалистов, т.е. не от большевиков, а от их временных союзников.

Однако роль евреев в Красной армии оставалась велика, и руководство сознавало это. В канун наступления большевиков на Варшаву в июне 1920 года в армии был создан специальный еврейский отдел, целью которого были вербовка и пропаганда среди евреев, разъяснение как общих принципов большевизма, так и необходимости наступательной кампании против "белопольяков". Бывший бундовец, а ныне коммунист, М.Рафес, прикрепленный к политотделу западного фронта, обратился к Троцкому за указаниями, как набирать евреев. Троцкий писал ему: "Красная Армия нуждается в свежих силах... [она] размещена сегодня в тех районах, где живут массы еврейских трудящихся.

Необходимо вводить еврейских рабочих в ряды Красной Армии. Не закрывая глаза на мелкобуржуазные черты, свойственные части еврейских рабочих, нужно обратиться к рабочим организациям, которые вместе с евсекцией объявят неделю призыва еврейских рабочих в Красную Армию.”

Действовали согласно предложению Троцкого. Был создан совет по мобилизации, куда вместе с представителями евсекции вошли сионисты-социалисты и бундовцы. Однако польская кампания была быстро проиграна, большевики поняли, что Польшу им сейчас не вернуть, и весь план по созданию еврейских частей рухнул. Поляки наступали. В многочисленных еврейских местечках Белоруссии с полным основанием ожидали, что победители, по мере продвижения на восток, будут устраивать еврейские погромы. Понятно, что идея массового вступления в Красную армию потеряла для евреев всякую привлекательность.

Г л а в а 8

ЕВРЕЙСКИЙ КОМПЛЕКС ТРОЦКОГО

В годы военного коммунизма, на вершине своей карьеры, Троцкий был полностью занят "защитой завоеваний революции". Ни времени, ни желания отвлечься на другие вопросы у него не было. Уже по одному этому его интерес к делам собственно еврейским должен был быть ослаблен. Что мог значить еврейский вопрос накануне радикального решения всех проклятых вопросов человечества? — в случае успеха большевизма, он решился бы сам собою как вопрос частный, второстепенный. Оглядываясь на времена острой теоретической дискуссии (1903), Троцкий вновь и вновь убеждался в своей правоте. На обычный вопрос, считает он себя евреем или русским, он отвечал: "Ни тем, ни другим! Я социал-демократ!"

Став наркомом, он отвечал в том же духе различным еврейским делегациям, просившим его о вмешательстве в пользу притесняемых евреев. Теперь, однако, такой ответ означал нечто более ощутимое, чем остроумный полемический выпад: теперь это был отказ. "Их" дело его не интересовало. При упоминании о его происхождении Троцкий свирепел. "Я не еврей, я интернационалист!", "евреи интересуют меня не больше, чем болгары" — вот типичные его ответы.

Русский публицист В.Л.Бурцев, разоблачивший многих провокаторов (в том числе знаменитого Е.Ф.Азефа) вспоминает об одной в высшей степени знаменательной делегации. Сразу после Октябрьского переворота к Троцкому явилась делегация старейшин петроградской еврейской общины во главе с главным раввином Петрограда. Просители хотели обратить внимание Троцкого на тот факт, что активное участие евреев в большевизме, в частности, в большевистском правительстве, создает реальную опасность для еврейского народа. Ответ Троцкого и в этом случае был стандартен. Евреи как таковые его совершенно не интересуют. Интернационал знает только классовые различия и классовую общность. Он сам, Троцкий, ни в каком смысле не является евреем: он интернационалист.³⁶

Отталкивание от национального началось у Троцкого, как

мы видели, рано: с отталкивания от близких, от семьи. Молодому Бронштейну претили типично еврейские черты и привычки отца. Позже это отталкивание было закреплено взятием псевдонима. Нет никакого сомнения, что фамилия Бронштейн мешала Троцкому по меньшей мере в быту. Ни к чему она была и интернационалисту, отрицающему национальность, — уже просто потому, что носила на себе печать национальности. Взятие псевдонима (и даже нескольких псевдонимов) было обычным делом среди революционеров, к этому вынуждала конспирация. Свой основной псевдоним, который ему предстояло прославить, Бронштейн выбрал около 1902 года. Фамилия Троцкий звучит скорее на польский, чем на русский лад, контрастируя с распространенной русской фамилией Троицкий. Сам Троцкий никогда не объяснял этимологию этого своего псевдонима (наиболее правдоподобное предположение на этот счет делает Зив, друг и сокамерник Троцкого по одесской тюрьме³⁷). Конечно, у Троцкого были и другие временные имена. Например, находясь в 1901 году в сибирской ссылке он публиковался в "Восточном обозрении" под претенциозным псевдонимом Антид Ото (от antidote, противоядие).

Имеются веские основания полагать, что роль псевдонима для Троцкого и многих других еврейских радикальных деятелей той поры (не только из большевиков) не исчерпывалась целями конспирации. Многие из них, иногда бессознательно, тяготились своим еврейством, хотели во что бы то ни стало избавиться от него. Эти люди, чаще всего лично мужественные, на словах во всем презиравшие устоявшееся общественное мнение как буржуазное, на самом деле находились в жалком плену у худших представителей этого самого общественного мнения. Они не довольствовались примирительным настроением передовой части русского общества, более или менее победившей антисемитский предрассудок, — им не хотелось, чтобы весь комплекс мерзостных и клеветнических представлений, которые чернь в России издавна связывает с евреем, хоть кем-либо распространился и на них.

В пользу такого представления говорит та острота, с которой вопрос о фамилии (и партийной кличке) всегда стоял для видных революционеров-евреев. Здесь важно знать, что в царской России смена фамилии совершалась лишь с разрешения царя. Закон этот был принят едва ли не против евреев: они, хо-

датыствуя на высочайшее имя, практически всегда получали отказ³⁸; у русских же необходимость в смене фамилии возникала лишь в исключительных обстоятельствах.

Одним из первых декретов большевиков был декрет об упрощении процедуры изменения фамилии. Он был обнародован сразу после захвата ими власти, когда еще вся страна была охвачена смятением, борьба велась не на жизнь, а на смерть, — и специалисты гадали, сколько дней продержится новый режим. Кто мог торопить с этим чисто бюрократическим, канцелярским делом, когда на улицах стреляли?

Но, видно, торопить было кому. Еще до большевистского переворота, в июне 1917 года, Троцкий внес на рассмотрение исполкома Петроградского совета проект резолюции, требующей от Временного правительства признания "права на имя". В проекте прямо говорилось о необходимости дать революционерам возможность сохранить свои партийные клички, сделать их фамилиями. Делался упор на положение революционеров, возвращающихся из эмиграции, на то, что буржуазная печать травит их. Оставалось, правда, неясным, почему буржуазная печать перестанет травить их под новыми именами? забудет ли старые? — Впрочем, в июне проект этот не удалось довести до Временного правительства: отношение последнего к большевикам резко ухудшилось, Ленин и некоторые из его последователей были обвинены в том, что они — платные агенты Германии.

Либеральная еврейская интеллигенция той поры смотрела на вещи иными глазами. Сохранились свидетельства, в которых с прискорбием отмечается: да, некоторые демагоги, объединившиеся с героями улицы и с проповедниками насильственной экспроприации, вышли из нашей среды; поскольку они выступают под русскими псевдонимами, стыдясь своего еврейского происхождения, то было бы правильнее считать псевдонимами их еврейские имена; у них нет корней в нашем народе.

Большевики победили; Лев Бронштейн, нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета республики, сделался известен всему миру под фамилией Троцкий. Но, как и следовало ожидать, никто не забыл и того имени, под которым он родился. Наоборот, тут-то оно и прославилось, стало как бы тенью его звонкого псевдонима.

Среди незабывших был и Сталин. Известно, что в борьбе за власть с Троцким он умело использовал антисемитизм как пар-

тийного руководства, так и народных масс. Во многом это и обеспечило его победу.

Победив Троцкого с помощью антисемитизма, Сталин сумел сделать имя Троцкого и слово "троцкизм" ругательствами в глазах миллионов людей; мало того, сделать так, что эти ругательства неизменно ассоциируются с еврейством. Вместо одного инструмента у Сталина оказалось два. Вот как он ими пользовался.

Сергей Седов, младший сын Троцкого, никогда не занимавшийся политикой, отказался последовать за родителями в изгнание и, тем самым, остался как бы заложником в руках Сталина. Сталин обвинил Седова в заговоре с целью массового отравления рабочих. Это обвинение, дикость и вздорность которого была очевидна всем здравомыслящим людям, имело под собою антисемитскую подоплеку, уже не столь очевидную, особенно за рубежом. Троцкий выступил со статьей "Термидор и антисемитизм", в которой писал, что его сыновья носили фамилию Седов (фамилию своей матери, Наталии Седовой) со дня своего рождения — в школе, в университете, всюду. Сам он, по его словам, вот уже тридцать четыре года носит фамилию Троцкий³⁹, и в советское время никто ни разу не назвал его по фамилии отца, т.е. Бронштейном, точно так же, как никто не назвал Сталина — Джугашвили⁴⁰. Однако вместе с неправдоподобным обвинением Сергея Седова ГПУ сообщило советской и иностранной печати, что настоящая фамилия Седова — Бронштейн. Если бы, продолжает Троцкий, целью ГПУ было только подчеркнуть связь обвиняемого с ним, Троцким, то и была бы произнесена фамилия Троцкий; обвинители же преследовали триединую цель: подчеркнуть еврейское происхождение Седова, его родственную связь с Троцким (ибо кто же не знал к этому времени, что Троцкий — Бронштейн?), а также и мнимую связь еврейства с троцкизмом, которая уже прямо отдает мистическим заговором против человечества.

Тогда же, прочитав об аресте сына, Троцкий опубликовал заявление "Методы антисемитизма", которое заканчивается вопросом: "Далеко ли отстоит это обвинение [Седова, в попытке отравить рабочих] от обвинения евреев в ритуальном использовании христианской крови?"

Вряд ли Троцкий знал талмудическое изречение "сыны Израиля ответственны друг за друга"; но по крайней мере однажды

он действовал так, как если бы руководствовался им. Приведенный ниже разговор с Лениным обозначает границу, до которой простирался интернационализм Троцкого. Троцкий вспоминает: "После переворота я пытался остаться вне правительства, предлагал взять на себя руководство партийной печатью... Но Ленин не хотел и слышать об этом. Он требовал, чтобы я стал во главе наркомата внутренних дел: борьба с контрреволюцией сейчас главная задача. Я возражал и, в числе прочих доводов, выдвинул национальный момент: стоит ли, мол, давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство? Ленин был почти возмущен: У нас великая международная революция, — какое значение могут иметь такие пустяки? На эту тему возникло у нас полусутоливое препирательство. Революция-то великая, отвечал я, но и дураков осталось еще немало. — Да разве ж мы по дуракам равняемся? — Равняться не равняемся, а маленькую скидку на глупость иной раз приходится делать; к чему нам на первых же порах лишние осложнения?" Далее Троцкий пишет: "Я упоминал уже, что национальный момент, столь важный в жизни России, не играл в моей личной жизни почти никакой роли. Уже в ранней молодости национальные пристрастия или предубеждения вызывали во мне рационалистическое недоумение, переходившее в известных случаях в брезгливость, даже в нравственную тошноту. Марксистское воспитание углубило эти настроения, превратив их в активный интернационализм. Жизнь в столь разных странах, знакомство с их языками, политикой и культурой помогли моему интернационализму всосаться в плоть и кровь. Если в 1917 году и позднее я выдвигал свое еврейство как довод против тех или иных назначений, то исключительно из соображений политического расчета."⁴¹

Итак, в отказе Троцкого не было никакой идеологии. Он не менее других поддерживал революционную беспощадность, не хуже любого из большевистских лидеров возглавил бы красный террор. Речь шла о тактическом ходе, и здесь он вспомнил о своем еврействе. И его отказ, и его аргумент были поддержаны против Ленина как еврейскими, так и нееврейскими членами ЦК.

Другое проявление "еврейской чувствительности" Троцкого связано с тем широкоизвестным фактом, что в первые годы советской власти множество евреев оказалось на высоких постах

в армии, партийных и советских органах. Причина этой диспропорции не вполне ясна. Не одни евреи оказались в диспропорции: поляки и латыши тоже были представлены в верхних эшелонах власти относительно большим, чем русские, числом; этого, однако, нельзя сказать про все угнетенные и приниженные в недавнем прошлом народы. Относительно высокий процент интеллигенции тоже не объясняет повышенную активность евреев. Остается допустить, что отмена черты оседлости (которая ведь не была для евреев национальной территорией, как, скажем, Армения для армян) и первое за всю историю рассеяния полное уравнение в правах с "коренным населением", вместе с угрозой со стороны открыто антисемитских белых сил, привели евреев в небывалое возбуждение.

Троцкому начало казаться, что диспропорция, в которой евреи представлены наверху, излишне бросается в глаза. По этому поводу он обратился к Ленину с конфиденциальным письмом. 18 апреля 1919 года вопрос был поставлен на повестку дня заседания политбюро. Присутствовали Ленин, Крестинский, Сталин и Троцкий. Протокол отмечает, что по третьему пункту повестки дня было заслушано "сообщение т.Троцкого о том, что латыши и евреи составляют огромный процент сотрудников ЧК в прифронтовых зонах, в исполкомах прифронтовых зон и тыла и в советских учреждениях центра; что их процент на фронте относительно невысок; что среди красноармейцев ведется усиленная шовинистическая агитация на эту тему; и что по мнению т.Троцкого важно произвести перемещение партийцев с целью достичь более равномерного распределения партийных работников всех национальностей между фронтом и тылом."

К словам Троцкого прислушались. Политбюро поручило Троцкому и председателю политотдела Реввоенсовета Смилге подготовить и разослать от имени ЦК директивы комиссиям по распределению кадров между центральными и местными организациями и фронтом.

Разумеется, всегда можно сказать, что и здесь Троцким руководил не более чем политический расчет, что его еврейский комплекс, если таковой был, тут не причем. Но ведь и другие члены политбюро и ЦК были политиками, притом некоторые — талантливыми. Почему эти простые соображения не пришли им в голову? Почему о них задумался Троцкий? Ждал ли он как глава Красной Армии, что предложенная им реорганизация

приведет к успехам на фронтах?

За всю свою жизнь Троцкий не сказал и не написал ничего, что могло бы быть истолковано как клевета на евреев или как осуждение его предков. Его отвращение было нацелено на все "мелкобуржуазное". По-видимому, в душе он склонялся к отождествлению евреев с мелкой буржуазией, хотя прямо нигде об этом не сказал. "Нет более отвратительного существа, чем мелкий буржуа, занятый первичным накоплением," пишет Троцкий, и тут же, вспомнив о своем происхождении, добавляет: "от всего этого я оторвался мощным толчком, чтобы никогда не вернуться".

На партийной конференции в Харькове в 1923 году Троцкий говорит о том, что ему не посчастливилось, подобно другим борцам-коммунистам, родиться в рабочей семье, что он произошел из среды мелкобуржуазной, где физический труд был оторван от умственного и где делались попытки проложить детям путь к эксплуататорской карьере.⁴²

Презрение к мелкой буржуазии Троцкий, несомненно, заимствовал у Маркса. Троцкий неоднократно выражал мысль, что евреи в России, да, впрочем, и в других местах, лишь в исключительных случаях могут стать хорошими большевиками. В его противостоянии Бунду угадывается убеждение, что еврейские рабочие, в сущности, не пролетарии, скорее ремесленники, которые, приторговывая, сами причастны к эксплуатации. Далее, среди русского еврейства не могла развиваться подлинная классовая борьба, ибо представителей всех классов в нем сближало общее политическое бесправие. Евреи были как бы национальным люмпенпролетариатом. Попытки поднять их на классовую борьбу были искусственными. Конечно, существовала и еврейская буржуазия, но бедственное положение в черте оседлости было всеобщим, и богатые евреи не составляли там правящего класса, против которого страдающие массы могли бы направить свой гнев.

Более того, Троцкий всегда — и до, и после революции 1905 года — чувствовал, что пролетаризация еврейских рабочих идет скверно. Еврею неизменно как-то удается вернуться к своему привычному положению лавочника или посредника. Казалось, что еврейский средний класс так давно и так тесно связан с капитализмом, что его душа искривлена. Казалось, экономический закон пасовал перед психологическим стереоти-

пом. Уже в изгнании, в Мексике, Троцкий все еще сражается с этим призраком; он убежден, что "против возможного вливания в нашу партию мелкобуржуазных элементов, господствующих теперь в аппарате старой организации, необходимы строгие превентивные меры: удлиненный испытательный срок для тех кандидатов, кто не из рабочих".

В последний период своей жизни, организуя секции левой оппозиции в Европе и США, Троцкий столкнулся с особенно неподатливым элементом — с еврейским рабочим из мелкобуржуазной среды.

В 1930 году французские еврей-троцкисты писали Троцкому (он тогда находился в Турции), прося обрисовать их задачи. Его ответ они поместили в майском выпуске своего журнала "Клоркайт" под названием "Роль еврейских рабочих в общем рабочем движении во Франции". Ученики могли радоваться благосклонности патрона. Троцкий благодарил их за их письмо, давшее ему представление о еврейском рабочем движении в Западной Европе. Он рад оптимизму, которым дышат строки их письма и который несомненно свидетельствует о боевом духе их организации. Что до превращения "Клоркайта" в международный еврейский орган, то с этим ему пока не все ясно. Чем более "Клоркайт" будет международным, тем менее он сможет заниматься специальными политическими проблемами каждой отдельной страны. Главная задача еврейских рабочих во Франции, считает Троцкий, — участвовать в местном рабочем движении. Не следует чувствовать себя временными жителями страны, необходимо учить французский (т.е. как можно скорее отказаться от идиша). Вместе с тем преимущество еврейского рабочего в том, что ему присущ дух эмигранта, более подвижный и более восприимчивый к революционным идеям, чем дух оседлости. Троцкий предостерегает французских евреев от провинциального сепаратизма в духе Бунда, от неучастия в общепартийном рабочем движении.

Левая оппозиция во Франции действовала в рамках Коммунистической лиги, куда входила и упомянутая еврейская группа, вступившая в переписку с Троцким. В действиях этой группы Троцкий, в точном соответствии со своим всегдашним скептицизмом к еврейским коммунистам, быстро разочаровался. В письме от 22 декабря 1931 года к другим секциям Лиги Троцкий расценивает положение в Лиге как неудовлетворительное, которое,

к тому же, осложняется ужасной нерешительностью, ошибками и — что хуже всего — интригами лидеров еврейских групп. "Лиге не нужен балласт!" — писал Троцкий, явно намекая на евреев. — "Весь опыт рабочего движения и опыт Лиги в частности показывают, что интригами и махинациями, отравляющими жизнь организации и мешающими вступлению в нее рабочих, занимаются как раз те интеллектуалы и полуинтеллектуалы, которые творчески бесплодны и не любят засучивать рукава."

Еврейская группа поняла, о ком идет речь, отозвала своих представителей из исполкома Лиги и засучила рукава для острой полемики с учителем. Ответ Троцкого на "Заявление еврейской группы" от 15 января 1932 года еще раз демонстрирует его оценку особых черт еврейского рабочего и его понимание еврейского рабочего движения. Декларацию французских евреев он называет антикоммунистической, выход из Лиги — саботажем, дезертирством. Он отказывает в своем доверии тем, кто блокируется с дезертирами. Руководители еврейской группы Феликс и Милль скатились на беспринципный путь мелкобуржуазного политиканства. "Еврейская группа должна прекратить быть национальной еврейской фракцией внутри Лиги и стать органом Лиги для пропаганды на еврейском языке."

По той же схеме складываются отношения Троцкого с его последователями в США. Здесь тоже идиллию сменяют дрязги еврейских мелкобуржуазных элементов, группирующихся вокруг Лазаря Клинга и его идишистской газеты "Унзере Кампф".

В приветственном письме американским рабочим-евреям, напечатанном в "Унзере Кампф" 9 мая 1932 года, Троцкий излагает ту же программу, которую он внушал французским евреям. Он писал: "Еврейские рабочие в Соединенных Штатах составляют существенную часть пролетариата этой страны. Исторические условия сделали евреев восприимчивыми к идеям научного коммунизма. Самый факт рассеяния еврейских рабочих в ряде стран мира должен внушать и внушает им идеи интернационализма. Уже только поэтому левая коммунистическая оппозиция [т.е., собственно, троцкизм] имеет все основания рассчитывать на значительное влияние среди еврейских пролетариев в Соединенных Штатах. Левую оппозицию характеризует прежде всего ее международный характер. Именно поэтому ее представители должны говорить на национальном языке страны, где они живут и работают. Существование отдельной еврейской пе-

чати служит не отделению еврейских рабочих от рабочих других национальностей, а, наоборот, делает для них более доступными идеи, объединяющие всех рабочих в единую интернациональную семью. Насколько я вижу, вы [т.е. "Унзере Кампф" и ее читатели-троцкисты] решительно и бескомпромиссно отклоняете старый бундовский принцип федерации еврейских коммунистов в общенациональной организации. Еврейские рабочие, объединенные вашей газетой, должны бороться в общих рядах коммунистической Лиги и массовой организации американского пролетариата. По мере того как ваша газета, следуя этому пути, разовьется и окрепнет, она приобретет влияние за границами США и Канады: в Южной Америке, в Европе, в Палестине... В экономическом отношении и в отношении гражданских прав еврейские рабочие являются слабым звеном пролетариата. Политика бюрократизации Коминтерна ударила в первую очередь по наиболее бесправной части пролетариата: в Польше, в Прибалтике, во Франции, очевидно, и в Палестине."

Итак, к этому времени Троцкий уже признает, что еврейский пролетариат не только обладает неискоренимыми, с его точки зрения, недостатками, но и находится на особом положении во многих странах мира, включая Советский Союз, где антисемитизм при Сталине стал фактом. Еврейские рабочие — "наиболее слабое звено рабочего класса", на которое с особенной силой обрушились как удары врага (капитализма), так и центристского (сталинского) руководства. Последнее, разумеется, всего лишь неверная интерпретация марксистских принципов, которые сами по себе научно-безупречны. Что до Палестины, то здесь не совсем ясно, какому пролетариату — еврейскому или арабскому — сочувствует Троцкий и в чем он видит особенность положения этого пролетариата.

"Ваша газета," — заключает Троцкий свое письмо в "Унзере Кампф", — является органом Коммунистической лиги. Первая задача газеты — собрать еврейских рабочих в Америке под знамя Маркса и Ленина. Чем успешнее эта задача будет выполнена, тем скорее ваша газета приобретет международное значение, тем сильнее идеи левой оппозиции проникнут в среду еврейских рабочих Старого Света, включая СССР."

При расколе Социалистической рабочей партии США в 1939 году, в связи с формулировкой ее отношения к Советскому Союзу после заключения договора о ненападении между Сталиным

и Гитлером, опять, с некой неотвратимостью, всплыл еврейский вопрос. Троцкий, разумеется, не стоял в стороне от партийной полемики.

Остался ли Советский Союз государством рабочих после пакта Молотов-Риббентроп и, особенно, после раздела (с нацистами!) Польши, после нападения на Финляндию, интервенции в Прибалтику и Западную Украину? Троцкий не соневается: да, остался; он безоговорочно защищает СССР. Его точкой зрения и официальной линией его последователей становится тезис о "выродившемся государстве рабочих". Троцкий различает два аспекта идеологической борьбы коммунистов: против антисоветской бюрократии Сталина, как если бы Советскому Союзу не угрожала никакая внешняя опасность; и, одновременно, против мирового империализма, угрожающего поглотить государство рабочих, — как если бы Сталина не существовало. Однако уже ученики Троцкого часто затруднялись провести четкую грань между двумя сторонами этой остроумной концепции. Эту концепцию мучительно было прилагать к несомненно реакционной (ибо в ней — капитализм), но в то же время бедной и малонаселенной Финляндии, первому в истории финнов национальному государству, чем-то не угодившему красному медведю. Сам собою напрашивался вопрос: не вздор ли, в угоду отвлеченной теории, считать хищником слабого, защищающегося? Самая жизнь опровергала подход Троцкого, превратив его всего лишь в словесную игру.

Привлекательность подхода Троцкого была в его "дон-кихотстве" (по определению Макса Истмена), непривлекательность — в его противоречии здравому смыслу, реализму, истории, а стало быть — и материализму. Как ни влиятелен был Троцкий, это понимали и его последователи. Герш Мендль, в недавнем прошлом — один из ведущих троцкистов Польши, считал, что такой подход "граничит с абсурдом". Он обвинил Троцкого в непоследовательности в его борьбе против Сталина, в непонимании того, что сталинизм есть "попросту триумф контрреволюции". Мендль говорит о "психической инерции" и "политической шизофрении" Троцкого, отказывающегося порвать с Коминтерном, между тем как этот центр международного пролетариата сделался послушным орудием в руках Сталина, и тотчас поддакивает, когда Сталин называет Троцкого фашистом. К тому же разряду явлений относит Мендль и поддержку Троцким Ста-

лина против Бухарина, которого в Коминтерне клеймили за "правый уклонизм".

Троцкий ожесточенно отстаивал свою правоту. Возражая своим критикам, новым меньшевикам, образовавшим "фракцию меньшинства" в партии американских троцкистов, он возвращается к старой аргументации, за которой крылось его недоверие к еврейскому пролетариату. Троцкий клеймит "вульгарных мелкобуржуазных радикалов", "группу Аберна, Верна, Бэрнама, Шахтмана", — и поскольку среди названных им имен руководителей фракции меньшинства преобладают еврейские⁴³, то становится ясно, в каком контексте следует понимать брошенный им Троцким упрек в мелкобуржуазности.

Оппоненты Троцкого поняли ход его мысли и приняли вызов. Шахтман попросил Троцкого разъяснить, что тот имел в виду под "концентрацией мелкобуржуазных личностей" в партии. Троцкий тоже не испугался и назвал вещи своими именами. В статье "От царапины до гангрены" он, желая подчеркнуть и свою последовательность, и свою прозорливость, цитирует фрагменты своего письма лидеру американских троцкистов Джеймсу А. Кэннону от 10 октября 1937 года. Уже тогда его, Троцкого, беспокоил наплыв мелкобуржуазного элемента в партию; уже тогда он предостерегал: "В ваших рядах слишком много евреев-нерабочих. Они могут быть хорошей закваской, дрожжами, если партия сумеет извлечь их из их замкнутого мирка, через повседневную деятельность связать их с фабричными рабочими... Если мы всерьез установим такое общее направление, мы предупредим опасность того, что интеллектуалы и белые воротнички подавят рабочее меньшинство, заставят его молчать, превратят партию в этакий интеллигентский дискуссионный клуб, где рабочему нечего делать."⁴⁴

В 1940 году, продолжая ту же полемику, Троцкий с меньшей откровенностью пишет, что еще в 1937 году, хоть он и опасался тогда малосущественной фракции Абена, он считал необходимым "для очищения атмосферы в партии оторвать еврейский мелкобуржуазный элемент нью-йоркской парторганизации от привычной для этого элемента консервативной среды и растворить его в настоящем рабочем движении".

В ответной реплике, следовавшей из фракции меньшинства, упоминалась "клика с культом вождя" и "анти-нью-йоркская пропаганда, имеющая под собой нездоровые предрассудки".

Все понимали друг друга: большинство членов партии в Нью-Йорке были евреями.

Замечание о предрассудках взорвало Троцкого. "О каких предрассудках идет речь? Очевидно, об антисемитизме... Но вопрос о еврейских интеллектуалах и полуинтеллектуалах [?] в Нью-Йорке — это вопрос социальный, а не национальный. В Нью-Йорке достаточно еврейских рабочих, но фракция Абена состоит не из них. Мелкобуржуазность фракции сказалась в ее неспособности проложить дорогу к еврейским рабочим. Фракционеры довольны своей собственной средой."

Свои пророчества о вырождении нью-йоркской организации Троцкий подкрепляет примером из классического прошлого: "На 2-м съезде российских социал-демократов в 1903 году, когда произошел раскол между большевиками и меньшевиками, среди более чем сорока делегатов было лишь трое рабочих. Все трое пошли с большинством. Меньшевики глумились над Лениным, назвавшем этот факт симптоматическим. Сами меньшевики увидели в позиции этих трех рабочих лишь отсутствие зрелости. Но, как хорошо известно, прав оказался Ленин."

Полемика вокруг раскола среди американских троцкистов — поразительный пример искривления исторического пространства. Разглядывая ее, не в первый момент понимаешь, как тут распределены роли. Знакомые слова "культ вождя", "бюрократический аппарат", "мелкобуржуазный" произносятся иными лицами, в ином контексте. Не завернулась ли по ошибке жертва в плащ обвинителя, палача? Помнят ли те, кто произносит все эти расхожие штампы, о тех, кто произносил их прежде? догадываются ли о тех, кто произнесет их в недалеком будущем? Даже различие между национальным и социальным антисемитизмом было пущено в ход. Похоже, что долгая индоктринация с одинаковой силой въедается в кровь победителей и побежденных.

Так или иначе, но Троцкому далеко было до беспримесного интернационализма, всегда выставлявшегося им в качестве важнейшего и незыблемого принципа, — до естественной и бескомплексной позиции Ленина.

Г л а в а 9

ЕВРЕЙСКОЕ УЧАСТИЕ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Для многих Троцкий стал живым воплощением и символом еврейского участия в Октябрьской революции. Он был рядом с Лениным в критические минуты, определившие ход XX столетия. Некоторые наблюдатели полагают, что без Троцкого революция вообще могла бы не произойти.⁴⁵

Но любая добросовестная попытка оценить роль евреев в большевизме наталкивается на нешуточные трудности. Прежде всего, где взять критерии, приемлемые для многих? Например, кого считать евреем? Скажем, Каменев (Розенфельд), родившийся от русской матери, к тому же и крещеный, безусловно не будет евреем в глазах исповедующего иудаизм — и столь же безусловно он будет евреем в глазах русского националиста, считающего, что Россию погубили жидаы. Но это лишь две позиции. Русский националист умеренного толка возьмет за основу самооценку Каменева, который, как и Троцкий, совершенно искренне не считал себя евреем. "Среди большевиков нет евреев, есть лишь интернационалисты," — эту фразу (И. Бурцева) и различные ее вариации твердили десятки русских большевиков, родившихся евреями.⁴⁶ Что бы ни происходило в подсознании этих людей, — они не лгали, это была позиция, а не поза. Но есть еще и еврейские националисты, притом самых разных оттенков; крайне правый с отвращением отвернется от Троцкого, назовет его гоем; крайне левый — произнесет это имя с гордостью за свой народ. Что же выбрать? Быть может, определение еврейства по религии, принятое в царской России? Но оно явно недостаточно для наших целей, устарело. Исчисление долей еврейской крови в каждом встречном, кровавым образом внедренное в жизнь нацистами, тоже вряд ли подходит.

Приняв критерий Троцкого-Бурцева, мы тотчас признаем, что еврейское участие в революции было мизерным. Ведь лишь немногие из активных революционеров и советских деятелей первой пореволюционной поры не были большевиками (или социалистами-революционерами, которые в большинстве своем тоже,

конечно, руководствовались этим критерием). Наоборот, среди активнейших противников и врагов большевизма, во всех противостоявших большевикам партиях — от меньшевиков до конституционных демократов и октябристов (исключая лишь монархистов) — было множество евреев, притом часто на ведущих местах в партийной иерархии.

Наконец, и сами интернационалисты неоднородны: одни признают, а другие отрицают национальную психологию...

Будучи спрошен напрямую, Троцкий, конечно, ни в коем случае не поддержал бы мысли о неискоренимых, из рода в род передаваемых национальных чертах характера. Для него это был расизм. Станным образом, он, однако, говорит (и неоднократно) о "русской натуре" Ленина. "Ленин в высшей степени национален... Он глубоко укоренился в новой русской истории, усвоил ее, дал ей наиболее плодотворное выражение..."

Перед нами не столько ляпсус или оговорка, сколько еще одно свидетельство дуализма Троцкого. Повидимому, бывали минуты (слабости?), когда свое еврейство он все же, вопреки его отрицанию, не только чувствовал, но и противопоставлял "русскому духу" Ленина.

Вообще, говоря о Ленине, Троцкий много сообщает о себе. Вскоре после смерти Ленина он писал: "Чтобы осуществить такую беспримерную в истории народов революцию, как та, что происходит сейчас в России, нужно было сохранить неразрывную связь с силами народной души, связь, которая вырастает из самых глубоких корней... Ленин представлял русский рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его крестьянского прошлом, еще очень свежем. Этот человек, руководящая роль которого меньше всего оспаривается в рабочем классе, не только внешне напоминал крестьянина, но и имел много крестьянского в своей психологии. Перед Смольным институтом стоит памятник другому великому деятелю мирового пролетариата: Карлу Марксу, — в черном сюртуке, на скале... Маркс вырос на почве иной национальной культуры, жил в другой атмосфере..."

Последние слова Троцкий мог бы адресовать и себе. В известном смысле он был и остался чужим на той земле, где ро-

дился и прожил большую часть жизни. Интернационализм Троцкого часто фактически выражался в попытках не отличаться от русских. Сохранились воспоминания очевидца того, как Троцкий, уже нарком и председатель Реввоенсовета, выступал с речью перед солдатами на площади Св. Владимира в Киеве. Это было время наступления Деникина. Поразительно, что и как говорил Троцкий красноармейцам. Свой язык и свое красноречие (восхитившее многих) он стилизовал под русскую старину, использовал церковно-славянские обороты. "Враг не ступит на землю матушки-Руси!" — зывал нарком, хотя врагом был русский генерал, с не меньшим, чем Троцкий, правом претендовавший на матушку-Русь, собственно, и воевавший за нее одну, а не за абстрактные интернационалистические идеалы.

Приходится признать, что в чем-то неуловимом, но важном, идентификация с "коренным населением" России никогда до конца не удавалась Троцкому. Ораторское мастерство, материальное бескорыстие, жертвенность — все это приносило ему куда меньше популярности, чем можно было бы ожидать. Невидимое отчуждение оставалось. Не зря говорит Троцкий о народности Ленина: уступая Троцкому в красноречии, Ленин много превосходил его популярностью.

Сознавая преимущества, которые дает революционеру его близость к народу, Троцкий видел и преимущества, вытекающие для него из еврейского происхождения. Будучи во многих странах полуинностранцами, лишь частично затронутыми ассимиляцией, евреи, писал Троцкий, более восприимчивы к новому, критическому, революционному — как в политике, так и в литературе и искусстве. Новая радикальная тенденция кристаллизуется вокруг элементов более или менее отдаленных от национальной жизни страны, элементов, которым трудно проникнуть в массы."

Однако насчет своей личной популярности в русском народе Троцкий, вероятно, все же несколько обольщался — или, по крайней мере, хотел обольщаться. Он пишет в автобиографии, что "...в 'Архиве русской революции', издающемся в Берлине, автор-белогвардеец рассказывает следующий красочный эпизод: 'Заехавший к нам повидаться казак, кем-то умышленно уязвленный тем, что он ныне служит и идет на бой под командой жиды Троцкого, горячо и убежденно возразил: ничего подобного! Троцкий не жид. Троцкий боевой. Он наш — русский! Вот Ленин,

тот коммунист, жид, а Троцкий наш — боевой — русский — наш!” Сходный мотив Троцкий отмечает и в одном из рассказов Исаака Бабеля, которого, между прочим, он называет “самым способным из наших молодых писателей”.⁴⁸

В смысле национальной принадлежности Троцкого и Ленина, случалось, “путали”, меняли местами в период гражданской войны — но лишь в провинции, где не видели и не слышали лично ни того, ни другого. Видевшие и слышавшие — не ошибались. Типичное для той поры отношение к этим двум фигурам в среде, сочувствующей революции, но непричастной к ней, фиксирует Макс Истмен. На его вопрос, что он думает о Ленине и Троцком, один русский инженер ответил Истмену: “Ленина мы можем признать, он русский и говорит от имени русских. Троцкий еврей, а евреи — всегда за евреев.”

Не один Троцкий заметил, что евреи служат ферментом международной революции. Б.Д.Вольф, например, подчеркивает, что еврей-революционеры, эмигрировавшие из России (в качестве примера он называет Парвуса, Троцкого, Анжелику Балабанову и Розу Люксембург), чувствовали себя как дома в партиях других стран. Он пишет: “Было нечто в их наследственности, а также в их темпераменте и взглядах, отчего они не становились вполне русскими или поляками, в большей мере были европейцами, инстинктивнее и радикальнее принадлежали революционному интернационалу, чем другие эмигранты.”

Аннулирование Сталиным (в 1932 году) советского подданства Троцкого кажется нам символическим. Этот противник Сталина никогда не верил в построение социализма в отдельно взятой стране, а самого себя всегда считал гражданином мира, космополитом. Слово “космополит” имеет в России особый смысл и оттенок. Вместо воодушевления, с которым его произносят интеллектуалы стран европейской цивилизации, оно вызывает там память о травле, расстрелах и лишь смертью Сталина предотвращенной массовой высылке евреев в Сибирь.

Евреев издавна рассматривают как космополитов, а начиная с конца XIX века высказывания о их космополитизме делаются общим местом многих авторов. Известный специалист по Древнему Риму, немецкий историк Теодор Моммзен пишет о евреях: “...этот замечательный народ, плодовитый и упорный, как в древнем, так и в современном мире, повсюду чувствовал и чувствует себя дома, повсюду — и нигде — мощно обна-

руживает свое влияние... Еще в древнем мире иудаизм был эффективной закваской космополитизма и национального разложения.” В том же роде пишет и Д.Бернард Шоу. Для него Макс Нордау — ”один из замечательных еврейских космополитов”, который ”привык к революционному космополитическому климату, как всякий еврей”: ведь ”от Моисея до Маркса и Лассаля евреи вдохновляли все революции”.

В России конца 1940-х годов слово ”космополит” становится эвфемизмом слова ”жид”. Победившая нацистов держава неожиданно, словно бы от трупного яда, поголовно заражается антисемитизмом побежденных. В эти годы СССР — единственная страна в мире, где антисемитизм — последовательно планируемая государственная политика, к тому же опирающаяся на широчайшую поддержку масс. Однако номинальный интернационализм советского строя не позволял назвать наваждение своим именем, — и тогда придумали ”безродных космополитов”. Обвинение в убийстве было куда менее страшным в 1948—1952 годах, чем обвинение в космополитизме; уголовник был социально близок пролетарскому государству; это был блудный сын, а не враг. По сей день все советские энциклопедии определяют космополитизм как реакционную буржуазную *идеологию*, проповедующую отказ от национальных традиций и культур, безразличие к родине, отрицающую патриотизм и национальный суверенитет, служащую целям стран, добивающихся мирового господства. Как это ни странно, для многих русских, задетых в своем национальном чувстве традиционным обилием инородцев в русской культуре, за этими словами и сейчас вырисовывается злоевающая фигура еврея с его жидо-масонским заговором против человечества.

Те же советские энциклопедии противопоставляют космополитизму пролетарский интернационализм, который, как это хорошо известно из других источников, был выработан при живейшем участии евреев и едва ли не на основе их тысячелетнего опыта жизни в рассеянии (где, между прочим, они не утратили национальных традиций и культуры, не обнаружили безразличия к насильственно отобранной у них родине).

Объяснение этого русско-советского клубка противоречий нужно, по нашему мнению, искать в русских национальных проблемах. Для нас же важно, что антисемитизм, едва ли хоть в чем-либо пошедший впрок русскому народу, служил неопределимым

и безотказным инструментом Сталину в его борьбе за власть — и был впервые использован Сталиным именно в его борьбе против Троцкого.

Для современного русского, воспитанного в советском изоляционизме, кажется поразительным и необъяснимым, что выгнанный из России Троцкий словно бы не замечает смены стран и материков под своими подошвами, не меняет ни строя мыслей, ни даже фразеологии. Вместо вздохов о березках и звуках родной русской речи он всецело поглощен своей борьбой за какие-то абстрактные идеи, — конечно, он — “безродный космополит”.

Но сам Троцкий, во всяком случае, в начале жизни, дорожил своей связью с Россией. В годы первой мировой войны он никогда не был излишне активен среди социалистов стран, где он жил, всюду чувствовал себя русским эмигрантом. Лишь после изгнания из СССР, понимая, что возврата быть не может, он и в самом деле становится космополитом.

Мнение о будто бы врожденной революционности евреев подтверждает мысль о важной, даже преобладающей роли евреев в большевистской революции. Этому мнению держался не только Бернард Шоу. Немецко-еврейский писатель Яков Вассерман полагает, что евреи всегда и всюду были якобинцами своего времени, что они одержимы и воодушевляемы “лихорадкой справедливости”. Он пишет: “Каждый случай отрицания общепринятого, каждое потрясение, каждый социальный вызов видел и видит евреев на передней линии. Всюду, где предъявляются безапелляционные требования, где идет основательная чистка, где мысль об изменении государственного строя проводится с яростным рвением, — евреи были и остаются в положении лидеров.”

Максим Горький тоже считал евреев чем-то вроде дрожжей человеческого прогресса, видел в них возбудителей благородных мыслей, лидеров в борьбе за лучшее. О размерах еврейского участия в революции он высказался в том смысле, что евреи играли в революции не большую роль, чем должны были играть исходя из степени их угнетения царизмом.

Но нет нехватки и в высказываниях другого рода. Многие просто оспаривают врожденное еврейское тяготение к радикализму, относят проявления радикализма к тем политическим системам, где к евреям установилось особенно враждебное отношение. Другие (как, например, известный историк христианст-

ва Жозеф Ренан) говорят, что в еврействе вообще ярко выражены крайности.

Но в большинстве местностей земли, где традиционно преобладают консервативные настроения (Германия, Восточная Европа, Англия), антисемитизм тоже традиционен, живет из поколения в поколение, — и там связь между евреями и большевиками народ устанавливал спонтанно, не опираясь на мнения писателей и историков. Мифологический туман в этом вопросе окутывает умы и по сей день.

В начале 1920-х годов об "опасности еврейского большевизма" много писали на Британских островах. Особенно усердствовали консерваторы: газеты "Morning Post", "Daily Mail", "Times". Более низкопробная печать вспомнила "Протоколы сионских мудрецов", всерьез обсуждала все те же еврейские претензии на мировое господство.

Большевизм связывали здесь с еврейским национально-освободительным движением и даже с сионизмом. Последнее обнаружилось во время парламентских дебатов о предоставлении Пинхасу Рутенбергу концессии на электрификацию Палестины. Рутенберг был в свое время членом русской партии социалистов-революционеров (с.-р.), и как раз в канун большевистской революции Керенский поручил ему навести порядок в Петербурге. В палате общин Рутенберга называли сионистом-большевиком. От этого вздорного обвинения защищал его в палате не кто-нибудь, а сам Уинстон Черчилль, тогда министр колоний. "Нет ничего менее правдоподобного," скаазл он, — "чем большевизм Рутенберга. Мне известно, что в качестве чиновника Временного правительства Рутенберг рекомендовал Керенскому повесить Ленина и Троцкого и был при этом вполне последователен."⁴⁹

Большевизм понимался также как еврейское восстание против русских и христиан. Редактор "Times" Генри Стид писал: "Еврейский фанатизм соединился с антирусскими силами до войны и в ее первые годы... Большевизм, в значительной степени еврейский как в своей доктрине, так и по своему личному составу, свалил Российскую империю и русскую православную церковь. Евреи торжествовали, и это было не только торжество над угнетателем: в нем чувствовалась радость низвержения враждебных религиозных и полурелигиозных учреждений."

Хотя коммунизм, по видимости, требовал экспроприации эк-

спроприаторов и чуть ли не физического уничтожения богачей, представление о еврейском капитале, стоящем за большевиками, держалось десятилетиями. По словам Троцкого, нацист Людендорф писал в своей газете: "...Троцкий прибыл в Петербург из Америки, снабженный большими деньгами мировых капиталистов. Другие деньги притекли к большевикам от еврея Сольмсена из Германии."

Большинство неподвзятых исследователей склоняется к тому, что количественное участие евреев в русских революционных партиях всегда было невелико. Например, к восстанию декабристов был косвенно причастен лишь один еврей, Григорий Перетц, к этому времени уже крестившийся. В списке "Земли и воли" в момент ее основания (1862) значилось одно-единственное еврейское имя, среди руководителей — ни одного. К покушению на жизнь Александра II в 1866 году евреи непричастны. Особняком стоит лишь Бунд, положивший начало российской социал-демократии: там евреями были все поголовно, — но ведь это и была еврейская партия.

При оценке же качественного участия мнения резко расходятся. Многие (например, Давид Шуб) убеждены, что евреи не оказали существенного влияния на революционный процесс в России. Даже там, где процентное участие евреев было высоким, их вклад в идеологию был очень мал. Евреи отличались как активисты, организаторы, пропагандисты, толкователи и разносчики идей. В идеологии же заправляли великороссы: Бакунин, Лавров, Плеханов, Ленин.

В "Народной воле" еврейское участие уже ощутимо (впрочем, не более чем ощутимо). Притягательность для евреев народничества — вещь загадочная для наблюдателя конца XX века; в наше время полагают, что народничество исходило из мистики славянского национализма. Но на смену деревенскому народничеству пришел городской социализм (марксизм), и тут отклик евреев (как наиболее угнетенного и наиболее городского народа России) был естественен и соразмерен.

Участие евреев в социалистических движениях резко возрастает после погромов 1881—1882 годов. Бунд был основан в 1897 году; в 1898 году он вошел во вновь образованную РСДРП, сразу же став ее важной составляющей. В период наибольшего влияния Бунда, в 1905 году, число его членов достигало 34 тысяч человек.

Замётны были евреи и в партии социалистов-революционеров. Среди ее основателей были Михаил Гоц и знаменитый своей отвагой подпольщик и террорист Григорий Гершуни. Вообще, среди террористов и экстремистов пропорциональное представительство евреев было особенно велико. Евреи брались за самые опасные предприятия и словно искали смерти. Если допустимо возводить эти качества к национальному характеру евреев, к идеализму и максимализму, воспитанным иудаизмом, то придется отметить и то, что с наибольшей полнотой эти качества проявились не в рядах партии большевиков, а как раз у эсеров; когда же (левые) эсеры стали блокироваться с большевиками в 1917 году (и вошли во второе советское правительство), евреи уже составляли совсем незначительную часть в левом крыле этой расколовшейся партии.

Сами революционеры не закрывали глаза на то, что начальный импульс социалистических движений исходил в России от евреев и что евреев очень много в их среде. В 1905 году Ленин говорил в Цюрихе, что евреи дали особенно высокий относительный процент руководителей революционного движения, количество интернационалистов среди них сравнительно высоко, и все это должно быть поставлено им в заслугу. По его же оценке, на 2-м съезде РСДРП (1903) было примерно двадцать пять делегатов-евреев, при общем числе делегатов меньшем пятидесяти (по современным советским источникам всего на съезде было 43 делегата, но с 51 голосом). В дальнейшем процентное участие евреев в радикальных партиях монотонно снижается.

Официальной статистики, фиксирующей число участников революционных движений и их дифференциацию по национальностям, конечно, не существовало. Косвенным показателем может служить число арестов и судов над политическими. Такая статистика велась полицией, и число евреев в ней учитывалось. Например, из 7796 человек, которым в 1901—1902 годах предъявлено было политическое обвинение, 2269 человек (29.1%) были евреями. По заключению полиции, такое представительство в 6 раз превосходило ожидаемое исходя из численности евреев в России. Правда, в этот период русское крестьянство, составлявшее 71% от общего населения России, было еще относительно неподвижным: число политических из крестьян не превышало 9%. Как раз с 1902 года картина меняется; крестьяне начинают втягиваться в революцию.

Другим официальным отчетом, на который можно косвенно опереться, является список политических ссыльных, составленный в 1905 году в Сибири генералом Сухановым. Из 4526 ссыльных в этом списке русских было 1898, евреев 1676, поляков 624, кавказцев 124, прибалтийцев и прочих 85. Итак, при 4% от общего населения страны евреи составляли тогда более 37% ссыльных.

Первые страницы истории социалистических движений в России, действительно, пестрят именами евреев (часто прикрытыми более благозвучными для русского уха псевдонимами). У самых истоков маячат фигуры Павла Аксельрода и Льва Дейча, основателей "Освобождения труда". Затем следуют Ю. Мартов (Цедербаум), Ю. Стеклов (Нахамкис), А. Кремер, Д. Рязанов (Гольденбах), и еще многие и многие. Все это были яркие личности, запомнившиеся современникам. Даже имена Плеханова, Потресова, Засулич, Ленина — по временам теряются между ними.

Табл. I

Национальный состав 5-го (Лондонского) съезда РСДРП
(в скобках дано процентное распределение евреев по фракциям)

	Больше- вики	Меньше- вики	Бунд	Поляки	Латыши	Прочие	Всего
Русские	82	33	-	3	-	1	119
Евреи	12 (11.4)	22 (22.9)	57 (100)	4 (9.1)	-	3 (75)	98 (29.2)
Поляки	1	2	35	-	-	38	
Латыши	1	-	-	-	29	-	30
Грузины	3	28	-	-	-	-	31
Украинцы	1	6	-	-	-	-	7
Армяне	2	1	-	-	-	-	3
Эстонцы	1	1	-	-	-	-	2
Немцы	-	1	-	-	-	-	1
Финны	1	-	-	-	-	-	1
Татары	1	-	-	-	-	-	1
Осетины	-	1	-	-	-	-	1
Греки	-	1	-	-	-	-	1
Литовцы	-	-	-	1	-	-	1

Начиная с 5-го (Лондонского, май 1907) съезда социал-демократы тоже начинают интересоваться правильной статистикой. Это был последний объединенный съезд РСДРП. Присутствовало около 350 делегатов (точное их число спорно по сей день: мандатная комиссия съезда запутала этот вопрос, буквально до конца съезда медля с утверждением некоторых делегатов; по советским данным присутствовало 342 делегата). Из Табл. I (в ней учтено 335 делегатов) видно, что почти треть делегатов были евреи, а среди них большая часть приходится на Бунд и меньшевиков. (В скобках дано процентное распределение евреев по вертикали, т.е. внутри фракций и от общего числа делегатов.)

Данные Табл. I заимствованы из отчета съезда и базируются на прямом опросе делегатов. Евреев в ней 98 из 335, или 29.1%. Их, по всей видимости, окажется больше, если взять за основу расовый критерий. Многие из выкрестов во втором поколении не считали себя евреями. Можно допустить, что кто-то просто пожелал утаить свое происхождение, — среди евреев процент таковых в любой выборке оказывается традиционно выше, чем среди других русских национальных меньшинств. Есть и прямое указание на это в воспоминаниях делегатов Бунда, отмечающих, что среди польских социалистов было много бывших бундовцев, при опросе назвавших себя поляками. Не совсем ясно, кем назвала себя при опросе Роза Люксембург, не только не считавшая себя еврейкой, но и позволившая себе на съезде выпад, который многие расценили как антисемитский. ("Абрамович [лидер Бунда] и иже с ним принадлежат к тем, кто спекулирует на повышении и понижении цен на сахар", несколько не к месту сказала эта представительница немецких и польских марксистов. Ей не дали продолжать. При посредничестве Горького, присутствовавшего на заседании, инцидент был сглажен, и реплика Люксембург не попала в протокол.)

Табл. II. Распределение делегатов 5-го (Лондонского) съезда по фракциям и национальным организациям

Большевики	105
Меньшевики	96
Бундовцы	57
Польская с.-д. партия	44
Латышская с.-д. партия	29
Прочие	4
Всего	335

Любопытный и не слишком известный эпизод, которым завершился Лондонский съезд, проливает свет на толки о еврейском капитале, якобы стоявшем за большевиками. Съезд обошелся в 100000 рублей, что сильно превысило смету, — делегатам не на что было возвращаться в Россию. Лев Дейч сумел получить заем в сумме 1700 фунтов стерлингов от Иосифа Фельса, американского "мыльного миллионера" либеральных взглядов. При всей симпатии к русским революционерам, Фельс потребовал и получил от съезда расписку следующего содержания: "Мы, нижеподписавшиеся делегаты съезда, настоящим заверяем господина Иосифа Фельса от имени РСДРП, что 1700 стерлингов, великодушно предоставленные им в качестве беспроцентной ссуды делегатам съезда, будут возвращены ему до 1 января 1908 года." Не ясно, какой фракции РСДРП симпатизировал Фельс, но деньги действительно были возвращены ему большевиками — однако лишь после их прихода к власти в 1917 году.

Год 1912 стал годом полного размежевания между большевиками и меньшевиками. На Шестой (Пражской, "имевшей значение съезда", как подчеркивают советские справочники) конференции РСДРП Ленин собрал лишь своих приверженцев и полностью доминировал. Не присутствовавшие в Праге меньшевики-ликвидаторы (т.е. сторонники легальной борьбы) были "исключены из партии". Экстремизм, подполье, авторитарная пирамида "демократического централизма" были закреплены как большевистская норма. В ЦК РСДРП(б) вошло 9 человек, из них лишь два еврея: Зиновьев и некто Шварцман из Вильно, мало известный в русской социал-демократии как до, так и после Праги.

Примерно в это же время Троцкий, живший в Вене, пытался объединить вокруг себя социалистов более умеренного толка в так называемом августовском блоке: меньшевиков, бундовцев и других "оппортунистов и ликвидаторов". В этом зыбком объединении, распавшемся в 1914 году, евреи были заметнее, чем на Пражской конференции.

Говоря о важности еврейского участия в двух основных направлениях российской социал-демократии, мы опять сталкиваемся с отсутствием ясных критериев. Заметим сначала, что многие мыслители, как русские, так и западные, видят в большевизме естественное развитие исконно русской государственности, притом демократическое — но не в европейском понимании демократии. Народность власти в России не связана неотъем-

лемо со свободой личности, как в Европе; соборность, "мир", община всегда несколько принижали в этой стране человеческую индивидуальность. Но понятие о суверенной природе личности, выработанное христианской культурой, восходит к основным положениям иудаизма. К ним же восходит и еврейский социализм. Именно поэтому большинство еврейских социалистов склонялись в начале XX века к умеренному крылу движения. Можно даже заметить, что чем ближе были эти социалисты к еврейской традиции, тем умереннее были их представления о дозе насилия, допустимой при построении нового общества. Например, для Бунда всегда оставалась неприемлемой армейская концепция централизма в партии, повиновение младших (по иерархии) старшим не во имя здравого смысла, а в силу партийной дисциплины. Если принять концепцию о национальной природе большевизма, то неудачливость меньшевиков, с которыми после раскола в 1903 году пошли в своем большинстве евреи, становится совершенно понятной: они просто не соответствовали национальному духу. Обилие инородцев (евреев и грузин) в их рядах подспудно — т.е. самым убедительным образом — подтверждало это несоответствие в глазах русских. Что до евреев-революционеров, то они — как в свете этой концепции, так и без нее, — на самом деле оказываются в своем большинстве столько же возбудителями большевистской революции, сколько и ее жертвами.

Попробуем рассмотреть позицию Троцкого в свете представления о национальной природе большевизма. После раскола 1903 года Троцкий, как известно, тяготел к меньшевикам и лишь в августе 1917 года примкнул к большевикам. Этот итог не так уж неожиданен: расходясь с большевиками в вопросах организационных и философских, Троцкий был внутренне всегда близок к ним по идеологии и, самое главное, по темпераменту. Однако в промежутке между 1903 и 1917 годами Троцкий и Ленин беспрерывно спорят, даже ругаются друг с другом. В СССР каждый школьник знает, что Троцкий — Иудушка: так назвал его Ленин. Гораздо менее известно, что обмен эпитетами был обоюдострым.

Троцкий обладал злым, язвительным языком. После смерти Ленина, когда между его последователями шла борьба за оставленное им наследство, Троцкий называл себя ленинцем, беспрестанно апеллировал к памяти покойного. Совсем не то было до октября 1917 года. Лидера большевиков он считал пародией на

Робеспьера, окрестил его Максимилианом Лениным, "тусклой карикатурой трагического упрямства яacobинцев". В своей брошюре "Наши политические задачи", имевшей широчайший отклик в русских революционных кругах и по сей день являющейся классикой троцкистов, он произносит слова поистинне пророческие. Из ленинских методов, пишет он, логически вытекает ситуация, когда "партия заменяется партийной организацией, партийная организация — центральным комитетом, и, наконец, центральный комитет — диктатором". Диктатуру пролетариата, пишет Троцкий, сменит диктатура над пролетариатом. Троцкий предсказывает террор, который проложит дорогу "термидорианцам социалистического оппортунизма". "Мелочная и отталкивающая подозрительность Ленина" не годится для воспитания и убеждения масс и прямо ведет к гильотине. Яcobинцы-большевики обвинят в умеренности все международное пролетарское движение, и "львиная голова Маркса первой падет под ножом гильотины".

Но все же Ленин был полемистом более острым и бил больнее. В споре, где отстаивается престиж и ведется борьба за влияние, важны не аргументы, а выпады, и тут уж не до корректности. Не случайно всем запомнились не слова Ленина о помпезности Троцкого (справедливые по меньшей мере отчасти), не обвинения в авантюризме и, одновременно, в недостатке оригинальности, а прозвище — *Иудушка* Троцкий. Заимствованное из Салтыкова-Щедрина, из его романа "Господа Головлевы", это прозвище не несет в себе, на первый взгляд, прямого антисемитизма, особенно для русского читателя, воспитанного на классике XIX века, — ведь персонаж романа Иудушка Головлев был русским. Однако таков лишь первый взгляд. В романе Иудушка — тоже не имя, а прозвище Головлева, полученное им за качества, которые веками ассоциируются у христиан с евреями. Ленин, конечно, был искренним интернационалистом, и прямого, обнаженного антисемитизма не проявил бы сам и ни в ком не потерпел бы. Однако Троцкого ему нужно было во что бы то ни стало победить в споре — и Ленин прибегает к приему сомнительному и, при ближайшем рассмотрении, абсолютно некорректному с точки зрения его же собственной идеологии и морали, — к приему, который не только указывает на какое-то неясное непосвященным предательство Троцкого, но сам густо отдает предательством: привлекает внимание к происхождению Троцко-

го. Не чувствовать антисемитского привкуса в этом Ленин не мог. Другое дело, что он, в то время безвестный утопист и визионер, не мог и предвидеть значения своих поспешных слов, не мог вообразить, что его слова, в том числе и случайные, оброненные в пылу спора, вскоре надолго заслонят от русской читающей публики не только "Господ Головлевых", но вообще всю русскую классическую литературу.

Любопытно, что сам Троцкий настолько верил в чистоту ленинского интернационализма, что и в конце жизни не хотел видеть в этом выпаде ничего антисемитского. Не понимал он, по видимому, и того, в какой мере русским был выпад Ленина и каким образом он, сделавшись знаменитым, преломился в сознании русских. Вслед изгнанному Троцкому в СССР была выпущена брошюра под знаменательным названием "Предатель Троцкий". Она начиналась словами: "Ленин назвал Троцкого Иудой и неоднократно советовал остерегаться его." Здесь уже оттенки смыслов не так тонки: помимо ненависти к Троцкому в этой фразе содержится прямое погромное подстрекательство.

Троцкий же во всей это истории видит лишь то, что сталинские приспешники извращают Ленина. Когда в 1937 году он был спрошен, что тут правда, он ответил: "Да, по видимому в 1911 году Ленин написал нечто в этом роде, но имя Иуда — подставка. В одном русском романе действует персонаж по имени Иудушка — этим иносказательным именем Ленин и воспользовался в нашей полемике. Спор был не по-товарищески острым. Но в словах Ленина нет отсылки к Иуде Искариоту."

Та легкость, с которой ленинские слова "Иудушка Троцкий" превратились в штамп, та живость, с которой они разошлись, утвердились в сталинской антисемитской кампании, — тоже, хоть и с другой стороны, подводят к раздумьям о национальной природе большевизма. Народ откликнулся на этот штамп с какой-то даже излишней готовностью. Поэт Демьян Бедный (о котором Ленин говорил, что он следует за толпой, а не предшествует ей) задушевно выразил общее ликование по поводу поражения Иудушки Троцкого, — того самого Троцкого, который еще совсем недавно хвалил Бедного, писал, что Бедный "больше любого другого заслуживает право называться поэтом революционной России".

Некоторые историки (преимущественно еврейские, но также и антисемитские) делали попытки подсчитать число евреев

в руководстве большевистской партии. Итоги подсчетов разно- речивы и неточны. Например, Леонард Шапиро сообщает, что сре- ди 171 делегата 6-го съезда, заполнивших вопросники, русских оказалось 92, а евреев — 29; однако тут же выясняется, что статистика неполна: всего на съезде присутствовало 264 деле- гата; если те 93 делегата, чья национальность не установле- на, не были евреями, доля еврейских делегатов тотчас упадет с 17% до 11%; если же (допустим) все они были евреями — доля эта поднимется до 46%.

Другие попытки основаны на анализе биографических данных ведущих деятелей революционного движения и первых лет совет- ской власти. На базе советских источников выделяют группу примерно в 250 человек. Оказывается, что чуть ли не три чет- верти из них были нерусского происхождения, причем на выход- цев из евреев приходится более 16%, а на немцев — 6%. Преоб- ладают представители средних классов угнетенных меньшинств, национальных и религиозных. Таким образом, количество евре- ев в руководстве строителей нового мира если и не подтверж- дает мысль о том, что Октябрьская революция — часть еврей- ского заговора против России и человечества, то, пожалуй, однозначно и не противоречит ему; 16% руководителей, делегиро- ванные менее чем 4% населения, — тут есть о чем задуматься.

Совершенно иная картина получается, едва мы спускаемся по партийной иерархической лестнице ниже этих 250 человек, представляющих первые два эшелона власти. Процент евреев среди рядовых членов большевистской партии был лишь немно- гим выше их процента в многонациональном населении страны. В Красной Армии (на июль 1922 года) было лишь 1.9% евреев. Лозунг "евреи изобрели коммунизм" — лозунг белогвардейцев и крестьянских атаманов — казался правдой благодаря Троцкому, основателю и главнокомандующему Красной Армией, да еще двум десяткам ярких и деятельных евреев во главе нового режима.

Большевизм не был еврейским движением; еврейское тече- ние в большевизме (евсекция), почти сплошь представленное выходцами из Бунда, было служебным и мимолетным; сам боль- шевизм ликвидировал его за ненадобностью. Сколь бы заметную роль ни играли отдельные еврейские лидеры в Октябрьской ре- волюции и гражданской войне, в массе своей евреи отнеслись к новому режиму скептически — просто потому, что сама рабо- че-крестьянская власть, возникшая на штыках кронштадтских

матросов, питерских рабочих и солдат, скептически приняла народ мелких торговцев и лавочников, каковым на 80% были к 1917 году русские евреи.

Большевики отдавали (как потом выяснилось, лишь на словах) землю крестьянам и заводы рабочим. Евреи в своей массе не были ни крестьянами, ни промышленными рабочими, среди них преобладали собственники, иной раз бывшие не богаче рабочих и крестьян, но дорожившие своей независимостью. Национализации и пресечение всякой частной инициативы ударили по евреям больше, чем по другим народам империи, попросту выбили почву из-под ног десятков тысяч людей.

Духовное противостояние режиму было не слабее экономического. Интернационализм был приемлем лишь для очень немногих евреев. Национальная консолидация евреев имела тысячелетнюю традицию, выдержала жесточайшие гонения и не могла распасться вдруг. В глазах людей старших поколений она значила несравненно больше, была гораздо большей реальностью, чем модное поветрие интернационализма, соблазнительное для молодых. Еврейство в целом дорожило национальными традициями и институциями, не хотело и не могло ими поступиться.

Именно поэтому евсекция, чьей задачей и идеей был "самороспуск" еврейства, столкнулась с трудностями почти непреодолимыми. Один из делегатов на ее первой конференции (Москва, октябрь 1918) даже сказал, что широкие еврейские массы до сих пор склоняются в сторону контрреволюции — так он определил культурную и религиозную традицию своего народа.

Тем более бросались в глаза евреи на видных позициях в большевистском движении и государстве. Они были заметны как раз потому, что прежде их никогда не было в России вблизи кормила власти. Руководство Советской России словно бы иллюстрировало свои интернационалистические лозунги, выдвигая представителей национальных меньшинств на руководящие посты. И, конечно, заметнее всех из них наверху был Троцкий; по замечанию историка И. Черикова, "он перевешивал все".

Феномен непропорционального представительства национальных меньшинств в революции интересовал Троцкого. В своей работе "История русской революции" он писал о том, что реакционеры всячески подчеркивали преобладание в исполкоме Петроградского совета евреев, грузин, латышей и поляков, — между тем они там численно вовсе не преобладали, а лишь бросались

в глаза в президиуме, были в числе лучших ораторов, в числе самых активных членов рабочих комиссий и т.п. Ничего удивительного, пишет Троцкий, в этом нет: более угнетенный — более активен во время революции. В критические моменты истории народ всегда заставляет служить себе тех, кто вчера нес на себе большой груз. Не чужаки руководят революцией, а революция использует чужаков.

Невозможно отстранить впечатление, что здесь Троцкий говорит о евреях. Грузины, латыши и поляки принадлежали России вместе со своими историческими территориями. Видеть в них чужаков было почти то же, что допустить возможность суверенитета завоеванных Россией стран. Подлинными чужаками и чуть ли не иностранцами были евреи, от которых, казалось, Россия не получила ничего кроме неприятностей, — они и были заметнее всех в большевизме.

Консервативные настроения евреев в первую фазу большевистской революции наглядно выразились в распределении мест в их представительном органе, Еврейской национальной ассамблее, созыв которой разрешило "буржуазно-националистическое" правительство независимой Украинской народной республики. Это правительство (сначала во главе с В.К.Винниченко, затем — с С.В.Петлюрой) существовало с ноября 1918 года по ноябрь 1920 года. Сразу же по провозглашении независимой Украины, в ноябре 1918 года, была избрана и еврейская ассамблея. Состав ассамблеи показан в Табл. III.

Таблица III

Партийное представительство в Еврейской ассамблее УНР

Партия	Процент голосов	Число делегатов
Сионисты (общие)	33.6	42
Ахдут (религиозная партия)	15.2	19
Фолькспартай	3.2	4
Цэирей Цион	11.2	14
Бунд	18.4	23
Фарейнигтэ социал-партай	9.6	12
Поалей Цион	8.8	11
	100	125

Первые три партии в Табл. III были, по большевистской терминологии, буржуазными; на них приходится 52% голосов. Три последние партии были социалистического, но не большевистского толка; за них было отдано 36.8% голосов. Партия Цэирей Цион, получившая 11.2% голосов, была мостом между правым и умеренно левым лагерем.

Так было в бывшей черте оседлости, на Украине. В великорусских городах выборы 1918 года в еврейских общинах показали еще большее преобладание либеральных ("буржуазных") партий: примерно 63% — против примерно 31% голосов, поданных за еврейские социалистические партии.

Итак, в первую пореволюционную пору, когда голосование было еще свободным, евреи, продолжавшие считать себя евреями, не обнаружили никакого политического радикализма. Разумеется, их соплеменники-интернационалисты, порвавшие с еврейством, в этих выборах не участвовали.

Пресловутая солидарность евреев с большевиками есть лишь выражение того факта, что для умеренных, религиозных и националистически настроенных евреев большевики были наименьшим злом. Это становится очевидно в 1919 году, поворотном году гражданской войны. Антисемитизм белых заявлял о себе все более несомненным, все более жестоким образом. В борьбе с большевиками белые открыто играли на стихийном антисемитизме населения, особенно крестьян. Еврейские комиссары, еврейское засилье — вот с чем мы воюем, говорили они. Все это находило отклик у озлобленной, измотанной гражданскими смутами черни. Человеческая жизнь в годы гражданской войны стоила недорого; погромы становятся делом рутинным и оттого особенно кровавым. Петлюре приписывают реплику о том, что погромы служат повышению боевого духа солдат, сражающихся против большевиков. Характерно, что советская историография, полностью замалчивая "свои" погромы, лишь вскользь говорит и о погромах, устроенных белогвардейцами. Ни выпускник советской школы, ни студент, прослушавший университетский курс истории гражданской войны, как правило, ничего не знают о еврейской крови, пролитой в эти годы. Десятки тысяч убитых ради забавы — забыты, вспоминать о них не принято.

Интернационализм раннего большевизма не был риторической фигурой. Красная Армия, несвободная от антисемитизма и сама запятнавшая себя несколькими (тут же подавленными изнутри)

погромами, решительно клала конец погромам белогвардейским. Там, где советская власть устанавливалась, погромов не было. Одного этого довольно, чтобы объяснить и оправдать предпочтение, оказанное евреями большевикам.

В столичных городах евреям, жадным до интеллектуальных занятий, большевистский режим открыл позиции, некогда безраздельно принадлежавшие русским привилегированным классам, формировавшим интеллигенцию, теперь частично отстраненную по социальной неблагонадежности, частично же истребленную или эмигрировавшую. Евреи стали заметны и здесь, дав анти-семитам еще один аргумент в пользу еврейской природы большевизма.

В деревнях — знаменитая продразверстка, насильственное изымание хлеба у крестьян, жесточайшими методами проводившееся в годы военного коммунизма. Это время запечатлело в сердцах затравленных хлеборобов образ комиссара-еврея, въезжающего в деревню во главе продотряда. Правда и здесь была та же: комиссаров из "коренного населения" было несравненно больше, чем комиссаров-евреев; но во все века недомыслие валит народные бедствия на чужаков — так было и в революционной России.

Наконец, и в ЧК (и в наследовавших ей ГПУ, ОГПУ и НКВД) евреи работали не за страх, а за совесть, и тоже крепко запомнились. И здесь, как решительно во всех советских учреждениях ранней поры, когда не национальность, а социальное происхождение было важно для поступления на службу и продвижения по служебной лестнице, — процент евреев был выше, чем ему следовало бы быть исходя из численности еврейского населения России, — но, конечно, ни о каком преобладании евреев говорить невозможно. Историки отмечают, что евреи не сразу сделались заметны в этом карательном органе: сначала ЧК, казалось, была отдана на откуп полякам и латышам.⁵⁰ Евреи появляются позже и сохраняют свои позиции вплоть до конца 1930-х годов. Так, в 1937 году "Правда" опубликовала список из 407 сотрудников НКВД, награжденных по случаю двадцатилетия ЧК. В этом списке 42 еврейских фамилии, т.е. 10%. Поскольку у чекистов (не обязательно евреев) псевдонимы были обычным делом, то можно допустить, что и в этом списке, и в целом, процент евреев в ЧК был выше.⁵¹

По поводу участия евреев в ЧК много недоумевали еврей-

ские писатели последующих поколений. Вербовка палачей из числа недавних жертв — вещь вообще загадочная. Жестокость, по убеждению большинства авторов, никак не вяжется с еврейской традицией. Что случилось с евреями? почему они, окруженные стеной народной ненависти, орудовали (впрочем, наравне с русскими и с представителями других народов) в застенках этой мрачной организации? Обычное объяснение таково, что евреи были пропорционально представлены во всех учреждениях, и чекистов было не больше, чем безобидных (и беззубых) профсоюзных активистов. В действительности необходимо еще помнить, что народы, как и люди, подвержены ослеплению, а палач, одержимый страстью ко всеобщему благу, не чувствует себя палачом, не кажется таковым и своим товарищам, разделяющим его идеализм. Поэтому мерки относительно спокойного времени и не годятся для понимания "роковых минут" в жизни народов.

В 1920-е годы, когда советская власть набирала силу и международный престиж, а интернационализм был для большевиков чем-то большим, чем риторическая фигура, процент евреев в КПСС едва превышал процент евреев в населении страны. Например, в 1922 году он равен 5.2%, при 72% русских и 5.9% украинцев. В дальнейшем он снижается, хотя и не монотонно (см. Табл.IV).

Таблица IV

Численность и процент евреев-коммунистов в 1925—1927 гг.

Год	Численность	Процент
1925 (январь)	31200	5.20
1925 (июль)	37000	5.20
1926 (январь)	44300	4.00
1926 (июль)	46205	4.00
1926 (октябрь)	47297	4.00
1927	51633	4.33

И все же правы те, кто считает, что евреи, в среднем, были заметно активнее прочих в КПСС. Количество евреев среди делегатов партийных съездов за те же годы колеблется между 10% и 20%. А на верху пирамиды евреев и в самом деле было тогда почти столько же, сколько русских. Я.М.Свердлов, Г.Е. Зиновьев, Л.Б.Каменев, Г.Я.Сокольников, А.А.Иоффе, В.Володарский, М.С.Урицкий, Е.М.Ярославский — список этот далеко не полон — все это были яркие личности, страстные и убежденные пророки "нового мира". И дело тут не в их мнимом количественном преобладании, а в том жертвенном самозабвении, с которым они отдались своему служению; в этом единственном смысле евреи преобладали в Октябрьской революции и раннем большевизме.

И в этом же смысле, а равно и в смысле своей незаурядной личной одаренности, на далеко нетусклом фоне других евреев-большевиков разительно выделяется Лев Давидович Троцкий. Не будет излишней смелостью сказать, что его вклад в победу большевиков соизмерим со вкладом Ленина. Если верно, что Ленин был незаменим в самой революции, то столь же верно, что Троцкий был незаменим во время Гражданской войны. Трижды — летом 1918, осенью 1919, весной 1921 — судьба режима висела на волоске; документы и люди свидетельствуют, что в каждый из этих моментов советская власть выжила лишь благодаря полководческому таланту и неимоверной активности главнокомандующего Красной Армией, крестьянского сына Льва Бронштейна.⁵²

Неудивительно, что именно Троцкий и становится эмблемой еврейского участия в большевизме и даже самого большевизма; наиболее ненавистной фигурой нового режима. И если поначалу ненависть к нему была направлена извне, со стороны тех, кто сознательно отвергал коммунизм или боролся с ним, то постепенно, по мере того, как народные массы все более разочаровывались в большевиках, — нарастает ненависть к Троцкому изнутри созданной им системы. Хребтом этой ненависти был антисемитизм.

Самая внешность Троцкого казалась отталкивающей тысячам людей. Его талантливость представлялась дьявольским наваждением, его решительность и бескомпромиссность — жестокостью. (Последнее качество, заметим, находило себе косвенное подтверждение в маячившей рядом с ним фигуре Якова Блюмкина,

некоторое время бывшего секретарем Троцкого. Это был отчаянный террорист из левых социалистов-революционеров. После заключения постыдного, как многие считали, Брестского мира Блюмкин застрелил немецкого посла в Москве графа Мирбаха с единственной целью спровоцировать возобновление войны между Россией и Германией. Блюмкин считал себя личным врагом поэта Осипа Мандельштама, преследовал и грозился застрелить его.) Но как раз в смысле жестокости Троцкий ничем не отличался от своих многочисленных сподвижников, равно еврейских и русских.

Однако тем, кто настаивает, что "жиды-большевики погубили Россию", придется как-то объяснить и активность жидов-небольшевиков, приходящуюся на ту же пору и столь же самозабвенно-жертвенную. Мы уже упоминали о том, что среди меньшевиков процент евреев был выше, чем среди большевиков; другие партии, по партию народной свободы (конституционно-демократическую) включительно, боровшиеся за новое общественное устройство в России, могли с неменьшим, чем большевики, правом считаться еврейскими. Не углубляясь в эту тему, отметим лишь, что были евреи, не щадившие своей жизни в борьбе против большевиков, — например, социал-революционерка Фаня (Дора) Каплан, стрелявшая в Ленина 30 августа 1918 года; молодой поэт, тоже эсер, Леонид Каннегисер, убивший председателя петроградской ЧК Урицкого, и другие. Народная память, с ненавистью повторяющая имена евреев-большевиков, создавших Страну Советов, не совсем последовательно не хранит имен евреев, пожертвовавших собою в борьбе с большевизмом.

Для нас важно (повторим это еще раз), что Троцкий стал в глазах многих персонификацией еврейского участия в революции, и это отразилось на положении евреев. Посмотрим теперь, как сами русские евреи расценивали блистательную и трагическую карьеру Троцкого, во многом определившую судьбу целых поколений евреев (и не только евреев) в СССР.

Г л а в а 10

КАРЬЕРА ТРОЦКОГО К ГЛАЗАХ ЕВРЕЕВ

Русские евреи взирали на роль Троцкого в большевистской революции и гражданской войне со смешанными чувствами. Разруха, опустошение, жестокое и часто (с любой точки зрения) бессмысленное кровопролитие, голод — все способствовало их растерянности, смещению понятий и ориентиров. Будущее страны и евреев в ней было темно. Многим казалось, что они находятся между молотом и наковальней. С другой стороны новый режим подтвердил равноправие евреев, завоеванное Февральской революцией, обещал покончить с погромами. Двойственность положения евреев, отмеченная многими мемуаристами, выразилась в двойственности их оценки роли Троцкого.

С одной стороны, был некоторый повод для гордости: еврей — во главе армии первого в истории государства, покончившего с эксплуатацией человека человеком, во главе борьбы с погромами и погромщиками. С другой стороны, был вполне понятный страх: жестокий, непризнанный миром и большинством населения России новый режим мог рухнуть, открыв двери еще небывалому погрому.

Чувство гордости усиливалось тем, что в Троцком и других революционерах воплотился новый (или хорошо забытый) тип еврея, умеющего постоять (а то и отомстить) за себя и своих соплеменников, повести за собой представителей других народов. На глазах одного поколения мученический, страдательный героизм евреев, освященный вековой традицией и для них единственно привычный, сменился героизмом воинственным, созидательным. В том, что от евреев явились мстители за еврейские страдания, было больше обольщения, чем правды. Мы видели, что Троцкий и другие выходцы из евреев, вознесенные на вершину власти в "рабоче-крестьянском государстве", не считали себя евреями, не говорили и не действовали от имени и во имя евреев. И все же тем, кто остался внизу, хотелось думать, что не все еврейское отброшено этим племенем комиссаров.

Что ими точно было отброшено — это религия. Еврею религиозному или хотя бы просто традиционному стало жить нелегко. Там, где советская власть была тверда, практически ничто не угрожало его физическому существованию, — но его существование как еврея было под вопросом. Царизм и православие никогда не боролись против иудаизма с таким остервенением, как евсекция. Теперь — наиболее прозорливые понимали, что евреи стоят перед небывалой в истории опасностью полной национальной аннигиляции. Наоборот, победа белых почти на верное означала новую хмельничину, может быть, еще более ожесточенную, — но после погромов уцелевшим, вероятно, позволили бы молиться и остаться народом.

А пока что человеческая природа брала свое — и как верующие, так и неверующие евреи просто хотели жить, потому часто и брали сторону большевиков.

Большевизм сам был новой верой, прельстившей многих; мы видели, с какой страстью отдались ей евреи, порвавшие с иудаизмом. Но были и такие, кто пытался совместить большевизм с иудаизмом. В самые дни военного коммунизма писатель Элиэзер Штейнман опубликовал в Одессе брошюру на иврите под названием "Еврейский коммунист". Он приветствовал большевистскую революцию как истинный голос свободы, звал к разрушению старого мира до основания и жалел лишь о том, что "в качестве еврейского коммуниста ему не дано провозгласить избавление Иерусалима с вершин Иудейских гор". Он радовался падению еврейской буржуазии: "Твердыня черного иудаизма пала — да здравствует красный иудаизм!" Та же экзальтированная поэтика слышна в его обращении к красноармейцам: "Мир вам, братья мои, бойцы Красной Армии!.. Где бы я ни увидел вас, братья мои, пеших или верхами, — сердце мое переполняется гордостью, бьется с радостью... Даже если подковы коней ваших растопчут меня, я прощу вам, прощу новому миру, чей порядок водворится через мою гибель, в чьих колесах свободы и я стану винтиком... Мир вам, братья мои, от древнего, неизвестного вам еврея, в малиновое, пурпурное и красное окрашенного кровью героев-мучеников, того, чей язык чужд вам..." Штейнман верит в слияние иудаизма и коммунизма в Святой земле, видит истоки коммунизма и революции в Торе и пророках.⁵³

Его современник А.С.Закс тоже говорит от имени евреев, но мыслит несколько более приземленно. В статье "Большевизм

и евреи” он оправдывает русский коммунизм ”с практической точки зрения”. В погромах повинен не еврейский радикализм, а еврейское бесправие, пишет он. Все, кто сейчас борется с большевизмом (Польша во главе с Я. Падеревским, Украина во главе с Петлюрой), поощряют погромы. Большевизм, наоборот, противостоит погромам. Понятно, что Троцкий предпочтительнее для нас, чем Падеревский, считает Закс. Пусть радикальные евреи вроде Троцкого будут главами правительств — наши враги будут скрежетать зубами, покроются пеной от злости, но не посмеют тронуть нас. Другая мысль Закса — о силе и молодости древнего еврейского народа. Если евреи выдвигают таких лидеров как Троцкий, внушающих страх правительствам мировых держав, — значит, еврейский народ жив, не выродился, и перед ним великое будущее.

Иначе понимает революцию американец Рувен Брайнин. Этот автор знал Троцкого в Нью-Йорке, в январе-марте 1917, когда тот работал редактором русского еженедельника ”Новый мир”, получая 12 долларов в неделю и ютясь в бедных кварталах Бронкса. Брайнин видит в революции месть евреев ”их мучителям, угнетателям, их вчерашним преследователям и палачам”. ”Собака заслужила палку,” пишет он.

Но в России было не до метафор. Царили разруха, голод, неразбериха. Многим казалось, что Троцкий перестарался, что Ленин, придумавший НЭП⁵⁴ (а это облегчило положение еврейского среднего класса), никогда не довел бы страну, а с нею и евреев, до такого полного разорения и отчаяния; что Троцкий берет через край именно оттого, что он еврей, — чтобы доказать свою лояльность делу.

Р. Фейнгенберг-Имри вспоминает, что одесские евреи не ждали от Троцкого ничего хорошего, а еврейские беженцы, собравшиеся в Одессе из соседних местечек, уже просто ненавидели его. ”...Они называют его Лейбеле Бронштейн и уверены в его скором падении... Ленин хочет свободной торговли, но Троцкий не соглашается. Если бы не Лейбеле, в стране давно бы воцарился порядок... Лейбеле Бронштейн виноват во всем, Ленин не мог бы прийти к таким странным мыслям. Лейбеле — убийца, и его одного надо повесить...”

Другие не верили в скорое падение Троцкого и предсказывали долгое ”большевистское царство”. В России, утверждали они, нет ничего нового. Просто русский медведь (или боров,

по выражению Х.-Н.Бялика) перевернулся с правого бока на левый, — теперь жди триста лет, как под домом Романовых, до нового поворота.

В 1918 году, когда Украина находилась под немецкой оккупацией, одесские раввины формально предали анафеме Троцкого, Зиновьева и других большевистских лидеров.

Публицист и сионистский лидер А.Ахимеир, бывший свидетелем революции и гражданской войны, писал: "Коммунисты еврейского происхождения виноваты в погромах больше Деникина и Петлюры. Еще до 1917 года сионисты предостерегали евреев не совать нос в русскую свару. Первым из тех, кто произнес предостережение, был Герцль, за ним следуют Ахад Гаам, Усышкин, Пасманик, Жаботинский... За кресло военного министра для Троцкого русское еврейство дорого заплатило..."

Знаменитый историк С.М.Дубнов, возродивший еврейскую историографию, не был сионистом, но думал почти так же: "Революция увязла в болоте самых низких инстинктов... Как-нибудь мы выберемся живыми из этого кровавого междуцарствия, но нам никогда не простят доли еврейских спекулянтов на революции в большевистском терроре. Еврейские компаньоны и сотрудники Ленина, Троцкие и Урицкие, затмевают даже его; Смольный институт называют по секрету Центрожид. Позже скажут это громко, и антисемитизм глубоко укоренится во всех частях русского общества. Почва для культурного антисемитизма готова."

Говорят, что когда в 1921 году Яков Мазе, главный раввин Москвы, явился к Троцкому просить за евреев и получил стандартный ответ ("я не еврей, а интернационалист"), он сказал наркому: "Троцкие делают революцию, а Бронштейны расплачиваются по счетам."

АНТИСЕМИТИЗМ КАК ОРУЖИЕ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ

Одной из самых загадочных глав в политической жизни Троцкого была уступка власти Сталину после смерти Ленина в январе 1924 года. Ни одно из предложенных объяснений не кажется нам исчерпывающим. Конечно, первая передача власти в первом на земле тоталитарном государстве не могла не сопровождаться случайностями; процедура наследования не отрегулирована по сей день. Но не хочется верить, что случайное стечение обстоятельств определило судьбы человечества в XX веке.

Макс Истмен считал, что Троцкий просто не хотел бороться за власть, что он вообще сознательно уступал своим противникам и конкурентам на каждом важном повороте. Другое мнение, также получившее распространение, состоит в том, что Троцкий был слишком идеалистом, не в достаточной мере политиком, во всяком случае, — не политиком большевистской школы. Говорят еще, что отсутствие Троцкого на похоронах Ленина решило не в его пользу вопрос о выборе преемника; говорят и другое: будто некоторые из наиболее видных старых большевиков опасались, что Троцкий немедленно сделается диктатором.

А.В.Луначарский, нарком просвещения, бывший одно время другом Троцкого, отмечает крайнее высокомерие последнего. Еще один друг Троцкого, Адольф Иоффе, очень точно назвал эту черту Троцкого гамлетизмом. Косвенно в гамлетизме признаётся и сам Троцкий. В автобиографии он пишет, что не люди, а книги и идеи, были действующими лицами его внутренней жизни, люди же в течение многих лет проходили сквозь него, как случайные тени. Там же он сообщает, что в своих словах и поступках он никогда не руководствуется дружеской привязью, не шадит ничьих честолюбий. Все это, по нашему убеждению, сыграло свою роль. Известно, что Сталин, наоборот, никогда не исходил из абстрактных идей. Он хотел власти и тщательно готовил ее; в частности, он разыскивал и приваживал людей, обиженных Троцким.

Но, быть может, важнее было то, что грузин Сталин казал-

ся несравненно более своим в России, чем еврей Троцкий. Интернационализм Троцкого и его мечты о мировой пролетарской революции не были ни позой (как у Сталина), ни самообманом (как у очень многих), — за ними стояла позиция, убеждение. Россия же, с ее вековым сепаратизмом и неискоренимой ксенофобией, менее любой другой из европейских стран годилась для восприятия этих идей. Убежденный и вполне последовательный интернационалист не подходил здесь на роль вождя.

Троцкий думал, что в России совершился первый этап мировой революции, которую надо как можно скорее распространить на другие страны, — а его нееврейские товарищи по большевистскому руководству, начиная с самого Ленина, быть может, не рассудком, а интуицией, знали о национальном характере совершающихся перемен, чувствовали родство революции с русским крестьянским бунтом, "бессмысленным и беспощадным" (по выражению Пушкина). Интернационализм был модным западным поветрием, — к Западу же Россия всегда питала неприязнь, проистекавшую из тяжбы православия с католицизмом.

За именем "интернационалист", по мере укрепления советской власти, все больше и больше стала угадываться кличка "безродный космополит", которая станет политическим обвинением (и будет стоить жизни тысячам) много позже, к концу 1940-х годов. А Троцкий именно и был, как показали дальнейшие события, космополитом. Когда Россия, привязанностью к которой он, казалось, очень дорожил, была для него потеряна окончательно, он не вздыхал об утраченном отечестве, но тут же принялся работать для мировой революции в других странах.

Природа нового режима, возникшего в России, была, в основных своих чертах, понятна в довоенное время. Так, по мнению Э.Лайонса, режим Сталина был глубоко националистическим, и если впрямь можно говорить о каком-либо сталинском интернационализме, то это скорее некий вариант планетарной русификации, чем сверхнация, о которой грезил Ленин и Троцкий.⁵⁵

Было своевременен понято и то, что конфликт Сталина и Троцкого — это "конфликт национального технократа с еврейским марксистом", причем последний "попал в ловушку разваливающейся утопии" (Джорж Штейнер).

Интернационализм большинства правящей верхушки ВКП(б) был, несомненно, искренним в первой половине 1920-х, и над

гробом Ленина Сталин не смог использовать рычаг антисемитизма так открыто, как он сделает это после победы над нацистами. Но Сталин, конечно, сразу понял, какое оружие дает ему в руки судьба.

Остается неясным, какую роль сыграл народный антисемитизм в самом начале борьбы за власть между Сталиным и Троцким. Уинстон Черчилль думает, что решающую: "В 1922 году уважение к личности и системе Троцкого в армии было столь велико, что он без труда стал бы диктатором России, — если бы не одно роковое обстоятельство: он был евреем. Он все еще был евреем. Ничто не могло изменить этого. Это ли не жестокость судьбы, когда после всех жертв, оставив и свою семью, и свой народ, наплевав на веру отцов, поставив вне закона как евреев, так и неевреев, — ты в итоге все-таки упускаешь такую великую награду из-за такой ничтожной причины!"

В 1937 году, в Мексике, Троцкий подтвердил правоту первой части этой реплики Черчилля и, одновременно, поставил под сомнение вторую. Он сказал редактору одной еврейской газеты, что еще в 1927 году он мог бы одолеть "наследников Ленина" при поддержке армии. По его словам, делегации от воинских частей обращались к нему открыто и тайно: они только ждали намека. Но, продолжает он, он не хотел развязывать со Сталиным кровавую борьбу за власть. "Если это была ошибка, пусть история рассудит нас."

Как же Сталин относился к евреям? Был ли он, в собственном смысле слова, антисемитом — или был лишь политиком, для которого все средства хороши?⁵⁶

Имеющиеся на этот счет свидетельства противоречивы. В одной из своих статей 1901 года Сталин, с видимой симпатией, пишет о "вечно преследуемых и униженных евреях". Однако уже в 1904 году, если верить рассказу одного из соратников Сталина, Сталин "был ярым антисемитом". На Лондонском съезде 1907 года делегаты запомнили двусмысленную шутку Сталина о том, что партия распалась на еврейскую фракцию меньшевиков и русскую фракцию большевиков, почему и можно сказать, что большевики устроили в партии еврейский погром. Троцкий был убежден, что эта шутка — не случайная бестактность, а рассчитанный политический выпад против бакинской делегации, во главе которой стояли еврей-меньшевики, — их, по мнению Троц-

кого, Сталин хотел дискредитировать в глазах отсталых рабочих.

Сталин никогда не устал повторять официальную коммунистическую доктрину о наднациональном братстве угнетенных, твердить о преступности и контрреволюционной сущности антисемитизма. Он любил цитировать декрет Совнаркома об искоренении антисемитизма, где, в частности, говорится: "в РСФСР нет места национальному угнетению... Совнарком заявляет, что погромы и любые антисемитские выступления пагубны для интересов рабоче-крестьянской революции и призывает трудящихся бороться против них всеми доступными для этого средствами..."

Аудитория, перед которой Сталин неизменно хотел выглядеть борцом с антисемитизмом, находилась, в основном, за границей. В 1931 году, отвечая на вопрос Еврейского телеграфного агентства о положении евреев в СССР, Сталин назвал антисемитизм опаснейшим пережитком каннибализма и доверительно сообщил, что по советским законам злостный антисемит может быть даже казнен. Заявление это не было обнародовано в Советском Союзе до 1936 года: оно явно предназначалось для внешнего рынка.

И Запад верил Сталину. Среди обманутых и излишне доверчивых было немало умных и проницательных людей. В 1952 году автору довелось беседовать в Нью-Йорке с А.Ф. Керенским, бывшим министром-председателем Временного правительства. Слова об антисемитизме в СССР он считал вздором, измышлениями сторонников так называемой холодной войны. С антисемитизмом, полагал Керенский, в СССР покончено.

Троцкий, покинувший Советскую Россию спустя 12 лет после Керенского, разбирался в этом вопросе лучше. Декретов, настаивал он, недостаточно. Антисемитизм еще совсем недавно был широчайшим образом распространен в России среди крестьян, мелкой городской буржуазии, интеллигенции и даже среди отсталых представителей рабочего класса. Троцкий напоминает, что Россия-матушка известна не только периодическими погромами, но еще и обилием антисемитских публикаций и их популярностью. Законодательство, выработанное революцией, кажется Троцкому образцовым, — но предрассудки, продолжает он, живучи. Как ни много сделала антирелигиозная пропаганда, тысячи церквей, мечетей и синагог заполняются молящимися и сегодня,

— национальные же предрассудки не слабее религиозных. Они и теоретически возможны, и фактически сохраняются даже при советском строе и законодательстве.

В этих словах Троцкого нет еще ничего неожиданного или невероятного; всякий здравомыслящий человек согласится с ним. Гораздо рискованнее было заявление Троцкого о новой, чисто советской разновидности антисемитизма, "о которой свидетельствуют все серьезные и честные наблюдатели". Ее появление он связывает не только с бедностью и низким культурным уровнем населения, но и с подстрекательством партийной верхушки, в первую очередь — самого Сталина. Троцкий призывает не закрывать на всё это глаза, не прятаться, в духе "страусовой политики", от новой и неприятной проблемы.

Здесь уже правота и искренность Троцкого были поставлены под сомнение многими, и для уяснения его слов западному общественному мнению потребовались годы. Слишком для многих СССР был воплотившейся мечтой, с которой трудно было расстаться.

К концу жизни, когда его могущество, казалось, уже не знало границ, Сталин и в частных беседах давал понять, что евреи ему не по душе. Так, во всяком случае, интерпретирует слова Сталина Милован Джилас, которого вождь мирового пролетариата пригласил в 1947 году отобедать с ним. Джилас вспоминает, что к концу обеда Сталин поинтересовался у него, отчего евреи совсем незаметны в югославской компартии. В Югославии, ответил Джилас, вообще немного евреев; единственный заметный коммунист — это Пьяде, и он считает себя скорее сербом, нежели евреем. "Пьяде? такой короткий, в очках? Да, да, припоминаю, он был у меня. А какова его позиция?" — Пьяде член ЦК, старый коммунист, переводчик марксова "Капитала", ответил Джилас. На это Сталин бросил: "У нас в ЦК нет евреев!" И совсем уже неожиданно, с ехидным смешком, добавил: "Вы, Джилас, тоже антисемит, вы тоже!" Джилас пишет, что он не принял этого очевидного вызова, и своего отношения к евреям не высказал — просто потому, что сам он "никогда не был антисемитом и коммунистов делил лишь на плохих и хороших". Сталин не настаивал на продолжении этого разговора. По замечанию Джиласа, он остался доволен этой своей "циничной выходкой".

Светлана Алилуева, дочь Сталина, возводит антисемитизм

отца к его борьбе против Троцкого и его последователей. По ее мнению, в процессе этой борьбы политическая ненависть переросла у Сталина в национальное отвращение ко всем без исключения евреям.

Троцкий, по-видимому, неохотно занимался антисемитизмом Сталина; он касается этой темы лишь там, где говорит о борьбе Сталина против него лично. В брошюре "Термидор и антисемитизм", написанной им в 1937 году, Троцкий сообщает, что между 1923 и 1926 годами, когда Сталин вместе с Зиновьевым и Каменевым еще составлял тройку [триумvirат для борьбы с Троцким], игра на антисемитских струнах носила очень осторожный и скрытый характер. Специально подготовленные пропагандисты (Сталин уже вел тайную борьбу и против своих союзников по тройке) говорили, что троцкисты — это мелкие буржуа из местечек; национальность местечковых буржуа не уточнялась, — но в этом и не было необходимости.

Далее Троцкий спешит возразить Сталину по существу: процент еврейских интеллектуалов в оппозиции ни в коем случае не был выше, чем в партии и в самом аппарате. Он перечисляет имена русских оппозиционеров 1923—1925 годов: И.Н.Смирнов, Серебряков, Раковский, Пятаков, Преображенский, Крестинский, Муралов, Белобородов, Мрачковский, В.Яковлев, Сапронов, В.М.Смирнов, Ищенко... Радек, добавляет он, занимал половинчатую позицию. Но как во время процессов над взяточниками и жуликами, так и при изгнании оппозиции из партии, аппарат преднамеренно подчеркивал все случайные и второстепенные еврейские имена. Это совершенно открыто обсуждалось в партии; еще в 1925 году оппозиция усматривала в этом несомненный признак разложения правящей клики.

Когда Зиновьев и Каменев, продолжает Троцкий, присоединились к оппозиции, положение резко ухудшилось. Открылась возможность сказать рабочим, что во главе оппозиции стоят три "неудовлетворенных еврейских интеллектуала". Под руководством Сталина Угланов систематически и почти открыто проводил эту линию в Москве, а Киров — в Ленинграде. Чтобы наглядно показать рабочим разницу между старым и новым курсом, евреев, даже безоговорочно преданных генеральной линии, стали убирать с ответственных партийных и советских постов.

И все же прав был скорее Сталин, чем Троцкий: евреи были заметнее в оппозиции, чем в окружении Сталина, где, дей-

ствительно, их было мало (еще меньше — в правой фракции Бухарина). Евреи и в самом деле были лучшими интернационалистами (или, если угодно, космополитами): и по своей природе и — часто — по своему последовательно марксистскому воспитанию, они не хотели удовлетвориться идеей построения социализма в одной стране, помнили, что Маркс и мысли о таковой не допускал. Их идеей и целью была революция мировая, а это и означало в те годы быть троцкистом.

Однако Сталина интересовала не теория, а власть. Умело играя на русском национализме, используя психологические и исторические особенности евреев-марксистов, он поставил знак равенства между понятиями "еврей" и "оппозиционер", которые были все же лишь отдаленно связаны между собой.⁵⁷

Джорж Оруэлл, автор знаменитой антиутопии "1984", в лице своего персонажа Эммануила Гольдштейна, несомненно, пародирует Троцкого. Книга Оруэлла написана в 1948 году, в разгар сталинской кампании против "безродных космополитов"; сам Оруэлл был в 1930-е годы марксистом троцкистского толка, воевал добровольцем в Испании — и видел московский III Интернационал в действии. В своем романе он не случайно придает оппозиции в Океании еврейский характер; он показывает, что антисемитизм — удобнейшая из опор тоталитаризма. В романе книга Гольдштейна "Теория и практика тиранического коллективизма" есть иронический парафраз "Обманутой революции" Троцкого, — притом, по мнению биографа Троцкого, А.Дойчера, — не совсем удачный.

Троцкий пишет, что начиная с 1926 года сталинская борьба с оппозицией ведется уже в первичных партийных организациях, в заводских партийных ячейках, и на этом уровне приобретает характер открытой антисемитской кампании. Агитаторы доверительно говорили рабочим: "жиды бунтуют." По его собственным словам, Троцкий получил сотни писем, в которых с тревогой рассказывается об антисемитских методах борьбы с оппозицией на местах.

Троцкий пытался внести вопрос о насаждении антисемитизма в политбюро. Он вспоминает, что на одном из заседаний обменялся с Бухариным записками по этому поводу. Бухарин повел себя уклончиво, не хотел верить в "систематическую агитацию против оппозиции на крупных московских предприятиях, построенную на черносотенных лозунгах", настаивал на "единичных

случаях”, пообещал, в ответ на предложение Троцкого, сходить с ним на фабрику “Скороход” для проверки дел на месте — но обещания своего не выполнил: Сталин категорически запретил ему это.

На следующем заседании Троцкий, уже не дожидаясь ничьей поддержки и не веря в успех, сформулировал проблему перед политбюро. Он с негодованием говорил о людях поколения революции, которые не только разрешают, но и санкционируют антисемитизм. Сторонники Сталина, тоже с негодованием, ответили ему в том смысле, что попытки протащить этот вздорный вопрос смахивают на провокацию, что антисемитизма нет — и расследовать нечего. Троцкий припоминает, что Бухарину, знавшему, где правда, было на этом заседании не по себе, — но он промолчал, солидаризуясь с “генеральной линией” Сталина.

Путей для легальной, открытой борьбы у оппозиционеров становилось все меньше. Все сторонники оппозиции в местных первичных организациях были планомерно удалены; лидерам — Троцкому, Зиновьеву и Каменеву — не давали выступать перед рабочими. Н. Угланов, возглавивший московскую партийную организацию после ухода Каменева в оппозицию, представлял уже новое поколение функционеров-конформистов; он действовал по прямой указке Сталина, не выбирая средств. В письме к Бухарину от 4 марта 1926 года (к этому времени Бухарин — уже член нового сталинского антитроцкистского триумvirата) Троцкий рассказывает о том, что творилось тогда в партийном аппарате: “Вы знаете, конечно, что Угланов ведет против меня в Москве закулисную войну, со всеми видами военных хитростей и инсинуаций, которые мне не хочется здесь уточнять. С помощью интриг, часто недостойных и оскорбительных для организации, мне мешают выступать перед рабочими коллективами. Одновременно среди рабочих распускают слухи, что я ‘читаю лекции для буржуазии’ — и отказываюсь говорить с рабочими.”

Действительно, в письмах рабочие спрашивали Троцкого, почему он устраивает лекции с высокой платой за вход, непосильной для рабочих; правда ли, что он продает свои речи и сочинения буржуазии, и т.п.

Но была клевета и более изощренная. Поскольку антисемитизм официально был осужден обществом и преследуем законом, распространители его могли поплатиться. Сталинские антисе-

миты умудрились играть и на этом. Троцкий, внушали они, держит рабочих в страхе: в самом деле, если рабочий скажет, например, что евреи агитируют против ленинизма (а это ведь очевидно!), его по меньшей мере выбросят с завода как антисемита.

Об этом тоже сообщает Троцкий в упомянутом письме к Бухарину. *"...члены коммунистической партии боятся сообщить партийным органам о черносотенной агитации, думая, что они, а не черносотенцы, будут обвинены в антисемитизме и уволены.* Вы скажете: это преувеличение. Хотелось бы верить! Поэтому я и предлагаю вам: пойдете вместе в ячейки и проверим. Я думаю, что того, что нас с вами, двух членов политбюро, еще связывает, — достаточно для попытки спокойно и добросовестно проверить это дело. Что, если это правда? Мыслимое ли это дело, чтобы в нашей партии, в Москве, в рабочих коллективах, безнаказанно велась злостная антисемитская и, одновременно, клеветническая пропаганда, чтобы честные рабочие боялись под угрозой увольнения задавать вопросы, проверять или опровергать бессмысленные слухи? Вы можете, конечно, направить меня для этой проверки по инстанциям — но это означало бы замкнуть круг. Хотелось бы верить, что вы этого не сделаете, — в надежде на это я и продиктовал настоящее письмо."

Борьба Сталина с Троцким ощущалась по всей стране. ЦК все более и более превращал первичные партийные организации в твердыни сталинизма. Рядовых членов партии призывали к бдительности, убеждали изгонять последователей Троцкого и Зиновьева из своих рядов. Оппозиционеров клеймили как "чуждый элемент".

Но от слов рано или поздно следовало перейти к делу. Во второй половине 1927 года Сталин начал готовить исключение оппозиционеров из партии, их аресты и высылки. Лозунг "бей оппозицию" звучал для многих как старое "бей жидов, спасай Россию". Слово бы пытаюсь унять чересчур усердствующую чернь, а на деле — лишь подливая масла в огонь, Сталин выпустил специальное заявление о том, что ЦК борется с Троцким, Зиновьевым и Каменевым не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры⁵⁸. В "Термидоре и антисемитизме" Троцкий пишет: "Каждому политически мыслящему человеку было совершенно ясно намеренная двусмысленность этого заяв-

ления, по видимости направленная против крайностей антисемитизма, фактически же питающая их. Не забывайте, что руководители оппозиции — евреи, — вот настоящий смысл слов Сталина, опубликованных во всех советских газетах.”

Когда оппозиция, стараясь предупредить репрессии, ответила на это заявление еще более решительной борьбой, Сталин однажды, со значительным, видом сказал Пятакову и Преображенскому: ”Вы, по крайней мере, боретесь против ЦК открыто, по-православному. Троцкий хитрит, он работает совсем не топорно.” ”Православные” члены ЦК с возмущением передали эту реплику Троцкому. Десятки раз, по словам Троцкого, Сталин противопоставлял ему ”православный” центр ЦК.

Нечего и говорить, что травля лидеров оппозиции иллюстрировалась сатирическими стишками и карикатурами в центральных и местных газетах. Если стишки не всякий раз давали читателю ясное представление, кто его истинный враг, то карикатуры — не оставляли никакого сомнения. Изображая характерные еврейские лица, карикатуристы действовали как прямые наводчики.

В июне 1927 года Троцкому представился случай открыто обвинить партию в антисемитизме. Он сделал это перед так называемой Центральной контрольной комиссией партии (ЦКК), чьей функцией была борьба с фракциями и группировками, очищение партии от недостойных людей, борьба с бюрократизмом и взяточничеством, и т.п. Ему и Зиновьеву пришлось оправдываться перед ЦКК по двум пунктам обвинения: в том, что они вынесли внутривнутрипартийный спор за пределы партии (обратились в исполком Коминтерна); и в том, что они организовали демонстративные проводы на Ярославском вокзале в Москве высланному лидеру оппозиции И.Смилге.

Троцкий говорил перед ЦКК о клевете на оппозицию, о лишении ее права открытого обращения к трудящимся, о чисто черносотенных методах, используемых против нее руководством партии. Как и следовало ожидать, его красноречие никого не тронуло. Комиссия поставила вопрос об исключении Троцкого и Зиновьева из ЦК ВКП(б).

Приближавшийся 15-й съезд партии был последней надеждой оппозиции. Готовясь к съезду, Троцкий написал программный документ под названием ”Платформа оппозиции”, где, в частности, он критикует с каждым годом усиливающиеся в партии

карьеризм, бюрократизм и неравенство, а сверх того — и классово-чуждые, враждебные пролетариату настроения — например, антисемитизм.

Среди прочих претензий оппозиция предъявила съезду (состоявшемуся в декабре 1927 года) любопытнейший и характерный документ — протокол партийного собрания захолустной первичной организации из Сохондо в Забайкалье. Согласно этому протоколу некто Русак без обиняков сказал на собрании, что Троцкий давно уже проводит раскольническую политику, да и вообще не может быть коммунистом: уже самая его национальность показывает, что он спекулянт. Далее т.Русак заявил, что Троцкий и Зиновьев потому лишились поддержки русских рабочих и крестьян, что не поняли русского духа. Ради сталинского единства партии т.Русак призвал ЦК внять голосу народа и исключить обоих из Коминтерна и из партии.

Таковы были результаты нескольких лет усиленной работы сталинских пропагандистов. Документ был, конечно, вопиющий — но лишь своей непосредственностью: столь откровенно говорить решались немногие. Неясно, какой процент населения Советской России в душе сочувствовал таким настроениям, но, кажется, слова о всенародном гневе, которые вскоре прозвучат в спину Троцкому, не были большим преувеличением.

На съезде оппозиционерам возражал будущий академик от партийной истории Емельян Ярославский (Миней Губельман). Он, в отличие от Троцкого, хорошо понял русский дух — и точно следовал инструкциям "хозяина". Ярославский сказал: "Я знаю, что борьба оппозиции дала место очень многим нездоровым явлениям. Товарищ Сталин совершенно правильно подчеркнул необходимость уделить серьезное внимание борьбе с антисемитизмом, который тут и там пустил корни. Но оппозиция уделяет этому вопросу преувеличенное внимание, пытаюсь внушить съезду мысль, будто бы антисемитизм — это метод борьбы с оппозицией."

Показывая на деле, как диалектика "генеральной линии" позволяет любой неудобный довод вывернуть наизнанку, Ярославский обрушился на оппозицию за то, что она строит свою программу на мнимом антисемитизме советского народа и партии. Конечно, заявил он, коммунист не может терпеть антисемитизма, — но на собрании в Сохондо и не было коммунистов, а были одни только кандидаты в члены партии; туда уже послан ин-

структор для усиления воспитательной работы. Обвинить партию в антисемитизме, сказал Ярославский, было со стороны оппозиции низкой клеветой; оппозиция использует антисемитизм как отравленное оружие в борьбе против ЦК.⁵⁹

За месяц до 15-го съезда партии, 7 ноября 1927 года, в десятую годовщину Октябрьской революции, оппозиция попыталась устроить свои, независимые от правительственных, праздничные демонстрации в Москве и в Ленинграде. Милиция тотчас разогнала их: Сталин был готов. Троцкий не успел даже начать своей речи; на него напали, из толпы слышалось "долой еврея-предателя Троцкого!"⁶⁰

В 1928 году член ЦК Юрий Ларин (Михаил Залманович Лурье) руководил в Москве семинаром по антисемитизму и оставил любопытный отчет о нем. Участниками семинара были съехавшиеся со всех концов страны передовые рабочие-пропагандисты, профсоюзные деятели, комсомольцы и коммунисты. Ларин инструктировал их о том, как вести пропаганду и агитацию на местах. Вот какие вопросы задавали ему пытливые представители пролетариата:

— Почему евреи не хотят выполнять тяжелую работу? — Почему евреи в Крыму получили хорошую землю, а русские — похуже? — Как евреям удается занимать все хорошие должности? — Почему оппозиция на 76% состоит из евреев? — Почему так много евреев в университетах? Не подделывают ли они документы? — Не станут ли евреи предателями в случае войны? не избегают ли они военной службы? — Следует ли считать антисемитом человека, который шутя пользуется словом "жид"? как относиться к таким шуткам? — Не кроется ли причина антисемитизма в самих евреях, в их психологии, этике, традициях?..

Излишне было бы комментировать этот вопросник. Но, думается, как ни хороша была сталинская подготовка, не ей одной обязан Сталин своим блестящим успехом: брошенные им семена легли на благодатную почву.

Сталин, скорее всего, победил бы Троцкого в борьбе за власть даже и без помощи антисемитизма: на его стороне были все преимущества — не мыслителя, не теоретика или оратора, — но народного вождя. В свою очередь, у Троцкого и помимо его еврейства хватало недостатков, мешающих стоять во главе го-

сударства, тем более такого, как Россия. Но остается непреложным фактом, что антисемитизм был тем оружием, которое предрешило борьбу Сталина против Троцкого, сделало ее заведомо бесприкрытой для Сталина и заведомо безнадежной для Троцкого.

Глава 12 МОСКОВСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Московские процессы 1936—1938 годов — под этим именем обычно понимают устроенные Сталиным показательные суды над его действительными и мнимыми противниками в партийном руководстве — потрясли, без преувеличения, весь мир. Невозможно было поверить, что такое количество старых большевиков, занимавших самые видные посты в ВКП(б), Коминтерне и государстве, оказались замешаны в кровавых заговорах против революции и первого в мире рабоче-крестьянского государства. Верить и не следовало: процессы были небывалой в истории инсценировкой, по своей жестокости оставившей далеко позади испанскую инквизицию. Тем не менее мир, в своем большинстве, поверил Сталину: слишком пленителен был золотой сон, развернутый перед угнетенными народами в программных документах большевиков; слишком тяжелым обещало быть пробуждение.

К моменту первого процесса Троцкий уже восемь лет как был за границей — и тем не менее он был главным, не названным открыто, но подразумеваемым обвиняемым, врагом номер один. Быть может, никого в своей жизни не боялся Сталин так, как Троцкого. Двигала ли Сталиным жажда мести по отношению к тем, кто препятствовал его возвышению, мог и хотел лишить его власти? Несомненно. Виделось ли ему победное возвращение из-за океана его оклеветанного оппонента, призванного в Москву победившими в ЦК троцкистами? Возможно. Именно потому, что вероятность возвращения Троцкого (пусть — Сталин, конечно, понимал это, — ничтожная) действительно имелась, Сталин и хотел уничтожить малейшее подобие свободомыслия, хотел всех вокруг обратить в рабов. Его природные властолюбие и жестокость удесятерились страхом.

Отсюда и неправдоподобные обвинения в адрес вчерашних товарищей, смущавшие ортодоксальных коммунистов и спустя десятилетия. Среди этих последних был и Н.С.Хрущев, занявший место Сталина после его смерти и обвинивший своего предшественника в культе личности и массовом терроре против не-

винных, — однако же не реабилитировавший жертв московских процессов.

Московские процессы не были сюрпризом для Троцкого. О возможности подобного он говорил еще в 1925 году. Два года позже, 4 марта 1927 года, в своем "Бюллетене оппозиции" он писал: "... у Сталина на уме одно: нанести оппозиции кровавый удар. Для этого ему нужно связать оппозицию с террористическими актами, приписать ей подготовку восстания и т.п." Заметим, что эти слова произнесены Троцким за шесть лет до убийства Кирова, с которого начался тотальный государственный террор в СССР.

Что до постановочной части процессов, то по сравнению с ними, — сказал (уже в Мексике) Троцкий, — и дело Бейлиса в царской России, и дело Дрейфуса в охваченной национализмом Франции, и поджог Рейхстага в нацистской Германии — не более чем детские игрушки.

На вопрос, видит ли он в московских процессах проявление антисемитизма, Троцкий ответил категорическим *да*⁶¹. Эту свою мысль он развивает в работе "Термидор и антисемитизм". Троцкий пишет, что Москва вынуждена прибегать к показательным процессам, — и во всех процессах этого рода евреи неизбежно составляют значительный процент среди обвиняемых, отчасти потому, что их много в аппарате, отчасти же потому, что ведущие кадры аппарата в центре и на местах, стараясь отвести гнев от себя, из чувства самосохранения направляют его на евреев — и легко преуспевают в этом. Этот факт, утверждает он, был известен каждому критическому наблюдателю еще десять лет назад, когда сталинский режим еще только начинал проявлять свои свойства.

В августе 1936 года, на первом московском процессе, Зиновьев, Каменев и их сторонники по т.н. "объединенной оппозиции" были обвинены в контрреволюционной троцкистской террористической деятельности и шпионаже. Тут всплыли подлинные фамилии этих старых революционеров, прежде известные не всем и, по большому счету, забытые ими самими. Зиновьев оказался Радомысльским, Каменев — Розенфельдом. Зачем эти имена потребовались обвинению? Так ли важно, как зовут террориста, признавшего (после пыток) свою вину? Оказалось — важно. Троцкий пишет: "Какой еще мотив, кроме игры на антисемитских настроениях, мог двигать Сталиным при опубликовании настоя-

ших' фамилий своих жертв?.. Физическое истребление старшего поколения большевиков является для каждого мыслящего человека неопровержимым свидетельством термидорианской реакции в ее наиболее развитой стадии. История не знает примера, когда бы реакция, следующая за революционным подъемом, не сопровождалась бы самыми разнузданными шовинистическими страстями, в том числе — антисемитизмом."

Самые дикие обвинения не встречали в СССР общественного протеста. Лишь немногие уцелевшие старые интеллигенты сознавали, что, например, если и впрямь Троцкому удалось заслать через железный занавес четырех террористов (вот только зачем?), то не совсем правдоподобно, чтобы все четверо были евреями, и уж совсем маловероятно, чтобы службу у Троцкого они совмещали со службой в антисемитском гестапо.

Народ, столетиями не знавший другой формы правления, кроме абсолютизма, в политическом отношении повел себя, как младенец. Если фамилия обвиняемого звучит непривычно, то и шпионаж, и предательство, и все мыслимые низости — всё годится: чего же и ждать от еврея, от еврейского националиста? И в московских процессах советский народ, с чисто младенческой жестокостью, взял не сторону беззащитных перед властью жертв (из которых далеко не все сами прежде были палачами, как Зиновьев), а сторону топтавшей их власти.

Наоборот, на Западе странности московских процессов были тут же отмечены — и теми, кто симпатизировал Советскому Союзу, и, конечно, его "буржуазными" недоброжелателями. Известный немецкий журналист Франц Пфемферт, бежавший от нацистов, в письме к Троцкому в августе 1936 года назвал первый московский процесс чудовищным и отметил его антисемитский характер. Уинстон Черчилль сравнил в связи с процессом гонения на евреев (он, на библейский лад, назвал их избранным народом) в нацистском рейхе и в СССР и — одним из первых — заметил об этих режимах: крайности сходятся. По его словам, "противоположности сходятся на платформе ненависти и жестокости".⁶²

Но в просоветских западных кругах, в национальном отношении — преимущественно еврейских, сведения об антисемитизме коммунистического руководства СССР были встречены с недоверием, раздражением и даже гневом. Немудрено: у них отнимали воплощенную мечту! Троцкий энергично возражает им, пишет

об их слепоте (не видят термидорианской реакции и антисемитизма, принимают за чистую монету московские процессы). Эти люди, говорит он, эти "друзья аппарата" — посещают Советский Союз с твердым намерением не замечать пятен на солнце."

Одним из главных оппонентов Троцкого становится журналист Б.-Ц. Гольдберг, опубликовавший две больших статьи в ежедневной нью-йоркской газете на идише "Дер Тог". Гольдберг был честным противником; в явный вздор, например, в сговор между Троцким и нацистами, он не верил, — но не хотел он верить и в антисемитизм Сталина. Гольдберг писал: "...Уже тот факт, что он [Троцкий] вдруг обнаружил в СССР евреев, с идишем, еврейским вопросом и даже еврейской территорией, кажется мне странным. Когда Троцкий был на коне, он не знал и не хотел знать ничего о евреях. Что же произошло в еврейском мире с тех пор, как он покинул Кремль?.. Чтобы победить Сталина, Троцкий находит возможным изображать Советский Союз страной антисемитизма... Разве это правда, г. Троцкий? Разве честно писать об этом, когда это не так? Какая бы реакция ни преобладала теперь в Советском Союзе — и здесь я не хочу защищать ни Советский Союз, ни Сталина, — одного нельзя сказать о нынешнем режиме, а именно, что он угнетает национальности. Можно сказать, что режим угнетает людей, но не народы... Как же можно говорить, что в последних московских процессах была сделана попытка создать впечатление, что интернационалисты — это евреи? Обвинение, которое я теперь слышу от Троцкого, до сих пор не пришло в голову никому другому, — ни здешним евреям (а еврейская печать имеет острое чутье на антисемитизм), ни двум сотням корреспондентов, пишущим о процессе. Это очень серьезное обвинение, г. Троцкий... Для всех нас это очень важный вопрос. Мы привыкли смотреть на Советский Союз как на наше единственное утешение в смысле антисемитизма... Потому-то и непростительно, что Троцкий предъявляет такие необоснованные обвинения Сталину.⁶³

Естественно, что с наибольшим ожесточением нападали на Троцкого евреи-сталинисты. Они принимали московские процессы безоговорочно — и негодовали по поводу вторжения Троцкого в еврейские дела. Нью-йоркский коммунистический ежемесячник "Джюиш лайф" писал: "Внезапный интерес Троцкого к еврейскому вопросу, после многих лет ассимиляции и сознательного

бегства от евреев и их проблем, является рассчитанным политическим маневром, следствием его общей контрреволюционной политики. Чтобы понять его внезапную любовь к евреям, обратим внимание на нынешнюю роль Троцкого в международной политике... Та самая линия, которая ведет к союзу с фашистами, вывела Троцкого на еврейскую арену."

Веру в то, что Советский Союз — оплот борцов с антисемитизмом, разделяли не только коммунисты. Известный американский сионистский лидер, раввин Стефан Уайз, отказываясь принять участие в работе комиссии Дьюи (созванной для разбора тяжбы Троцкого со Сталиным), писал, что Троцкий недобросовестен, поднимая еврейскую тему в данной ситуации: "Если и другие его обвинения столь же беспочвенны, как его жалоба по поводу антисемитизма, ему вообще нечего сказать." Уайз, заметим, был последовательным антикоммунистом. В 1920-е годы многим в США запомнилась его антибольшевистская статья "Борющаяся Россия". Вот выдержка из нее: "Для меня Ленин и Троцкий не менее отвратительны, чем царь или кайзер... Режим Ленина-Троцкого представляет собою безжалостный деспотизм — поэтому он для меня отвратителен и неприемлем."

В некрологе на смерть Троцкого Уайз говорит о покойном не в более лестных выражениях: "Кто может усомниться, что безжалостные гонения, которым подвергалось русское еврейство со стороны евсекции, было во многом мщением Троцкого еврейскому народу? Все в нем дышало враждебностью к братьям по крови. Но что кажется мне еще более отвратительным в нем, чем его жестокое обращение с евреями, так это его выкрик об антисемитизме в России во время его злосчастного пребывания в Мексике. Троцкий, никогда не умевший простить евреям своего еврейства, трусливо искал спасения под сомнительным прикрытием антисемитизма! Может, он и в самом деле был пламенным идеалистом и вулканическим предводителем людских масс, но предательство своего собственного народа — не лучшая рекомендация для человека, желающего руководить миром. Скончался еще один блестящий, своенравный сын нашего народа. Он не знал Израиля, и Израиль не горюет над его могилой."

Все же количество евреев, обвиненных на московских процессах, было таково, что беспокойство поселилось и в просоветских кругах на Западе. Беспокойство, вероятно, обнаружил и известный немецкий писатель (еврейского происхождения) Ли-

он Фейхтвангер, приехавший Москву в 1937 году, и — кто знает — не поэтому ли ему удалось встретиться со Сталиным более чем один раз? Заинтересованный в западном общественном мнении, Сталин сумел произвести на Фейхтвангера впечатление глубокое, — гораздо более глубокое, чем Троцкий.

Фейхтвангер уехал из Москвы, уверившись в правоте Сталина, воодушевленный его правотой. Все его публикации о поездке соответствовали социальному заказу Сталина. Он уверял, что Сталин именно и должен ненавидеть Троцкого, ибо всем тем, что Троцкий говорит, пишет, делает, словом — самым своим существованием, он — "ставит под сомнение, подвергает опасности дело Сталина". Фейхтвангер сам присутствовал на процессе Радека и Пятакова — и режиссура была такова, что он всему поверил. Фейхтвангер пишет: "Мои сомнения рассеялись... О Радеке Сталин говорил с горечью, с чувством, — как об утраченном друге, о блестящем авторе... Есть, — сказал Сталин, — одна вечно правдивая легенда — легенда об Иуде..."

Советская сторона не осталась в долгу. В СССР тут же издали не только книгу путевых заметок Фейхтвангера, прославляющую страну Сталина и самого Сталина, но и собрание сочинений Фейхтвангера, — благодаря чему следующее поколение советских евреев прочло "Иудейскую войну", для многих — вообще первую в их жизни книгу о евреях.

Разумеется, никто в течение московских процессов ни разу не произнес слово "еврей". Власть, декларировавшая интернационализм, покончившая — как она уверяла — со всякой национальной рознью, не могла сделать этого открыто. Этого, однако, и не требовалось: как в таких случаях бывает, все всё понимали.

Но эта же власть, и вполне открыто, рассматривала любую религию как позорный пережиток и даже как вражескую идеологию. Поэтому, чтобы подчеркнуть чужеродность обвиняемого, сделать его еврейское происхождение (для людей мало-мальски культурных и без того очевидное) совсем уже несомненным, а заодно и идеологически скомпрометировать его, — обвинение, где могло, привлекало внимание суда и зрителей к малейшим следам иудейской традиции у обвиняемого или его близких. Мастером таких издевательских выпадов был генеральный прокурор СССР, "великий инквизитор" Андрей Яну-

арьевич Вышинский. Вот характерная сцена:

Вышинский: Обвиняемый Розенгольц, из протокола (том 6, стр.17) видно, что в момент ареста в вашем заднем кармане был найден небольшой ломтик сухого хлеба, завернутый в обрывок газеты и зашитый в кусок ткани; там же находилась написанная на обрывке бумаги молитва... Я хотел бы зачитать некоторые места из этой так называемой молитвы: [далее следует пространная цитата из Пятикнижия в русском переводе, высокий стиль и многозначительность которой звучат непривычно, а потому зловеще и подозрительно, например] "Да восстанет Бог, и да расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его... прибежище мое и защита моя, Бог мой, на которого я уповаю. Он избавит тебя от сети ловца, от губельной язвы. Крыльями своими осенит тебя, и под Его крыльями будешь в безопасности. Щит и ограждение истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень..." Как попало это в ваш карман?

Розенгольц: Однажды, когда я спешил на работу, все это сунула мне в карман жена. Она сказала, что это на счастье.

Вышинский: И когда это было?

Розенгольц: За несколько месяцев до моего ареста.

Вышинский: И в течение нескольких месяцев вы носили это "счастье" в вашем кармане?

Розенгольц: Я забыл об этом, не обращал на это внимания.

Вышинский: Вы видели, что делает ваша жена?

Розенгольц: Я очень спешил.

Вышинский: Вам сказали, что это семейный талисман на память?

Розенгольц: Что-то в этом роде.

Вышинский: И вы согласились носить с собою талисман? У меня больше нет вопросов.⁶⁴

Как уже было отмечено, главным, хоть и не объявленным в качестве такового обвиняемым на московских процессах был Троцкий — и не фигурально, а буквально: ему заочно был вынесен смертный приговор.

Троцкий был профессиональным революционером и, в качестве такового, всегда был готов к покушению, сознавал, что многие не пожалеют своей жизни, чтобы убить его. С момента

начала его соперничества со Сталиным он знал также, *кто* упорнее и целеустремленнее других будет искать его смерти. Предчувствие говорило ему, что рано или поздно он будет убит. Впрочем, то же говорил и простой здравый смысл: неограниченные финансовые возможности и наличие фанатических приверженцев во всех концах света делали Сталина всемогущим.

Похоже, что Троцкий примирился с мыслью о том, что умрет не своей смертью. Таков, во всяком случае, тон его дневниковой записи от 7 февраля 1935 года: как о простом факте, он сообщает, что вскоре, по-видимому, будет убит агентами Сталина или Гитлера.

Гораздо любопытнее, что Троцкий, казалось, знал и самый способ, которым будет убит. 28 декабря 1938 года, уезжая из Норвегии, он записывает в своем дневнике, что Сталин "пытается ударить не по идеям своего оппонента, а по его черепу". Но, возможно, и сам Троцкий был недалек от сталинского образа мыслей, когда находился у власти; во всяком случае кажется, что он имел в виду скорее идеологического противника, чем солдата неприятельской армии, когда 30 октября 1917 года писал в "Известиях": "Врагу следует знать, что в любой момент на его череп может обрушиться железный прут."

Должно быть, у судьбы — своя ирония, свои правила мести. Во время неудачных покушений на Троцкого в него стреляли, а убит он был с помощью холодного оружия. Хотя его дом в Кайоакане, в Мексике, тщательно охранялся, Троцкий погиб дома: сталинский агент ударил его по голове альпинистским ледорубом. Это произошло 20 августа 1940 года.

Г л а в а 13

СИОНИЗМ — "ТРАГИЧЕСКИЙ МИРАЖ"

На усилия евреев, направленные на восстановление национального государства, да еще в Палестине, Троцкий смотрел как на реакционную утопию. Это, кроме того, был взгляд постороннего наблюдателя. У Троцкого была своя земля обетованная, своя историческая родина — мировая революция. Лозунг евсекции — "в этом году — революция здесь, в будущем — во всем мире", который она рекомендовала евреям взамен традиционного "в будущем году в Иерусалиме" — был и лозунгом Троцкого.

"У пролетария нет родины", гласит марксизм; в бесклассовом обществе государство постепенно отомрет. Поэтому национальные государства казались Троцкому, с юности впитавшему марксистскую аксиоматику, искусственными и устаревшими. В своей работе "Война и интернационал", написанной в Цюрихе в самом начале первой мировой войны, Троцкий утверждает: "В современной исторической ситуации пролетариат заинтересован не в защите анахронической национальной отчизны, а в создании новой, более мощной и устойчивой отчизны, республики Соединенных Штатов Европы как первоосновы Соединенных Штатов Мира."

Русская социал-демократическая школа не принимала сионизма идеологически и тактически. Единственная лобовая атака на сионизм в "Искре" была предпринята Троцким (о ней речь впереди), косвенных же нападок (как в старой, ленинской, так и в новой, меньшевистской "Искре") было немало, но все они делались вскользь, походя: сионизм представлялся явлением незначительным, периферийным. Почти все, что сказано социал-демократами о сионизме, так или иначе связано с внутривнутрипартийными спорами: с походом российских интернационалистов против Бунда, против его программы самоопределения, культурной автономии, федеративного статуса. В высшей степени характерно, что русская социал-демократия почти отождествляла Бунд с сионистами, в то время как для самого Бунда сионисты были врагом номер один. Бунд считал, что сионизм пы-

тается оторвать еврейского рабочего в России от настоящей борьбы за свои права у себя дома и вместо этого сулит несбыточный вздор о водворении в Палестине. Как ни пытался Бунд толковать товарищам по РСДРП, что он во всем противоположен сионистам, успеха это не имело.⁶⁵

И большевики, и меньшевики признавали лишь одну разницу между Бундом и сионистами: выбор территории. Ленин утверждал, что евреи — не народ, ибо не имеют ни общей территории, ни общего языка. В самом ближайшем будущем их ждет полная ассимиляция. Утверждение, что евреи — народ, — не просто ошибочно: это вредная, реакционная и, по существу, сионистская идея.⁶⁶

Здесь Ленин в точности следовал Карлу Каутскому, с его насмешками над поборниками "всемирного гетто" в Палестине. "Еврей вовсе не мечтает о возвращении в гетто," писал Каутский. Что до русского еврейства, то оно, по Каутскому, должно уповать на русскую революцию или, на худой конец, на эмиграцию в Англию или Америку. Палестина для него мала, крестьянином еврей не станет, да и промышленности на библейских воспоминаниях не создашь.

Плеханов относился к сионистам лучше, чем к Бунду, которому не мог простить его "пролетарского ханжества". Свое отношение к этим двум еврейским движениям он изложил в 1905 году в интервью В. Жаботинскому. Плеханов сказал, что не верит в сионизм не потому, что он нереализуем, а потому, что он не решит еврейских проблем. Палестина не сумеет абсорбировать всех евреев. Она не сумеет защитить евреев от антисемитизма, как Либерия не спасла североамериканских негров от линчевания. Мы, продолжал Плеханов, жители страны, где сейчас живет большинство евреев, не станем ни принуждать их покинуть нашу страну, ни остаться в ней навсегда. Решение еврейского вопроса невозможно при существующем общественном строе. Что до бундовцев, то я, подчеркивает Плеханов, неоднократно говорил им, что они просто сионисты, боящиеся морской болезни.

Такова была база, на которой формировалось отношение Троцкого к сионизму. С одной стороны, Плеханов, с другой — сами бундовцы, чью литературу Троцкий штудировал, чтобы бороться с ними, — создали у его поверхностное и превратное представление о сионизме. Не веря в сионизм, Троцкий не проявлял к

нему большого интереса, однако не упускал случая выказать свое пренебрежение к этому движению и его адептам.

В начале XX века индифферентная к социализму Швейцария становится перекрестком европейских революционных сил. Первый президент Израиля Хаим Вейцман, будучи еще студентом, наблюдал там Плеханова, Ленина и Троцкого. В последнем он отмечает его высокомерие, но все трое, по его словам, в одинаковой мере презирали всякого еврея, равнодушного к судьбе своего народа, воодушевленного любовью к его истории и культуре. "Они не могли понять, почему еврей в России хочет чем-то отличаться от русского по рождению. В интересе еврея к судьбам еврейства, в желании разделить эту судьбу они видели шовинизм, т.е. нечто отсталое, интеллектуально и морально постыдное."

В августе 1903 года, после окончания 2-го съезда РСДРП в Лондоне, Троцкий приезжает в Швейцарию. Как раз в это время там проходил VI Сионистский конгресс, знаменовавший вершину деятельности Теодора Герцля. Сионистская организация только что приобрела международный статус. О подготовке конгресса много писалось в мировой прессе. Троцкий заинтересовался происходящим, чему, возможно, способствовали его бундовские противники, с которыми он водил знакомство; он даже выразил желание присутствовать на заседаниях конгресса.⁶⁷ Известно также, что в числе множества тогдашних изданий различных толков, пространно — и часто с пониманием — писавших о конгрессе, Троцкий читал и сионистскую газету "Ди Вельт".

Между тем сионизм находился на перепутье — чтобы не сказать в кризисе. Рассматривался Угандийский проект. Джозеф Чемберлен, британский министр колоний, официально предложил Герцлю восточноафриканскую территорию для осуществления его планов. Герцль и его друг и соратник Макс Нордау склонялись к тому, чтобы принять это предложение, оговорив, что Уганда — временное прибежище для евреев, спасающихся от восточно-европейских погромов. Наоборот, российские сионисты категорически настаивали на Палестине. (О том, как были накалены страсти, свидетельствует то, что сторонники палестинского варианта даже покушались на жизнь Нордау.⁶⁸) Движение было на грани раскола. Оно и расколосось бы, вероятно, окончательно, не сделай Герцль примирительного жеста в сторону "палестинофилов". На одном из заседаний он подошел к тому

месту, где они группировались, и произнес перед ними знаменитый стих из 136-го псалма: "Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя!" Это была клятва верности вековой мечте евреев о возвращении в землю предков. Она несколько смягчила даже самых резких из его противников... Меньше чем через год после конгресса, в июле 1904 года, Герцль умер, оставив созданное им движение в состоянии разброда.

Враждебные партии злорадствовали, твердили о разложении и банкротстве сионизма. Лидеры Бунда Абрамович и Медем присутствовали на VI Конгрессе в качестве неофициальных наблюдателей. Медему было поручено написать специальную брошюру о кризисе сионизма. Ее вывод и заключительный тезис: сионизму пришел конец.

Откликнулся на актуальную тему и Троцкий. Его единственная статья о сионизме — "Разложение сионизма и его возможные преемники" — появилась без подписи, в "Искре" от 1 января 1904 года. Он начинает там, где Медем закончил: "Последний сионистский конгресс был демонстрацией бессилия. Люди съехались со всего света, чтобы громогласно заявить: 'Мы исчерпали себя. Мы израсходовали все фонды доверия к нашей деятельности. Мы не имеем ничего впереди.' Султан приласкал г. Герцля (впрочем: кто это видел?), может быть, он приласкает его еще раз — а дальше?" Переговоры Герцля с правительствами (с английским королем Эдуардом VII, с Чемберленом) представляются Троцкому пустой тратой времени, Угандийский проект кажется ему вздором, фикцией. А вот что Троцкий думал о Герцле: "Ему не в первый раз ходатайствовать перед князьями мира сего за 'свой' народ. Этот беззастенчивый авантюрист все еще пожинал на Базельском конгрессе бурные рукоплескания. На съезде представителей 'еврейского народа' не нашлось ни одной руки, которая занесла бы бич негодования над этой отвратительной фигурой... истерические рыдания романтиков Сиона, огласившие в известный момент зал заседаний: 'Герцль обещал Палестину и не дал ее', свидетельствуют о жалком положении сионизма."

По Троцкому, "поход Герцля в Африку" есть "военная (или, скорее, коммерческая) диверсия", "дьявольское коварство", "бесстыдство", "дипломатическая вороватость". "...г. Герцль может еще некоторое время прицениваться к тому или иному отечеству; десятки интриганов и сотни простаков еще могут

поддерживать его авантюры, но сионизм как движение уже приговорен к лишению всех прав — на будущее. Это ясно как полдень.”

Принимая общий анализ Медема о поражении сионизма, указывая на его быстро приближающееся политическое банкротство, Троцкий концентрирует внимание не на мысли бундовского лидера о том, что еврейская буржуазия изыщет для себя, после крушения сионизма, новые реакционные формы отвлечения рабочего класса от его целей (“будут новые враги и новая борьба”), а на выгодах краха сионизма для социал-демократии. Он пишет: “...разочарование в сионизме означает также потерю веры в исход из ‘Египта черты оседлости’ при помощи забега с черного хода; толкаемая в оппозицию сапогом самодержавно-полицейского угнетения, вынуждаемая к нелегальным методам самообороны правительственной практикой кишиневских и гомельских событий, — бывшая левая сионизма будет неизбежно двигаться в революционные ряды. Современная национальная позиция Бунда, оторвавшегося от партии, облегчает этот процесс. Армия Бунда станет пополняться теми, в ком только что цитированный автор [Медем] хочет почему-то непременно видеть ‘будущих врагов’. Почему же? Они могут стать и добрыми друзьями... Остается только спросить: способен ли Бунд безболезненно ассимилировать демократическое крыло отчаявшихся сионистов? И мы боимся, что на этот коренной вопрос нельзя ответить утвердительно.”

Итак, Бунд — предполагаемый наследник развалившегося движения. Правда, продолжает Троцкий, некоторым это может показаться абсурдом: “Разве публицисты Бунда не разоблачали реакционный характер сионизма? Разве Бунд не ведет с этим течением ожесточенной борьбы? Разве имя Бунда не вызывает у доброго сиониста припадок бешенства? Все это совершенно верно. Но дело в том, что именно внутренняя логика этой самой борьбы с сионизмом и вливала национальное содержание в политическую агитацию Бунда. Политическая борьба чаще всего бывает в то же время политической конкуренцией, в которой многому научаются у врага. Находясь в атмосфере повышенного национального самочувствия, имея самодержавие перед собой и сионизм за собой, Бунд должен был настаивать на том, что именно он представляет подлинные национальные интересы еврейских масс. Став на эту почву, он оказался не в силах

установить настоящее соотношение между национальным и классовым моментами.”

Троцкий заканчивает свою статью следующими словами: ”Да, публицист Бунда [Медем] прав: сионизм не исчезнет, не оставив преемника. Но этим преемником может оказаться Всеобщий рабочий союз в Литве, Польше и России”, т.е. Бунд.

В последующие годы интерес Троцкого к сионизму, и без того невысокий, еще более ослабевает. Он даже не пытался выяснить, в какой мере оправдался его прогноз. Нет указаний на то, что Троцкий заметил декларацию Бальфура в ноябре 1917 года.

О чем Троцкий знал наверняка, так это о травле сионизма со стороны евсекции. Последняя требовала ликвидации всех сионистских объединений России. На своей третьей конференции в июле 1920 года евсекция заявила, что ”нет абсолютно никаких оснований для осторожности в выступлениях против сионизма... необходимо положить конец нерешительности в официальном отношении к сионистской партии вообще, и ко всем ее культурным и экономическим учреждениям”. Комфорбанд (объединение еврейских коммунистов на Украине) тоже жаловался на удивительную терпимость к сионистам.

Ввиду постоянного давления со стороны еврейских коммунистов сионистская организация послала во ВЦИК меморандум с требованием легального статуса. Таковой был ей предоставлен резолюцией от 21 июня 1920 года. Резолюция ВЦИК гласила: ”Поскольку ни один из декретов ВЦИК или Совнаркома не объявил сионистскую партию контрреволюционной и поскольку культурная и воспитательная деятельность сионистских организаций не противоречит решениям коммунистической партии, президиум ВЦИК указывает всем советским организациям не мешать сионистской партии в ее деятельности.”

Роль Троцкого в бурных дискуссиях той поры не вполне ясна, но она не могла быть велика. Когда в августе 1924 года сионистская социалистическая партия обратилась к советскому руководству (где Троцкому принадлежало столь видное место), требуя признания в качестве внеправительственной политической силы, ответа вообще не последовало.

Делегация недавних бундовцев, а теперь ведущих еврейских коммунистов, посетила Троцкого сразу после назначения его наркомом. Они выражали готовность начать массированную атаку

на сионизм. В наркомате, сказали делегаты, хранятся документы П.Н. Милюкова, министра иностранных дел Временного правительства: он вел переписку с сионистами и по поводу сионизма; эта переписка поможет нам в нашей борьбе. Троцкий, однако, не дал им рыться в архивах наркомата, заявив, что сионизм его нисколько не интересует.

Нет сведений и об участии Троцкого в палестинских резолюциях Коминтерна. Первая резолюция, принятая на II съезде Коминтерна в 1920 году, осудила сионистскую деятельность в Палестине. Она была принята, главным образом, по настоянию новообращенных большевиков типа Эстер Фрумкиной, звавшей к бескомпромиссной борьбе против изолгавшегося сионизма. Когда же в 1924 году компартия Палестины присоединилась к Коминтерну, Карл Радек, заведовавший в нем ближневосточным отделом, призвал ее стать партией арабских рабочих и принимать в свои ряды лишь тех евреев, которые укоренились в Палестине и владеют арабским языком.

Изменение советской политики в отношении Палестины и ее компартии наметилось вслед за арабскими беспорядками в августе 1929 года. Палестинский вопрос горячо обсуждался на специальном заседании Коминтерна. При определении природы резни евреев арабами члены исполкома разошлись во мнениях. Был ли это просто бандитизм, следствие религиозного подстрекательства, — или же проявление настоящей "национально-революционной борьбы"? Казалось, что к единому мнению не прийти, обе точки зрения имели почти равное число сторонников. Однако резолюция все-таки состоялась, и она констатировала наличие классовой борьбы в патриархальном арабском обществе. На ее принятии особенно упорно настаивал Сталин. Другим, косвенным указанием на близкое изменение политики Кремля стала заметка в берлинской коммунистической газете "Роте Фане" в том же 1929 году. В ней вторая по численности (после советской) компартия назвала эти беспорядки антиимпериалистическим восстанием. О том, что арабы убивали евреев, не упоминалось.

Изменение в политике повлекло за собой изменение в тактике. Национальный состав компартии Палестины не нравился Сталину. Палестинский коммунизм, настаивал Сталин, не должен быть еврейским делом. Коминтерн принял решение об арабизации компартии — и в этой последней произошел раскол. К

этому времени Троцкий был уже изгнан из Советского Союза, и часть еврейских коммунистов, из слепой лояльности Москве, была тут же объявлена троцкистами в идишистской газете "Фор-ойс" и выдворена из палестинской компартии. Подавив оппозицию дома, Сталин принялся наводить порядок за границей.

Интерес Троцкого к Палестине никогда не был глубок. Теперь, в новых для бывшего наркома обстоятельствах, он несколько интенсифицируется к концу 1929 года; но из-за недостатка информации (или по каким-то другим причинам) Троцкий так никогда и не овладел вопросом. Его отношение к сионизму в целом не изменилось. 9 февраля 1932 года он писал: "Я, разумеется, противник сионизма и всех других видов самоизоляции еврейских рабочих."

Троцкий не понимал природы арабских беспорядков. Когда спустя примерно три года после погромов, редактор нью-йоркской газеты "Унзер Кампф" Лазарь Клинг просил его высказаться о резне арабами учащих семинарий (ешибот) в Хевроне, Троцкий признал в письме от 7 августа: "Касаясь Вашего вопроса о событиях в Палестине, я сейчас только собираю материал. В частности, я сейчас жду прибытия одного американца-марксиста из Палестины. Т. Натан также посылает мне ценные материалы. Это даст мне возможность более определенно высказаться о движении 1929 года и уяснить себе, в какой мере и в каких пропорциях арабское национально-освободительное (антиимпериалистическое) движение было соединено с реакционно-исламским и с еврейско-погромным. Думаю, что все эти элементы были налицо."⁶⁹

В 1934 году Троцкий как будто бы заинтересовался еврейским рабочим движением в Палестине. Об этом сообщает Герш Мендль, один из ведущих польских троцкистов в тридцатые годы. При посредстве сына Троцкого Льва Седова он встречался с Троцким в Париже летом 1934 года. В конце длинной дискуссии о том, имеет ли режим Пилсудского все признаки фашизма или же это просто бонапартизм, Троцкий вдруг спросил своего собеседника, есть ли у него информация о еврейском рабочем движении в Палестине. Захваченный этим вопросом врасплох, Мендль не знал, что ответить. Тогда Троцкий просил Мендля специально собирать для него материалы об этом.

Мендль настаивает, что это был не единственный случай проявления Троцким интереса к еврейскому вопросу. В 1929

году, пишет он, Троцкий рекомендовал парижским еврейским троцкистам установить связь с еврейскими рабочими в Палестине⁷⁰. В начале Второй мировой войны, продолжает Мендль, Троцкий заявил даже, что евреи имеют право на свою страну.

Мендль пишет: "Надо принять во внимание тот факт, что в то время сталинисты оправдывали еврейские погромы в Палестине, объявляли их революционной освободительной борьбой; что Советский Союз удерживал в Москве оказавшихся там еврейских коммунистов из Палестины — под тем предлогом, что Палестина — арабская страна, и евреям там нечего делать, а движением должны руководить арабы. Тогда-то Троцкий и стал интересоваться еврейским рабочим движением в Палестине. Это был смелый шаг, вполне соответствовавший характеру Троцкого."⁷¹

Но больше всего в эти годы занимало Троцкого положение немецких евреев. Он ясно видел, что в охваченной национализмом Европе 1930-х годов для евреев нет места. Он еще сомневался, возможно ли "восстановление евреев как нации", подчеркивал (с использованием любимой марксистами фразеологии, где обязательно фигурируют "массы"), что "создание территориальной базы для евреев в Палестине или в какой-либо другой стране мыслимо лишь в случае миграции больших человеческих масс"; он еще не отступает от марксистской схемы, — но теперь и в его словах, и в его тоне слышится гораздо больше реализма.

Любопытно следующее. Прекрасно понимая, что полностью свободных территорий на земле нет и что любое осуществление национального очага для евреев обязательно будет означать, что какой-то другой народ должен потесниться, Троцкий не усматривает в этом трагедии. Святость национальных границ кажется ему вздором. Нет такой вещи на нашей планете, говорит он, чтобы один имел больше прав на землю, чем другой.

Прибыв в январе 1937 году в Мексику, Троцкий дал несколько интервью, в которых говорил и о своем отношении к еврейскому вопросу. Переоценка ценностей была налицо; она отражала изменение ситуации в мире, мимо которой Троцкий не прошел слепо. Он сознавал, что с приходом к власти Гитлера положение европейского еврейства радикально изменилось. Троцкому хватило мужества признать, что прежде он ошибался. В

молодости, отмечает в этих интервью Троцкий, я склонялся к мысли, что евреи разных стран ассимилируются, и что тем самым еврейский вопрос исчезнет сам собою. Историческое развитие в течение последней четверти века не подтвердило этого взгляда. Загнивание капитализма всюду выражается в форме усиления национализма, одна из сторон которого — антисемитизм. Еврейский вопрос наиболее сильно обозначился в самой развитой капиталистической стране Европы, в Германии.

Троцкий по-прежнему не допускал мысли, что еврейский вопрос может быть решен в рамках капиталистической системы. Но на ассимиляцию, как на процесс самороспуска еврейства, которому можно ввернуть проблему и забыть о ней, он уже не полагается. Темпы ассимиляции, сравнительно с днями его молодости, резко сократились; но и останься они прежними, они не могли бы тягаться с темпами такого повального сумасшествия, как нацизм. Для примирения реальности и схемы марксисту необходим был паллиатив, — и для Троцкого им становится *территориализм*. Евреи разных стран, констатирует он, создали свою печать, приспособили идиш к нуждам современной культуры. Следовательно, приходится допустить, что еврейский народ сохранится в нашу эпоху.

Если словосочетание "еврейский народ" не было случайной оговоркой, то позиция Троцкого изменилась не на шутку. Это был, по меньшей мере, резкий отход от традиций русской социал-демократии, а то и от марксизма.

Сионизм он продолжает отрицать скорее по инерции, а также и потому, что "конфликт между арабами и евреями приобретает в Палестине все более трагический характер". Сионистская мечта неосуществима, в особенности — в рамках загнивающего капитализма, под контролем британского империализма. Территориализм — возможен. Еврейский народ будет существовать еще долго, а народ не может развиваться нормально без своей территории. Из этой мысли, заключает Троцкий, и возник в свое время сионизм.

Троцкий выдвигает новый лозунг, никогда прежде не занимавший умы марксистов: переселение. Он даже называет его "великой исторической перспективой". Разумеется, переселение ни в коей мере не будет насильственным, а возможным оно станет единственно при социализме. Куда тут делась перспектива братской семьи народов, которые счастливы жить в друж-

бе, смешении и слиянии? — Не ясно. Но, продолжает Троцкий, рассеянные евреи, которые пожелают собраться в общину, найдут достаточно обширное и богатое место под солнцем.⁷² Та же возможность откроется и перед арабами и другими рассеянными народами. Итак, работать в пользу международного социализма — значит работать для решения еврейского вопроса.

Здесь Троцкий говорит о будущем, между тем желание евреев собраться в одну общину (в Палестину) было современным ему фактом, обнаруженным задолго до этих его слов. В конце концов желание это передалось и "евреям молчания", советским евреям, которые после Шестидневной войны начинают не в единичном, а в массовом порядке бороться за выезд в молодое еврейское государство.

В июне 1937 года Троцкого посетила видная сионистка-социалистка, будущая заместительница председателя израильского Кнесета, Бэба Идельсон. Она приняла участие в пресс-конференции в резиденции знаменитого мексиканского живописца Диего Риверы, а затем долго беседовала с Троцким. Она вспоминает:

"Я рассказала ему, кто я такая, упомянула, что была изгнана из России как сионистка-социалистка. Если его это интересует, предложила я, я могу рассказать о Палестине. Троцкий поднялся из кресла, попросил меня подождать немного и вскоре вернулся с женой. Он представил меня ей и попросил приступить к рассказу. Он хотел знать о положении дел в Палестине и был рад случаю услышать о нем из уст человека, живущего там.

У меня не было чувства, что я говорю с чужим. Мне представлялось, что передо мной еврей-скиталец, человек без родины. Это приближало меня к нему, рождало уверенность, что мой рассказ обращен к человеку, способному меня понять. Я несколько раз прерывала мой рассказ вопросом: уверен ли он, что у него нет дел более важных, не навязчив ли мой рассказ; он всякий раз просил меня продолжать, попутно что-то записывая. Наконец, он начал спрашивать. Сколько евреев в Палестине? где они живут — только ли в городах? Ряд вопросов касался киббуцов и Гистадрута [объединения еврейских профсоюзов]. Удастся ли нам работать в согласии с работодателями в рамках сионистской организации? как мы привозим евреев в Палестину и как они вступают в нашу партию? как воспитывается наше мо-

лодое поколение и на каком языке оно говорит? Он попросил сказать несколько фраз на иврите и улыбнулся, услышав, как они звучат. Несколько слов он записал, среди них — Гистадрут, названия партий, географические названия; записал также имена сионистских лидеров. Он, это было видно, спрашивал о совершенно неизвестной ему стране, и мне казалось, что развернувшиеся перед ним перспективы захватили его мысли и сердце.

Беседа продолжалась почти три часа. Мой рассказ о нашей борьбе за еврейскую иммиграцию погрузил его в глубокую задумчивость. Я сказала: 'Вот страна, готовая принять вас; быть может, и вы приедете в Палестину?' Я почувствовала, как мурашки прошли по его спине. Но он справился с собой и спросил уже спокойно: 'А вы не побоитесь принять меня?' Я ответила: 'Нет, мы не побоимся, наша идея — сильнее страха перед любым человеком, даже таким, как вы.' Троцкий поднялся, подошел ко мне, пожал мне руку и сказал: 'Спасибо. Я давно не чувствовал себя так хорошо. Но вы должны знать, что у меня есть друзья во всем мире, и мы не отреклись от наших взглядов, хоть меня и отвергли Сталин и его опричники. И моих друзей тоже преследуют.' Я ответила, что его преследуемые друзья живут в своих странах, а у него нет пристанища, ибо он еврей. Троцкий кивнул.

Мы завтракали вместе. Его жена не проявляла интереса к разговору. Время от времени она задавала ему незначащие вопросы, он отвечал односложно, как если бы хотел отвязаться, и снова спрашивал меня о Палестине. Особенно его интересовали наши отношения с нашими арабскими соседями. Он спросил, есть ли коммунисты в Палестине и почему они не уезжают в Россию вместо того, чтобы жить в сионистской стране. Он хотел знать также, легальна ли коммунистическая партия, велика ли она. Когда я сказала, что среди создателей киббуцов (Троцкий называл их коммунами) нет коммунистов, он усмехнувшись, бросил: 'В России их тоже нет.' Его очень интересовало положение женщин в Палестине. Он задал мне и личный вопрос: как я попала в Мексику, какова моя миссия. Он показал мне свою библиотеку, которая занимала целый зал и состояла из книг на разных языках; я заметила, что он очень привязан к этой его единственной собственности в изгнании. Я спросила его: 'Если вам придется покинуть Мексику

ку, что вы сделаете с этой библиотекой? не хотите ли передать ее в Палестину?'

Когда после завтрака мы возобновили беседу, он внимательно выслушал рассказ о культурной работе в нашей стране, о библиотеках в каждом селении, о Национальной библиотеке в Иерусалиме, о печати на иврите. Не могу вспомнить всех его вопросов — но не могу и забыть, как внимательно слушал он о наших детях-сабрах, об их любви к родине. Я видела, что мои слова проникли в его сердце, что он был рад услышать о мире, с которым добровольно порвал. Я видела перед собой не человека, который возвысился над всем национальным, а человека, тронутого нашей великой идеей.

Прощаясь, Троцкий просил меня не обнародовать ни факта нашей встречи, ни содержания нашей беседы: 'Пусть это останется между нами. Иначе — меня поймут неправильно. Меня обвинят в сокрытии чуждых взглядов, или даже в симпатии к сионизму.' Я обещала ему это — и сдержала слово, промолчав девятнадцать лет."

Итак, и в самом конце жизни Троцкий не принимал сионизма, не понял его народного характера. В молодости он не хотел углубляться в еврейскую историю и традицию, не чувствовал вековой жажды национального избавления, неразрывно связанной в народной душе с землей Израиля. Когда же в 1930-е годы интерес к сионизму шевельнулся в нем, ему чаще всего приходилось довольствоваться неполной и тенденциозной информацией. Искаженную информацию поставляли ему, вероятно, и те, кто жил в Палестине и принадлежал к левой оппозиции или симпатизировал ей.⁷³

Троцкий обладал даром политического прозрения, но этот дар изменил ему в вопросе о сионизме. Под британским мандатом, — это понимал не он один, — сионизм не осуществит своих целей. Возможность же ухода Великобритании из стран Ближнего Востока он, вероятно, вовсе не рассматривал. И не мудро! Соединенное Королевство все еще оставалось самой могущественной державой планеты (США перехватят лидерство лишь после Второй мировой войны). Черчилль еще не произнес своей знаменитой фразы, что ведь не затем же его назначили премьер-министром правительства ее величества, чтобы возглавить ликвидацию империи. Британия все еще "правила над волнами", и казалось, что к странам вокруг Суэцкого канала ее

привязывают интересы столь насущные, что она никогда не захочет ими поступиться. Так говорил здравый смысл. Но люди, возродившие Израиль, руководствовались чем-то отличным от здравого смысла.

И все же нам кажется вполне правдоподобной мысль, что доживи Троцкий до провозглашения Израиля, он мог бы принять сионизм. Работа в этом направлении совершалась в нем.

Отметим еще один любопытный нюанс. Приняв принцип территориализма, Троцкий одновременно сделал шаг в сторону принятия ленинской-сталинской доктрины о построении социализма в одной отдельно взятой стране. Его высказывания в печати в последние годы жизни можно истолковать в том смысле, что мировая революция может быть обойдена и даже социализм может быть построен постепенно, шаг за шагом. Место в будущем социалистическом обществе займут не совсем ясно очерченные "изменяющиеся национальности". В этой складной картинке, думается, могло бы найтись место и для сионизма.

Однако Троцкому предстояла еще одна метаморфоза. В последние три года его жизни положение еврейских поселенцев в Палестине значительно ухудшилось. Англичане вводили всё новые и новые декреты и ограничения, в том числе на въезд, — и как раз тогда, когда европейское еврейство стояло на пороге нацистских газовых камер. "Белая книга" 1939 года и правила продажи земли (февраль 1940 года), казалось, нанесли смертельный удар сионистской мечте. Троцкому, наблюдавшему за ходом событий из-за океана, показалось, что дело сионизма проиграно окончательно.

Примерно за месяц до своего убийства он практически вернулся к своей старой позиции; в июле 1940 года он писал, что попытка разрешить еврейскую проблему путем переселения евреев в Палестину выродилась теперь в трагическое издевательство над еврейским народом. Британское правительство, больше заинтересованное в завоевании симпатий арабов, которые многочисленнее евреев, резко изменило свою политику в отношении евреев и, по существу, отказалось от своего обещания помочь им обосноваться в чужой стране. "Будущее развитие военных событий может с легкостью превратить Палестину в кровавую ловушку для нескольких сот тысяч евреев. Никогда не было так ясно, как сегодня, что спасение евреев неразрывно связано со свержением капиталистического строя."

Жан Яфе, корреспондент одного из еврейских изданий, посетивший дом Троцкого сразу после убийства, сообщает, что в столе покойного была найдена пачка писем — корреспонденция Троцкого с Палестиной и в связи с Палестиной. Часть писем была на иврите, часть — на идише; в той же пачке находился еврейский календарь. "Нельзя понять, — пишет Яфе, — зачем эта пачка находилась в рабочем столе Троцкого, — если не предположить, что он занимался ею в самое последнее время. Обычно все сколько-нибудь важные бумаги находились в его кабинете не дольше, чем это было необходимо для перевода и копирования, после чего они немедленно отправлялись в архив."

Тот же Яфе пишет, что незадолго до убийства Троцкого Еврейский университет в Иерусалиме попросил у марксиста-изгнанника автограф. Троцкий несколько раз упоминал об этой просьбе, но времени выполнить ее так и не нашел.

В целом, несмотря на видимые колебания и по временам обнаруживаемую симпатию к сионизму (или то, что сейчас нам кажется симпатией), Троцкий все же не принял сионизма и не понял его жизнеспособности. До самой смерти он смотрел на сионизм как на никуда не ведущий "трагический мираж".

БИРОБИДЖАН — "БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ФАРС"

В предыдущей главе мы видели, как под влиянием хода мировой истории мысль Троцкого круто ушла в сторону от марксистских шаблонов и остановилась на утверждении территориализма. Но нельзя не видеть, что территориализм означает — по меньшей мере — слабую степень национализма. Итак, пламенный интернационалист, десятилетиями твердивший о необходимости разрушения национальных государств (это был лозунг и IV Интернационала), об отсутствии родины для пролетариев; утверждавший, что марксистское понимание национального вопроса вошло ему в плоть и кровь, — уступил. Можно себе представить, что сказала бы об этой уступке его единомышленница Роза Люксембург, доживи она до этих дней.⁷⁴ Впрочем, и сам "ранний Троцкий" назвал бы, несомненно, "позднего Троцкого" ренегатом. Отмирание государства, ставшего анахронизмом; реакционность лозунга национальной обороны в загнивающей Европе; единая родина трудящихся, охватывающая весь мир, и вдруг — отдельные территории для национальных меньшинств, пожелавших собраться в общины, в том числе и для евреев, которые, по Каутскому, социальная секта, а не народ!

Справедливости ради отметим, что утверждение территориализма носило у Троцкого скорее тактический, чем теоретический характер. Мировая революция медлила, нацизм, явившийся вместо нее, наоборот, спешил. Евреи Германии, США и Аргентины продолжали упорствовать в своей национальной солидарности, их нееврейское окружение — упорствовало в неприязни к ним. В Германии эта неприязнь в любую минуту могла обернуться десятками тысяч жертв — о миллионах, вероятно, не думал и Троцкий, в числе первых предчувствовавший Катастрофу. Речь у Троцкого шла о временном национальном убежище для евреев.

Когда в 1930-е годы Троцкий пришел к мысли о территориализме, он уже не имел никакого влияния в Советском Союзе. Однако там тоже думали в этом направлении, а некоторые скло-

нялись к этой мысли и раньше. Еще при жизни Ленина, в 1923 году, рассматривался проект поселить евреев в Крыму и на юге Украины с предоставлением им некоторой автономии. Еврейские сторонники проекта полагали, что таким образом может развиваться еврейская республика, которая в итоге получит те же права в рамках советской федерации, что и другие номинально суверенные нации.

Крымский проект тут же нашел преданных и энергичных проводников. Среди них выделялся Абрам Брагин, заметный в ту пору коммунистический функционер. Он представил правительству подробный, разработанный в деталях план, распространявшийся на обширную территорию, включая Одессу и Николаев. Старые еврейские поселения, доказывал Брагин, имеют на этой территории мощную традицию и могли бы быть образцом для подражания. Можно рассчитывать на поддержку Джойнта.

План произвел на советское правительство некоторое впечатление. Уже взвешивались и проверялись ожидаемые экономические выгоды, как вдруг обнаружилась мощная оппозиция проекту. Во-первых, возражали зарубежные евреи. Нечего и говорить, что для сионистов был неприемлем любой территориализм, кроме палестинского. Ортодоксы и, в меньшей мере, реформисты не хотели этнически еврейской области с атеизмом в качестве официальной религии.

Гораздо важнее была оппозиция внутренняя. Евсекция объявила крымскому проекту войну: он прямо противоречил ее цели наискорейшей ассимиляции евреев. Но возможно, что даже не ожесточенное сопротивление евсекции определило судьбу проекта, а тривиальный, часто подспудный антисемитизм. Почему Крым, оазис Средиземноморья в России, с уникальной природой и амальфийскими пейзажами — отдавать евреям? Почему евреям всегда достается все самое лучшее?

Для нас важно, что по сохранившимся косвенным свидетельствам Троцкий был против крымского проекта — на том основании, что в еврейской автономной области, которая не может быть сплошь заселена евреями, вспыхнет антисемитизм, а это даст пищу для антисоветской пропаганды в соседних средиземноморских странах.

Крымский проект был похоронен. В 1926 году его место занял проект дальневосточный. На этот раз евреям сулили земли вдоль реки Биры, левого притока Амура. Там и возник

впоследствии город Биробиджан, центр Еврейской автономной области.

Горячим сторонником проекта становится М.И. Калинин, номинальный глава СССР в 1919—1946 гг. (он последовательно возглавлял Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (1919-1922), Центральный Исполнительный Комитет (1922-1938) и Верховный Совет СССР (1938-1946), — так изменялось название высшего органа государственной власти СССР). Вышедший из рабоче-крестьянской среды, Калинин был прост умом и привычками, не властолюбив, покладист, — и потому всем удобен. Сколь-нибудь ощутимой политической властью он не обладал, однако и его пост, и его революционное прошлое, вместе с невысокомерной, товарищеской манерой общения, создали ему некое подобие моральной власти, закреплённой в характерном прозвище "всероссийский староста".

Калинин в качестве заступника евреев часто приводил в смущение руководителей евсекции. Не слишком заботясь о доктринальной чистоте, он говорил о евреях как о народе, высоко развитом в социальном и политическом отношении в результате длительной борьбы за выживание; о том, что и евреям причитается место в братской семье советских народов. Отмечают, что однажды, выступая перед делегатами второй конференции евсекции, Калинин начал говорить о погромах — и не смог закончить своей речи, заплакал. Делегатам первой конференции ОЗЕТ (Общества по земельному устройству трудящихся евреев) Калинин сказал (17 ноября 1926), что Советский Союз должен стать родиной для еврейских масс — в десять раз более подлинной родиной, чем любая буржуазная Палестина.

Официально Биробиджан был отдан под еврейскую колонизацию 28 марта 1928 года; 7 мая 1934 года он был объявлен Еврейской автономной областью.

Еврейский мир принял Биробиджан со смешанным чувством. Оживленно обсуждались скрытые мотивы Сталина. Некоторые считали, что это типичная советская показуха, рассчитанная на евреев и либералов за границей. Другие видели тут способ покончить со старым врагом — сионизмом: часть евреев, дорожащих традицией, уедет на Дальний Восток, прочие ассимилируются. Могла тут присутствовать и старая, еще царским самодержавием проводившаяся мысль о привлечении евреев к полезному труду; в новых обстоятельствах она означала попытку

отвлечения евреев от университетов и других городских интеллектуальных занятий, где они составляли сильную конкуренцию "коренному населению". Уход евреев из европейской России, из университетов и министерств, мог бы, думали многие, ослабить антисемитизм, постоянно подогреваемый борьбой за власть в политбюро.

Но, конечно, основной идеей биробиджанского проекта, идеей, сделавшей его реальностью, была необходимость экономического развития этой малонаселенной, полудикой области, имеющей, к тому же, большое стратегическое значение. Область должна была стать своего рода буфером против поднимающей голову Японии.

Левые круги в США приветствовали Еврейскую автономную область. 2 июня 1934 года, на многолюдном митинге в Медисон-Сквер Гарден, писатель Рувен Брайнин заявил: "Я благодарю судьбу за счастье жить в тот великий час, когда советское правительство официально объявило Биробиджан Еврейской автономной областью." Хаим Житловский, один из видных социалистов-революционеров, сказал в связи с образованием ЕАО, что большевистская революция в огромной степени усилила процесс национального становления всех народов России; будучи территориалистом, он заявил, что "нормальная еврейская жизнь" имеет беспрецедентные шансы на развитие как в Биробиджане, так и в Палестине.

В Биробиджане жизнь и в самом деле развивалась беспрецедентно — если в качестве прецедентов брать европейский и американский опыт. Евреи съехались — с Украины и из тогда еще независимой Литвы, из России, из Южной Америки и Европы, даже из Палестины. К 1931 году еврейское население Биробиджана достигает своего максимума: 35 тысяч человек. Природа края оказалась сурова; леса были хищнически вырублены, дорог не было; лучшие земли вдоль Амура издавна принадлежали русским казакам. Тем не менее переселенцы не унывали; еврейские безработные с Украины и еврейские идеалисты из США с одинаковым энтузиазмом принялись осваивать область.

Но едва наметились первые успехи — пришла полоса знаменитых советских репрессий 1930-х годов. Как ни свирепствовали чекисты в столицах, кажется, что в Биробиджане они превзошли самих себя. В период ежовщины (1936—1938) три следовавшие одна за другой администрации Биробиджана были практи-

чески полностью уничтожены. Среди рядовых колонистов уничтожили всех троцкистов, почти всех иностранцев (в частности, членов коммуны Икор, основанной рабочими-интернационалистами неподалеку от легендарной Волочаевки), множество беспартийных и вообще ни к чему, кроме сельского хозяйства, не причастных людей. В середине 1937 года Александр Трояновский, советский посол в Вашингтоне, уведомил представителей Амбиджана (американского еврейского общества помощи Биробиджану, собиравшего, в частности, деньги на перевозку в Биробиджан евреев из других стран), что в Биробиджане, среди тамошних евреев, обнаружена обширная японская шпионская сеть, и поэтому перевоз евреев в ЕАО должен быть прекращен.

В том же 1937 году Лион Фейхтвангер, ни разу не посетивший Биробиджана, заявил: "Теперь уже никто не может отрицать, что наиболее трудная часть работы завершена, и утопия стала реальностью: еврейская социалистическая республика Биробиджан существует."

Конечно, не республика (советские союзные республики являются номинально независимыми государствами), а Еврейская автономная область, действительно, стала и продолжает быть административной реальностью. На середину 1980-х годов евреев в ней — не более 11 тысяч из общего населения в 203 тысячи человек.

Во время публичного обсуждения вопроса о Биробиджане, предложенного и начатого речью Калинина, Троцкому было не до периферийных дел: все его силы поглощала последняя схватка со Сталиным. В момент утверждения проекта ЕАО в марте 1928 года Троцкий уже около двух месяцев находился в ссылке, в Алма-Ате.

Первая известная реакция Троцкого на Биробиджан относится уже ко времени изгнания; она зафиксирована в его письме Лазарю Клингу от 28 января 1934, где Троцкий пишет: "Что касается Биробиджана, то судьба его связана со всей дальнейшей судьбой Советского Союза. Дело здесь идет во всяком случае не о разрешении еврейского вопроса в целом, а лишь о попытке его разрешения для известной части евреев, живущих в СССР. Еврейский вопрос, вследствие всей исторической судьбы еврейства, интернационален. Он не может быть разрешен посредством 'социализма в отдельной стране'. Еврейские рабочие могут и должны в условиях нынешних гнуснейших и подлей-

ших антисемитских преследований и погромов черпать революционную гордость в сознании того, что судьба еврейского народа может быть разрешена только полной и окончательной победой пролетариата.”

Несколько месяцев спустя Троцкому представился случай развить свое отношение к ЕАО. В парижскую редакцию “Бюллетеня оппозиции” из России пришел запрос от группы “левых”, предположительно еврейских, оппозиционеров-подпольщиков, подписанный прозрачным псевдонимом Икслагор (при прочтении справа налево — Рогальский). Отвечая на него, Троцкий писал в октябре 1934 года: “Относительно письма Икслагора: утверждение, что Биробиджан — это левый сионизм, кажется мне совершенно неправильным. Сионизм оттягивает рабочих от классовой борьбы при помощи неосуществимых надежд на еврейское государство в капиталистических условиях. Но рабочее правительство обязано создать для евреев, как и для любого другого народа, наилучшие условия для культурного развития. Это означает, среди прочего: предоставить тем евреям, которые желают иметь собственные школы, собственную печать, собственный театр и т.д., отдельную территорию для самоуправления и развития. Международный пролетариат будет действовать таким же образом, когда он станет хозяином всего земного шара. В области национального вопроса не должно быть ограничений: напротив, должна быть обширная материальная помощь культурным нуждам всех национальностей и этнических групп. Если же та или иная национальная группа обречена на исчезновение (в национальном отношении), это должно произойти как естественный процесс, а не как результат территориальных, экономических или административных трудностей.”

Мы видим, как разительно изменились взгляды Троцкого — почти до своей противоположности. Соглашаясь признать за русскими евреями имя народа и предоставить им статус этнической группы, Троцкий по существу отходит на позиции Бунда, против которого с таким ожесточением сражался на 2-м съезде РСДРП в 1903 году. Во всяком случае, фундаментальные положения Отто Бауэра и Карла Каутского отринуты полностью. (Возможно, первое движение в сторону такой позиции началось у Троцкого давно, еще в годы спора между Сталиным и Лениным по грузинскому вопросу, поставившим отношения между этим двумя лидерами на самую грань разрыва.)

Публикация ответа Троцкого в "Бюллетене оппозиции" задерживалась, и еврейская оппозиционная группа в СССР прислала еще одно письмо с повторением прежнего вопроса о ЕАО и с новым вопросом: присоединятся ли к Обществу по земельному устройству еврейских трудящихся (ОЗЕТу). На это второе письмо ответ в "Бюллетене" появился за подписью Шварца (псевдоним сына Троцкого, Льва Седова). Седов писал, что задержка с ответом вызвана тем, что "мы работаем в особенно трудных условиях", в первую же очередь это относится к тому, чей "авторитетный ответ мы хотели вам дать". (Троцкий жил тогда во Франции, в Барбизоне или Сен-Пале.) Что до ОЗЕТа, то "мы не можем пока высказать наше мнение из-за скудости информации".

По прибытии в Мексику в январе 1937 года Троцкий говорит (в интервью для печати) о Биробиджане более неопределенно, подчеркивает личный характер своего отношения к этому предприятию. С районом, отмечает Троцкий, он не знаком; условий, в которых там поселили евреев, он не знает. В любом случае это не более чем локальный эксперимент. СССР не в состоянии в одиночку решить еврейский вопрос, будь эта страна даже более социалистической, чем она есть сейчас. Еврейский вопрос неразрывно связан со всеобщим освобождением человечества. Все прочее, что делается в этой области, — паллиативы, при том часто обоюдоострые, как показывает пример Палестины.

В другом интервью (2 апреля 1937 года, газете "Джуиш дейли форвард") перед Троцким был поставлен вопрос, является ли Биробиджан частью советской программы по укреплению Дальнего Востока на случай войны с Японией — или же это искренняя попытка создать еврейскую автономную республику. Троцкий ответил, что имело место и то, и другое, добавив, что при "бонапартистском" режиме (так он определяет сталинский социализм) есть опасность, что Биробиджан деградирует в своего рода советское гетто.

В статье "Термидор и антисемитизм", законченной 22 февраля 1937 года, Троцкий в целом, хоть и с некоторыми оговорками, поддерживает идею ЕАО. Меня обвиняют, пишет он, в желании создать для евреев новое гетто. Однако вся моя жизнь прошла вне еврейских кругов, я всегда работал с русским пролетариатом, мой родной язык — русский, я даже не выучился читать на идише. Поэтому, продолжает он, еврейский вопрос

никогда не был в центре моего внимания. Но это не значит, что я должен быть слеп и не замечать еврейского вопроса, который существует и требует решения. Друзья СССР довольны созданием Биробиджана. Как любое сталинское предприятие, Биробиджан не может не отражать общих для системы пороков бюрократического деспотизма. Но ни один прогрессивно мыслящий человек не станет возражать против того, что СССР выделяет территорию для своих граждан, чувствующих себя евреями, предпочитающих говорить по-еврейски и жить компактной национальной общиной. Гетто ли это? В рабоче-крестьянской демократии, при добровольном переселении — не может быть и речи о гетто. Будущая всемирная социалистическая федерация должна будет создать нечто подобное для тех евреев, которые желают иметь свою автономную республику для развития собственной культуры. Социалистическая демократия не прибегнет к насильственной ассимиляции. Возможно, через два-три поколения границы независимой еврейской республики, как и границы многих других национальных районов, исчезнут. У меня, продолжает Троцкий, нет ни времени, ни желания размышлять об этом. Наши потомки разберутся в этом лучше нас. Я имею в виду переходный исторический период, когда еврейский вопрос все еще будет давать о себе знать и потребует каких-то мер от всемирной федерации рабочих государств. Те самые меры, которые при загнивающем капитализме имеют утопический и реакционный смысл, при социализме приобретут смысл реальный и благородный. Как может марксист или хотя бы последовательный демократ оспаривать это? — Так видит Троцкий проблему ЕАО в феврале 1937 года.

Любопытно, что сходным образом с еврейской проблемой (и почти одновременно с нею, в последний год своей жизни) Троцкий ставит и проблему украинскую — и решает ее в том же ключе: необходимо создать действительно независимую республику, свободную рабоче-крестьянскую советскую Украину, — притом не обязательно в составе СССР. Нам, пишет Троцкий, чуждо фанатическое преклонение перед государственными границами — как и представление о единой и неделимой России. В дальнейшем, возможно, Украина и составит федерацию с Россией, но на основах полного равноправия и сугубо добровольно.

Итак, в 1937—1938 годах Троцкий, "марксист и последовательный демократ", стоял за территориальное решение ев-

рейского вопроса в СССР — по крайней мере, в теории; что же до практики, то сталинский проект Биробиджана и его осуществление он, по мере накопления информации, не одобрял все решительнее и под конец определил его как бюрократический фарс.

Г л а в а 15 В РОЛИ ЕВРЕЙСКОЙ КАССАНДРЫ

Троцкий обладал даром политического предвидения. Сейчас не просто воссоздать атмосферу Европы конца 1930-х годов; не просто, например, поверить, что после Мюнхенского соглашения о разделе Чехословакии (в сентябре 1938 года) Европа благодушествовала, слушая заверения английского премьера Н. Чемберлена о всеобщем и прочном мире. Троцкий оказался дальновиднее многих; он ясно понимал, что означает приход Гитлера к власти. Он предвидел Катастрофу европейского еврейства.

Очередная мировая война представлялась Троцкому неизбежной. В статье "Национал-социализм Гитлера", написанной еще в 1934 году, он прямо утверждает, что дата новой европейской катастрофы определится временем, необходимым Германии для вооружения, что это не вопрос месяцев, но и не вопрос десятилетий. Если внутренние силы самой Германии не остановят Гитлера, предрекает Троцкий, через несколько лет Европа снова будет охвачена войной.

Нацизм Троцкий считал воплощением отчаяния мелкой буржуазии. Класс чуть ниже среднего обычно пассивен и склоняется к консерватизму, но в годы национальных бедствий и унижений (а именно это переживала Германия после Версальского договора 1919 года, в период так называемой Великой депрессии) он превращается в люмпен-пролетариат, беспокойный и готовый ко взрыву. В каждом мелком буржуа, говорил Троцкий, есть нечто от Гитлера в смысле фанатизма и бешенства.

Небывалый подъем антисемитизма в Германии тоже был, по Троцкому, "сумасшествием среднего класса", которому нужен козел отпущения. Поклоняясь капитализму в целом, мелкий буржуа объявляет войну злему духу прибыли в лице польского еврея в длинном лапсердаке, у которого обычно нет и гроша в кармане; погром становится высшим доказательством расового превосходства.

Троцкий видел приближение военно-шовинистического взрыва в Германии — и призывал к действию. Он полагал, что если

всевозможные рабочие движения объединятся, то еще есть время остановить нацизм. Он критиковал немецкую коммунистическую партию, которая, по указке Коминтерна, т.е. Кремля, отказывалась от сотрудничества с социал-демократами даже перед лицом столь страшного общего врага, — хотя расхождения между партиями на данном этапе не шли дальше тактических. Откладывать сражение с Гитлером до тех пор, пока он наберет силу, чтобы разом покончить с ним (была и такая концепция), — опасная слепота, писал Троцкий. Это — сдача без боя. Времени упущено много, но спасение есть, и оно — в создании объединенного рабочего фронта, в подготовке к неизбежной гражданской войне.

В апреле 1932 года, в канун прихода Гитлера к власти, мысль Троцкого приняла рискованное направление: он считал, что необходимо провести частичную мобилизацию Красной Армии — для демонстрации готовности ее к борьбе с нацизмом. Коммунистическая печать тотчас заклемила его как поджигателя войны, пытающегося ради своих эгоистических целей столкнуть две великих державы, посорить Советский Союз с Германией.⁷⁵

Нацисты всегда считали Троцкого своим заклятым врагом, живым воплощением "еврейского большевизма". Когда в 1929 году, сразу после его изгнания из СССР, Троцкий попросил у правительства Германии (еще не нацистского) визу на постоянное жительство, нацистская пресса накинулась на него с понятным остервенением. "Иллюстриртер Беобахтер" от 9 февраля 1929 года поместила фотографию Троцкого со следующей подписью: "Троцкий, советско-еврейская кровавая собака, желает годы своего изгнания провести в Берлине. Нам придется в оба смотреть за этим еврейским мошенником и убийцей."⁷⁶

После прихода Гитлера к власти Троцкий не мог или не хотел выдвинуть конкретный план его свержения. Движение за экономический бойкот нацистской Германии, возникшее в США, не нашло у него прямой поддержки. Он настаивал на том, что проблема сложна, что ее радикальное решение возможно лишь изнутри, силами самих немцев, что внутренние противоречия гитлеровского режима в самом ближайшем будущем разрешатся выходом в войну или в революцию.

Триумф Гитлера в Германии изменил отношение Троцкого к еврейскому вопросу — и Троцкий открыто признал это. Теперь, говорил он, появилась необходимость в пусть временом и не-

полном (полным будет лишь повсеместное установление социализма), но быстрым решении еврейского вопроса, ибо над евреями нависла смертельная опасность. Отсюда — половинчатый территориализм Троцкого, который мы уже обсудили: евреи могут и должны иметь свое государство или территорию — беда лишь в том, что Палестина и Биробиджан, хоть и по разным причинам, не годятся на эту роль.

”Весь мусор международной политической мысли заполнил духовную сокровищницу неогерманского мессианства.” Геноцид надвигается, ”низшие расы” ожидает уничтожение.⁷⁷ Гитлеризм — течение не рациональное, а мистическое: недаром такое значение отводится в нем символам и ритуалам. — Всё это с блестящей убедительностью Троцкий говорил благодушествующей Европе.

Еврейский журналист, беседовавший с Троцким осенью 1938 года, сразу после Мюнхенского соглашения, рассказывает, что возник вопрос о возможной войне с Германией. Услышав, что ранняя, превентивная война (пока Гитлер не успел закончить перевооружение) может послужить человечеству, предупреждая гораздо большие жертвы, Троцкий задумчиво ответил: ”Не говорите о войне с такой легкостью. Вам, евреям [на этот раз себя к евреям он не относит], уж во всяком случае не следует молиться о войне... Не забывайте, что между Вартой и Волгой живут семь миллионов евреев; в будущей войне они будут уничтожены первыми.”

Предчувствие катастрофы слышится в словах, написанных Троцким в письме к одному из его американских друзей 22 декабря 1938 года. Преподобный Кафлин⁷⁸ пишет Троцкий, заявил по радио, что я получал огромные деньги от американской еврейской буржуазии — на нужды революции. Я уже возразил в печати на эту ложь. Я не получал никаких денег, и, конечно, не потому, что отклонил финансовую поддержку делу революции, а потому, что еврейская буржуазия верна принципу не давать, — даже теперь, когда ее собственная судьба поставлена на карту. Задыхаясь в противоречиях, капитализм направляет свою ярость на евреев, при этом часть ударов приходится и на еврейскую буржуазию, несмотря на все ее прежние услуги капитализму. Усилия филантропически настроенных индивидуумов становятся все менее эффективными на фоне гигантских бедствий, обрушившихся на еврейский народ.

Теперь, продолжает Троцкий, очередь Франции. Победа фашизма в этой стране означала бы резкое усиление реакции и чудовищный рост антисемитизма во всем мире, прежде всего в Соединенных Штатах. Число стран, изгоняющих евреев, все время растет. Число стран, готовых их принять, уменьшается. Борьба обостряется. Легко вообразить себе, что ожидает евреев с началом будущей мировой войны. Но даже без войны подобное развитие мировой реакции почти наверное ведет к физическому уничтожению евреев.

Палестина представляется Троцкому трагическим миражем, Биробиджан — бюрократическим фарсом. Кремль отказывается принять беженцев. Антифашистские конгрессы старых дам и молодых карьеристов не имеют ни малейшего значения. Теперь, говорит Троцкий, больше чем когда-либо судьба еврейского народа, не только политическая, но и физическая судьба, неразрывно связана с борьбой за освобождение международного пролетариата. Только решительная мобилизация рабочих против сил реакции, создание рабочих милиций, физическое сопротивление фашистским молодчикам, мужественное сопротивление всех угнетенных — могут вызвать изменение в соотношении сил, остановить всемирную волну фашизма, открыть новую главу в истории человечества.

Троцкий настаивает, что созданный им IV Интернационал первым заявил об опасности фашизма и указал путь к спасению; что этот форум призывает еврейские народные массы не обманывать себя и с открытыми глазами встретить угрожающую реальность. Спасение — только в революционной борьбе... Прогрессивные и дальновидные силы еврейского народа должны, говорит Троцкий, прийти на помощь авангарду революции. Время не ждет. День теперь равен месяцу, а то и году.

В сентябре 1938 года, в Париже, состоялась конференция IV Интернационала. Программу для нее написал Троцкий. В этой программе говорится: "Прежде, чем измотать человечество и утопить его в крови, капитализм должен отравить атмосферу человечества ядовитыми парами национальной и расовой ненависти. Сегодня антисемитизм — одна из самых отвратительных конвульсий капитализма. Бескомпромиссное разоблачение корней расовых предрассудков, всех форм и оттенков национального высокомерия и шовинизма, особенно — антисемитизма, дол-

жно стать частью повседневной работы всех секций Четвертого Интернационала.”

В преддверии Катастрофы, под давлением реальности, Троцкий ощущал потребность в обновлении своего теоретического инструментария, работал в этом направлении. Чистый интернационализм времен его молодости оказался неприложим к ситуации 1930-х годов, и Троцкий уступил здравому смыслу, смирился с известной формой еврейского национализма, принял концепцию территориализма. Все это было, повторим, лишь тактической уступкой, отсрочкой на пути к мировой революции и всеобщему слиянию; однако по марксистскому обыкновению всякой тактической уступке полагалось придать форму теоретического тезиса. Так Ленин, едва открылась дорога к власти, выдвинул, противореча Марксу, идею социализма в отдельно взятой стране. Так и Троцкий, когда ему представился всемирный погром, перед которым меркнут подвиги казаков Хмельницкого, заговорил о еврейском социалистическом государстве как составной части мировой социалистической федерации. К чему пришел бы он, если бы ему довелось пережить Вторую мировую войну, увидеть непредставимое в своем ужасе осуществление самых страшных своих пророчеств?

Он уже произнес слова, почти неотличимые от слов его заклятых врагов-бундовцев; можно допустить, что на очереди были слова, которые с таким воодушевлением произносили другие его неприятели, сионисты-социалисты.

Г л а в а 16 В ГОРНИЛЕ ИСТОРИИ

И автобиография Троцкого, и воспоминания людей, хорошо его знавших (например, его друга доктора Г.А.Зива), свидетельствуют о ярко выраженных и с юности заявивших о себе идеалистических наклонностях коммунистического лидера. Мы видели, что еще ребенком, в имении отца, он самозабвенно защищает слабых — крестьян, батраков. Отсюда его ранняя симпатия к народничеству и народникам, продолжавшаяся, впрочем, не долго. Народничество как преломление русской общинной крестьянской утопии, с ее славянофильством и чувством наследственной вины перед трудовым народом, могло лишь поверхностно задеть радикально настроенного отпрыска трудящегося еврея. Горизонты тут были узки.

В поисках настоящего дела и настоящей веры Троцкий, как и очень многие в его поколении, пришел к марксизму. Здесь — было где развернуться. Модная теория давала уже не локальное (русское), но общечеловеческое, универсальное поприще, общий и по видимости строго научный подход к коренному разрешению всех проклятых вопросов человечества. Не только наука, но, казалось, и самая логика истории была на стороне Маркса: социализм наступит, хотя бы того обыватели или нет. Наступит царство (или, точнее, братство) справедливости и равенства, эксплуатация человека человеком отойдет в прошлое как кошмарный сон.

И так же точно, как опыт народничества не годился, ибо был попыткой частного решения частной проблемы, так не годился и многовековой опыт гонимого и преследуемого еврейства. Заступник гонимых должен знать и об угнетенном русском крестьянстве, и о униженном и подавленном еврействе, и тому и другому народу было что сказать в пользу нового, справедливого устройства мира, — но когда в твоих руках находится ключ к решению всех проблем сразу, когда гордиев узел можно разрубить, и меч уже занесен, — смешно и странно унижаться до частных. Антисемитизм исчезнет при первом

луче зари нового мира, и эта заря уже занимается.

Поэтому-то Троцкий и сбрасывает с себя "ярмо еврейской традиции". Войдя в РСДРП, он тут же — и вполне искренне — поверил, что его еврейство — не более чем факт рождения, за которым ничего не стоит; он, Бронштейн-Троцкий, мог родиться в любом народе — и выйти из него, как он вышел из евреев. Помимо теории — реальной основой для такого отношения к себе служило Троцкому его детство, проведенное на хуторе. Он и в самом деле чувствовал себя неевреем рядом с такими марксистами как Аксельрод и Мартов.

Но Троцкий пытался совершить невозможное. Жизнь оказалась сильнее, чем марксистское умствование. Честный эксперимент, состоявший в попытке полностью отрешиться от национального, эксперимент всей жизни Троцкого, — дал отрицательный результат.

Прежде всего, решительно все, кого жизнь прямо или косвенно свела с Троцким, помнили о его еврействе, — и хуже того: сам Троцкий всегда, в каждое мгновение своей частной и особенно общественной жизни, помнил, что об этом помнят. Иначе говоря, это был стандартный "еврейский комплекс".

В итоге — мы пытались показать это на протяжении предыдущих глав — Троцкий никогда не умел реагировать на еврейские проблемы вполне объективно, вполне последовательно. Порою он вдруг вспоминал, что он еврей по рождению, и смело выставлял этот факт как аргумент в споре, слегка изменяя тем самым марксистской доктрине. Иногда, в своей *научной* и вполне марксистской борьбе с антисемитизмом и погромами (а этой борьбе он не изменял никогда), Троцкий невольно обнаруживал чрезмерную для теоретика интернационализма страсть. В особенности — когда понял (произошло это уже сильно после полудня, на закате его административного могущества), что антисемитизм не является только болезнью гбнущего класса эксплуататоров.

На словах Троцкий решительно отмежевывался от какой-либо формы солидарности или общей ответственности с евреями. Но мы помним, что пост комиссара внутренних дел, предложенный ему Лениным, он отклонил, сославшись на свое еврейское происхождение. Он чувствовал, что если ему поручат возглавить борьбу с контрреволюцией, то это не только даст лишний козырь в руки сопротивления ("главный палач — жид"), но будет

дорого стоить и его бывшим соплеменникам. Правда, он тут же, не совсем последовательно, принял пост комиссара по военным и морским делам, пост более ответственный и не менее кровавый, а затем — и пост председателя Реввоенсовета, — так что в итоге большевистское правительство все равно оказалось в глазах контрреволюции еврейским, и евреев, в том числе и религиозных, все равно убивали в отместку большевикам. На выбор Троцкого, несомненно, повлияло то, что он чувствовал разницу между армией и тайной полицией; с открытым врагом он хотел сражаться открыто.

Троцкий поддержал предложение о создании еврейских подразделений в Красной Армии, настаивал на уменьшении числа еврейских комиссаров и увеличении числа еврейских красноармейцев, — всё это, разумеется, в первую очередь для пользы дела, но, мы полагаем, и не без мысли о том, чтобы оградить евреев от новой клеветы и погромов.

Пока политическая карьера Троцкого шла в гору, любая форма еврейской автономии казалась ему вредной утопией. Равенство, предоставленное евреям Временным правительством в марте 1917 года (а это было полное равенство, с отменой всех семисот(!) ограничений, узаконенных царским режимом) казалось ему иллюзорным именно потому, что открывало возможности для культурной автономии. В ту пору его идеей была полная ассимиляция.

Космополитический принцип *ibe bene, ibi patria* (где хорошо, там и родина), казалось бы, выдуманый римлянами специально для евреев, не срабатывал в чем-то главном. Евреям — это неоднократно случалось в истории — бывало по временам хорошо в разных странах, но ни одну из них они не хотели считать родиной. Не хотели те из евреев, кто дорожил этим своим родовым именем. В каждом поколении, каждому народу платили евреи неизбежную дань ассимиляции, — но как народ ассимилироваться не хотели. Поскольку же гонения и несчастья из века в век, от страны к стране оставались неизменным уделом евреев, то доброжелатели из евреев и неевреев и полагали, что лучший выход из положения — самороспуск этого странного народа, ассимиляция. Что ассимиляция не произошла прежде, так это потому, что наши предки в чем-то были глупее нас, подвержены предрассудкам, которые наше время устранило. — Примерно так шла мысль поборников прогресса в нача-

ле XX века; примерно так мог (в душе, в какой-то момент своего становления) рассуждать и Троцкий.

Водоразделом в жизни Троцкого в его отношении к еврейскому вопросу становится, как мы видели, 1932 год, когда Троцкий уверился, что Гитлер серьезен и как политическая фигура, и как реальная угроза физическому существованию евреев. Тут Троцкий отступил (или сделал шаг вперед, смотря по точке отсчета) и признал целесообразность еврейской автономии и принцип территориализма. Еврейский народ (это крамольное словосочетание Троцкий примет позже, в 1937 году, но трактовать евреев как народ он начал на рубеже 1930-х) не обязательно должен становиться первой жертвой на алтаре служения светлomu будущему, — между тем реакция почему-то целит в первую очередь именно в евреев. Нет ничего реакционного в попытках евреев уцелеть в самом прямом смысле этого слова — до той поры, когда осуществится марксистская мечта бесклассового общества, и расовая неприязнь навсегда исчезнет.

Для страстного, самозабвенного интернационалиста, каковым был со дней своей юности Троцкий, это было много. Но совершенный им теоретический вираж не находил никакой практической опоры: и Биробиджан, и Палестина были одинаково (хоть и по разным причинам) неприемлемы для него.

В судьбе Троцкого поражает то, что изумительная политическая прозорливость (относительно близящейся Катастрофы европейского еврейства) спокойно уживалась в нем с политической же близорукостью (в его оценке перспектив сионизма). Но контраст этот перестает быть столь уж разительным, если рассмотреть его в контексте еврейской истории и традиции. Троцкий был нов для России — но не для еврейства. По темпераменту, по душевному складу этот материалист и гонитель религий был типичным еврейским идеалистом, религиозным фанатиком, пророком (или лже-пророком), издавна известным в еврействе. Скольких людей этого типа выдвинул древний народ? сколько из них сделались прямыми или косвенными гонителями своих недавних единоверцев и соплеменников? — счет им потеряян в веках...

Троцкий не вернулся к евреям, не отдал борьбе за счастье евреев какого-либо предпочтения перед борьбой за счастье любого другого народа, — но возвращение не было для него заказано. Евреи за долгую свою историю приучились не отвергать с порога даже тех из своих выходцев, кто с порога отвергает все еврейское, не считает себя евреем, не хочет слышать этого имени. Приучились брать и нести ответственность за них, не желающих знать никакой ответственности за евреев. Приучились не спешить со словами: враг народа, предатель, ренегат...

Но в другом, в фигуральном, в трагическом и одновременно пародийном смысле, Троцкий все же вернулся к евреям. Бывший в высшей своей точке символом и воплощением большевизма (явления, вопреки многим недобросовестным писателям, совсем не еврейского), он к концу жизни невольно становится символом национальным — символом многовекового изгнания еврейского народа, современным Агасфером, Вечным Жидом-скитальцем.

Конец его был трагичен. Сочувствовавшая Троцкому оппозиция в СССР была физически уничтожена, имя его — предано проклятью, срослось в понимании черни с представлением о предательстве, низости, враждебной чуждости; с какой-то невыразимой, метафизической, трансцендентальной гадостью, — лучше всего обрисованной Оруэллом в романе "1984", где глава оппозиции Эммануил Гольдштейн списан с Троцкого. Возглавляемый Троцким IV Интернационал не оправдывал надежд своего лидера. Самая идея, которой он служил, — столь несомненная, столь воодушевляющая в начале века, — начала меркнуть, терять свою привлекательность. Она не была уже незапятнанночиста: ей во славу пролились потоки невинной крови, ею возвышались властолюбивые негодяи.

Жизнь изгнанника была тяжела. Мир, говорил Троцкий, стал для меня "планетой без визы". В канун убийства он, не часто терявший присутствие духа и бодрость, находился в подавленном состоянии. Свою судьбу, как было отмечено, он знал, — не знал только даты. При всем том мужество не изменило ему до конца, и жизнь свою он никогда и в мыслях не считал трагедией.

И это понятно. Ведь он никогда не изменил мечте своей

юности, никогда не усомнился в мессианском царстве пролетариата, на пороге которого стоит человечество. Собственная жизнь мало значила для него вне его идеи, его служения, — и ему, вождю и пророку, не страшно было умирать: ведь он уже подвел свой народ к границе земли обетованной, выполнил возложенный на него нечеловеческий труд. В конце концов, что значит жизнь одного еврея перед всемирным, окончательным и бесповоротным счастьем всего человечества?

ПРИМЕЧАНИЯ

По переписи 1897 года число евреев в Российской империи равнялось 5189400, т.е. составляло 4.13% от всего населения. (Lucien Wolf, ed., *The Legal Suffering of the Jews in Russia*, with the introduction by Prof. A.V.Dicey, London, 1912.) В канун первой мировой войны численность евреев в Европе приближалась к семи миллионам. (*American Jewish Year Book*, 5678, Philadelphia, 1917.)

Г.А.Зив. "Троцкий: Характеристика по личным воспоминаниям", Нью-Йорк, 1921, стр. 62-63. — Эта биография проливает много света на индивидуальность Троцкого. Доктор Зив был близким другом молодого Троцкого, впоследствии превратившимся в его врага. Тем не менее его рассказ кажется объективным. Большинство приведенного материала основано на сообщениях очевидцев. Книга Зива была первой биографией Троцкого, она появилась примерно за восемь лет до издания автобиографии Троцкого "Моя жизнь", — и в этой последней не оспорен ни один из приведенных Зивом фактов. Троцкий, однако, не упоминает фамилии Зива в автобиографии, предпочитая говорить о нем как об "одном американском враче". Зив и в самом деле оказывал Троцкому медицинскую помощь. Троцкий был подвержен кратковременным обморокам (унаследованным, как он полагал, от матери); Зив диагностировал их как эпилепсию.

Это было рассказано автору книги Давидом Шубом, биографом Ленина, в июне 1969 года, в Нью-Йорке. В своей автобиографии Троцкий уделил сравнительно мало места своему двух с половиной месячному пребыванию в Нью-Йорке. О "Форварде" ("Форвертсе") он отзывался крайне неслестно. Мы, пишет Троцкий, постепенно проникли в сильную еврейскую федерацию, с ее четырнадцатизэтажным дворцом, из которого ежедневно извергались двести тысяч экземпляров "Форварда", газеты с банальным душком сентиментального обывательского социализма, всегда готовой к предательству.

Мне довелось лично беседовать с Балабановой в Нью-Йорке, в 1952 году. На мой вопрос о причине этого умолчания она прямо призналась, что сведения о ее происхождении не пошли бы на пользу ее деятельности в социалистическом движении.

Мартов рассказывает характерный эпизод, случившийся с ним на экзамене по географии: "Вдруг он обратился ко мне с вопросом: Где стоит наша столица? Я указал ее палкой на карте. 'А прежняя столица?' Указываю и эту. 'А более древняя?' Отмечаю на карте Киев. А еще более древняя? Припомнил, что я читал в детских исторических книгах и отыскал на карте Великий Новгород. Молодец, поощрительно заявляет свирепый мужчина и, обратясь к классу, говорит, подмигивая глазом: 'А я-то думал, что он

укажет на Бердичев.” (Ю.Мартов. ”Записки социал-демократа”, Берлин-Петербург-Москва, 1922, стр. 21, 27, 32, 73.) Экзамен происходил в одной из одесских школ. Не то же ли самое могло наблюдаться и в одесском реальном училище, где учился Лев Бронштейн?

- 6 Вот что пишет Роза Люксембург из тюрьмы своей подруге (Mathilde Wurm) в ответ на ее слова о бедственной судьбе евреев: ”Зачем вы приходите ко мне со своим частным еврейским горем? Я точно так же горюю об индейцах Путамайо и африканских неграх... Возвышенная тишина вечности, в которой остались неслышанными столько криков о помощи, звучит во мне так сильно, что в моем сердце не остается специального уголка для гетто. Я чувствую себя дома всюду, где только есть облака, и птицы и человеческие слезы.” (R.Luxemburg. *Briefe an Freunde*, Hamburg, 1950, pp. 48-49; письмо датировано 16 февраля 1917 года.)
- 7 Шошана Персиц сообщила автору (в 1963 году) любопытный эпизод из детства Троцкого. Имение и сахарный завод Персицев находились в близком соседстве с имением Бронштейнов. В канун осенних еврейских праздников Лев Бронштейн приехал из Одессы в Яновку на школьные каникулы. Как-то утром, когда синагогальный служка будил евреев к молитве покаяния (слихот), встретив молодого Бронштейна на улице, Шошана Персиц, тогда тоже ребенок, спросила его, знает ли он эту молитву. ”Разве кто-либо в селе не знает ее?” — ответил тот вопросом на вопрос, и добавил: ”Но я не люблю ходить в синагогу.”
- 8 Так, например, он часто пользовался словом *фарисеи* в его новозаветном, уничижительном смысле. Хаим Гринберг (Leon Trotsky. *Midstream I*, no. 1, 1959) пишет, что Троцкий ничего толком не знал о фарисеях, притом самому Троцкому как раз не хватало фарисейского духа с его ясным разграничением чистого и нечистого, разрешенного и табу — того, что запрещено безусловно, даже если совершение запрещенного прощается при некоторых обстоятельствах. Когда Троцкому потребовался пример мученичества за убеждения (за веру), он и здесь не обращается к еврейской истории, сплошь состоящей из таких примеров, а ссылается на главу русских церковных раскольников XVII века протопопа Аввакума, сожженного на костре. (См.: *Trotsky's Dairy in Exile, 1935*. Cambridge, Mass., 1958, p. 135.)
- 9 Это дало повод английскому премьеру У.Черчиллю резонерствовать насчет цинизма коммунистического лидера, которого естественные человеческие чувства (родства, благодарности, сострадания) отнюдь не стесняют в его неустанной разрушительной деятельности. (Winston S.Churchill. *Great Contemporaries*. London, 1937, p. 200)
- 10 Что, однако, не уберегло их от трагической участи. Сталин, подобно всем восточным деспотам, не только ни в грош не ставил человеческую индивидуальность и жизнь, но также фанатически верил в ”вину по принадлежности” — и карал родню и друзей своих врагов, действительных и мнимых. Соколовская, обе ее дочери (которых в течение нескольких лет воспитывали

вали родители Троцкого) и оба сына Наталии Седовой пали жертвами его мнительности. Из всей семьи Троцкого по счастливой случайности уцелел только единственный его внук.

- 11 Погром в Николаевском уезде продолжался три дня, однако здесь погромщики столкнулись с хорошо организованной самообороной. (S.M. Dubnow. *History of the Jews in Russia and Poland*. 3 vol. Philadelphia, 1916-1920; 3: 34-35.)
- 12 Эдмунд Зильбернер называет отцом социалистического антисемитизма знаменитого Шарля Фурье (1772—1837), риторически вопрошавшего (в 1808 году): "Разве существовала когда-либо нация более презренная, чем еврей?" Пьер Прудон (1809—1865), предвосхищая сталинскую кампанию травли безродных космополитов, говорил о евреях как о народе бродяг. Михаил Бакунин (1814—1876), страстный революционер и теоретик анархизма, постоянный и активный противник Маркса, полагал, что весь еврейский народ — секта эксплуататоров, народ пиявок, паразит-пожиратель, в своем кровном родстве и круговой поруке простирающийся через национальные границы. Зильбернер указывает на антисемитские настроения на первых двух интернационалах. Глава французских социалистов, ученый-гуманист, борец против милитаризма и колониализма Жан Жорес (1859—1914) — тоже не был свободен от налета антисемитизма, во всяком случае, склонялся к отождествлению капитализма с евреями. Наряду с антисемитизмом с, так сказать, научной, классовой подоплекой, бытовал среди социалистов и антисемитизм примитивный, расовый. Подводя итог своим наблюдениям, Зильбернер философически замечает, что социалистический антисемитизм во всем очень похож на буржуазный и, по-видимому, вызван теми же причинами. (E. Silberman. *The Anti-Semitic Tradition in Modern Socialism*. Jerusalem, 1953, p. 1, 19.)
- 13 Еще в 1908 году, в Германии, Троцкий посещал студенческие землячества с рассказами о деятельности первого Петербургского совета (см. воспоминания Я. Рабиновича: Y. Rabinovich. *Mi-Moskva 'ad Yerushalayim*. Jerusalem, 1957). Большинство студентов были евреи, многие из них — сионисты. Последние обвиняли его в том, что в 1905 году он молчал о погромах; что объявляя всеобщую забастовку, не назвал погромов (как раз в это время разразившихся) в числе вызвавших ее причин. Хотя Троцкий много занимался еврейской самообороной как раз в ту погромную пору, он, выступая перед сионистски настроенной аудиторией в Германии и выслушав ее упрек в равнодушии к избиению евреев, даже не упомянул о своей антипогромной деятельности. По нашему мнению, это — еще одно свидетельство тому, что Троцкий боялся и всеми силами избегал обвинения в отождествлении его универсальной революционной деятельности с национальной борьбой евреев за равноправие.
- 14 Отношения Грузенберга и Троцкого имели любопытное продолжение летом 1917 года. К этому времени роли существенно изменились. Грузенберг, видный член конституционно-демократической партии, был назначен А. Керенским в правительствующий сенат (выполнявший функции верховного суда). Он

поддерживал Временное правительство в его политике продолжения войны, Троцкий же требовал немедленного мира с Германией, осуждал правительство Керенского, говорил о его изменнической пропаганде войны. Оба оказались в числе выступавших на политическом митинге в Александринском театре. В перерыве Троцкий спросил Грузенберга, как тому понравилась его речь. Грузенберг сказал: "За годы вашего пребывания за границей вы ... не утратили своей эрудиции и своего блестящего ораторского таланта. Но как у сенатора — у меня готов для вас каторжный приговор." Троцкий возразил: "Вы хотите исправить ошибку, которую сделали, защищая меня в 1906 году?"

- 15 Об одном из таких случаев сообщала лондонская газета *Jewish Chronical* - июля 1920 года (стр. 13). Два красных комиссара, Думенко и Злоба, устроили погром в Новороссийске силами подчиненных им красноармейцев. Помимо грабежей были и убийства. Троцкий появился на месте и тотчас прекратил погром, но зачинщики-комиссары сумели уйти от ответственности.
- 16 В резолюции, принятой Петроградским советом 2 декабря 1917 года в предложенной Троцким редакции, содержится характерный призыв к "борьбе с пьянством и погромами". Поскольку пьянство издавна ассоциируется в России с весельем (по замечанию древнего князя Владимира, крестившего Киевскую Русь и затем канонизированного православной церковью, "веселие Руси есть пити"), то приходится допустить, что и погромы были делом веселым, чем-то таким, что делало веселие полным. Конечно, такого рода сопоставления вряд ли приходили на ум Троцкому и членам Совета в момент принятия резолюции: для них речь шла о борьбе с полной дезорганизацией фронтов и тыла, о спасении только что установленного режима. (L. Trotsky. *The History of Russian Revolution*. Translated by Max Eastmen. 3 vol. London, 1932; 2: 329.)
- 17 Не только на Троцкого, но и на многих других евреев-социалистов на рубеже XIX и XX веков Лассаль оказал огромное влияние. Уже ему была присуща их амбивалентность, их внутренняя двойственность, конфликт между еврейством и универсализмом. Вот, например, что писал о речи Лассалья перед судом П.Б.Аксельрод: "Этот гордый язык, эта речь, произнесенная евреем к власть имущим... произвели на меня впечатление беспримерного, невиданного зрелища, вызвали во мне восторг и доставили мне глубокое нравственное удовлетворение." (P.B.Akselrod. *Perezhitoe i Peredumannoe*. Berlin, 1923, p. 73. См. также: Leopold H.Haimson. *The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism*. Cambridge, Mass., 1955, pp. 27-28.) Отметим, что русский перевод этой речи Лассалья редактировал Троцкий; он же написал предисловие к переводу.
- 18 Пятнадцатилетним юношей (2 февраля 1840 года) Лассаль записал в своем дневнике: "Я верю, что я — один из лучших существующих ныне евреев, хоть я и не соблюдаю еврейских законов. Как тот еврей из Лейлы" Бульвера, я мог бы рискнуть жизнью, чтобы освободить евреев от их нынешнего несчастья. Я не отступил бы и перед эшафотом, если бы только

мог снова превратить их в уважаемый народ. О, когда я предаюсь моим детским мечтам, моя любимая мысль — видеть себя с мечом в руке во главе евреев, сражающихся за независимость.” (F.Lassalle. *Tagebuch*. Ed. Paul Lindau, Breslau, 1891, pp. 85-86. См. также: E.Silberner. *Ferdinand Lassalle: From Maccabeism to Jewish Anti-Semitism*. Hebrew Union College Annual 24, 1952-1953.)

- 19 Лассаль писал: ”Ужасно слышать и читать об этом, волосы становятся дыбом, любое чувство обращается в гнев. Ужасен народ, терпящий это... Даже христиан удивляет наше безволие, то, что мы не восстаем, не предпочитаем погибнуть на поле брани, вместо того чтобы гибнуть под пыткой... Может ли быть революция справедливее, чем если евреи этого города [Дамаска] восстанут, подожгут его со всех концов, взорвут пороховые склады — и найдут смерть вместе со своими мучителями? Трусливый народ, ты не заслуживаешь лучшей участи! Даже раздавленный червь изворачивается, ты же только покорно склоняешь голову!.. Ты не знаешь, что такое справедливая месть, ... ты рожден для рабства!” (Lassalle. *Tagebuch*, pp. 160—161.)

Мозес Гесс, теоретик социализма и сионизма, бывший соратником Маркса и Энгельса до опубликования ими (в 1848 году) Коммунистического манифеста, тоже нашел свой народ в результате дамаскского кровавого навета. Он писал: ”...однажды, хоть я был далек тогда от еврейства, у меня явилась потребность криком боли выразить мою солидарность с евреями. Это было во время Дамасского дела... Именно когда я был с головой погружен в мою социалистическую деятельность, я снова осознал, что принадлежу к оклеветанному народу, покинутому всем миром, разбросанному по всем странам, но все еще живому... Старые младогегельянцы не могли простить коммунистическому раввину Мозесу его ‘дезертирство от идеи, его ‘отказ от материализма.’” (M.Hess. *Rom and Jerusalem*. Tel Aviv, 1935, pp. 34—36.)

- 20 Например, в октябре 1860 года Лассаль писал Софии Солнцевой: ”Я вижу в них [евреях] лишь выродившихся сыновей великого прошлого. За столетия рабства эти люди приобрели все признаки рабов.” (F.Lassalle. *Une Page d'amour de Ferdinand Lassalle*. Berlin, 1878, pp. 48 ff.)
- 21 Реакция эта была типична для того поколения евреев. Например, другая известная интернационалистка, дочь румынского (впоследствии израильского) раввина, Ана Паукер, услышав в возрасте одиннадцати лет о кишиневском погроме, спросила отца: ”Почему евреи не отбиваются?” (J.L. Teller. *Scapegoat of Revolution*. New York, 1954, p. 164.)
- 22 Вот некоторые из марксовых определений: ”Евреев изгнали из Египта, потому что [все?] они были прокаженными”; евреи — ”самый грязный из всех народов”; они ”размножаются, как вши”, и т.п. Но есть одно удивительное исключение: о евреях Иерусалима Маркс, с видимым сочувствием, пишет, что их бедность и страдания не знают предела (статья называется *The State of Europe*; она была опубликована в *New York Daily Tribune* за 15 апреля 1854 года). Случайная ли это оговорка — или просто перед нами

- фрагмент одного из текстов, которые Энгельс писал по просьбе Маркса от его имени и публиковал за его подписью в этой газете?
- 23 Ленин не был антисемитом, наоборот, высоко ценил евреев и бичевал погромщиков. (См. *Lenin on the Jewish Question*, New York, 1934.) Сохранились всего две фонограммы речей вождя, но размножена и потому доступна населению СССР только одна из них. Все дело в то, что вторая — страстное обличение "средневековых гонений на евреев". На Западе отмечалось, что эта запись не только не была размножена в СССР, но о ней вообще не принято там даже упоминать. Не вспомнили о ней и в год столетия со дня рождения Ленина, помпезно отпразднованный в СССР.
- 24 В 1931 году, используя старый пример в связи с очередной клеветой Сталина, Троцкий писал, что когда Дрейфус был обвинен, и обстоятельства дела еще не выяснились, можно было быть совершенно искренним человеком, демократом, социалистом, противником антисемитизма и т. п., и все-таки допускать, что Дрейфус — шпион. Здесь можно было ошибиться, но *ошибка* в деле Бейлиса была открытым погромным подстрекательством. (*Socialist Appeal*, 2 July 1938) Оба процесса были для Троцкого из числа впечатлений, оставшихся на всю жизнь. Много позже, в автобиографии, он отмечает, что процесс Дрейфуса, достигший своего апогея в 1898 году, "захватил нас своим драматизмом".
- 25 Одним из трагикомических отголосков дела Бейлиса в годы гражданской войны была попытка Веры Чеберяк, оклеветавшей Бейлиса, взобраться на революционную телегу. В 1919 году она подала заявление в коммунистическую партию, но ее вспомнили — и расстреляли. (Об этом см.: Л. Троцкий. Сочинения. Москва—Ленинград, 1925—1927; т. 4: *Политическая хроника*, стр. 628.)
- 26 Эта речь Мартова была впоследствии опубликована Бундом в виде анонимной брошюры под названием "Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения" (Женева, 1900). Мартов был несколько смущен этим, о чем упоминает в своих мемуарах, подчеркивая, что в 1895 году он изменил свои взгляды. (Ю. Мартов. Записки социал-демократа, стр. 245.) О Мартове как о человеке см.: Н. Н. Суханов. Записки о революции. Берлин, 1923.
- 27 Об этом писал студент-сионист А. Хермони в газете *Ха-Зман* (Вильно) 3 ноября 1905 года (N 222). Сам Медем объявил такое цитирование его слов клеветническим. Его версия сказанных им тогда слов такова: "Любое кровопролитие ужасно, но кровь — это смазка, без которой карета истории не движется." (V. Medem. *Fun Mein Liben*. 2 vols. New York, 1923; 2:97) Эта версия подтверждена Джоном Миллем, другим лидером Бунда, присутствовавшим на митинге. (J. Mill. *Pioneren un Boyer*. 2 vols. New York, 1946-1949.) Однако — по злому ли умыслу или случайно — большинство услышало первую версию. Вся еврейская печать России была взбудоражена и вовлечена в спор. Одно из самых гневных обвинений в адрес Бунда произнес известный еврейский историк Семен Дубнов. Евреев, сражающихся за дело русской революции в рядах Бунда и РСДРП, он назвал рабами революции и прислужниками народа, который в дни октябрьских погромов 1905 года

кинулся убивать евреев одновременно в 150 городах и местечках — и не за их политические взгляды, а за их национальность. Для этих рабов революции, пишет Дубнов, погромы — это всего лишь контрреволюция, и — слава павшим за свободу! Но грудные младенцы, женщины и старики, убитые потехи ради, не боролись за свободу, а всего лишь хотели жить. (*Ха-Зман*, 25 ноября 1905 года, №. 241.)

- 28 Медем оставил любопытный портрет молодого Троцкого — каким увидел его на 2-м съезде РСДРП. В своей автобиографии он пишет: "Это был рослый, худой, длинноволосый молодой человек в желтых башмаках. Желтые башмаки особенно привлекли наше внимание: таких в наших кругах тогда не носили. Троцкий был похож на свою сестру (жену Каменева). Правда, она была черноглазой, а его глаза были светлосерыми, — но оба выражением лица напоминали хищную птицу. У него был сильно очерченный рот, большой, кривой, кусающий, наводящий страх... Он обладал острым языком, опережавшим его мысль. К нему подходила русская поговорка о человеке, который ради красного словца не пожалеет родного отца... В последующие годы он очень изменился, созрел, стал более уравновешенным, но язык — остался." (V. Medem. *Fun Mein Leben*. 2 vols. N.Y. 1923; pp. 7-10.)
- 29 См.: Ю. Мартов. Записки социал-демократа. Берлин-Петербург-Москва, 1922. В своих "Воспоминаниях" (Москва, 1926) Н. К. Крупская пишет, что на 2-м съезде Ленин не допускал и мысли, что Троцкий может колебаться между большевизмом и меньшевизмом. По поводу же еврейских дел в этом марксистском собрании отмечено, что никто из делегатов даже не упомянул работу Маркса "Еврейский вопрос", хотя она была бы веским аргументом против автономии Бунда, — все чувствовали, что ее вульгарный антисемитизм окажется здесь не к месту. (L. Shapira. *Ba-Kalahat ha-Rusit*. Jerusalem, 1942)
- 30 Многие мемуаристы отмечают безразличие Троцкого к друзьям, склонность отдаляться от них. Точнее было бы сказать, что у него не было друзей в обычном смысле этого слова (исключая Раковского и Иоффе, с которыми, впрочем, он тоже дружил недолго). Троцкий буквально излучал сознание своего превосходства; на его лице читали уверенность, что он не может тратить время на сентиментальную ерунду. Этот феномен анализирует в своей книге А. Г. Зив. Он пишет, что в душе Троцкого просто нет ни жестокости, ни человечности, вместо них — пустота. Душевное тепло к людям, не связанное с удовлетворением личных нужд, отсутствует в нем. Люди для него — просто особи, сотни, тысячи, сотни тысяч особей, способные питать его властолюбие. Троцкий нравственно слеп. Это врожденный физиологический недостаток, который англичане называют моральным помешательством. Душевный орган симпатии атрофировался у Троцкого в материнском чреве. Сходным образом отзываясь о Троцком его соратник по 2-му съезду А. Мандельберг: "Помню день, когда он был освобожден из тюрьмы [в июле 1917 года]; я зашел в буфет исполкома совета, где делегаты отдыхали и закусывали. Его я нашел сидящим за столиком в одиночестве. Все держались от него подальше. Я почувствовал к нему сострадание. В прошлом мы

были близки: вместе были сосланы в Сибирь, вместе участвовали во 2-м съезде партии, вместе уехали за границу. Я подсел к нему, но тотчас почувствовал, что нас разделяет стена отчуждения. Позже, после заседания, я опять встретил его, на этот раз в коридоре. Я подошел к нему как старый товарищ и в полушутливом-поусерьезном тоне побранил его за то, что из-за воздержания большевиков на вечернем заседании, созванном Керенским, мы не смогли принять решения о прекращении войны, чего все мы хотели. Вместо того, чтобы ответить мне в том же тоне, он стал в позу оратора на публичном митинге и стал произносить громкую речь в сторону делегатов и толпы вокруг нас. Меня это обидело, я отошел и никогда больше не заговаривал с ним.” (A.Mandelberg. *Me-Hayai: Pirkei Zikhronot*. Tel Aviv, 1942.) Другой социал-демократ, знавший Троцкого в Вене, в 1912 году, пишет о том, что будущий большевистский лидер внушал говорящим с ним ”пафос дистанции”, обладал ”холодным блеском глаз за своим пенсне, холодным металлическим тембром голоса, холодной правильностью и отчетливостью речи”. (П.А.Гарви. ”Воспоминания социал-демократа”. New York, 1946.)

- 31 В 1953 году, в Нью-Йорке, в беседе с автором книги, Штейнберг сказал, что во время его пребывания на посту наркома юстиции (т.е. около трех месяцев, до середины марта 1918 года) в Совнарком уже поступали сведения об участии Красной Армии в погромах. Когда он сказал об этом Троцкому, тот заверил Штейнберга, что отдан строгий приказ расправляться с погромщиками беспощадно, кто бы они ни были. Однако на Украине за годы войны было зафиксировано более ста случаев вмешательства красноармейцев в погромы на стороне погромщиков. (См.: Tcherikover Archives, YIVO, New York.)
- 32 Максим Горький, например, был свидетелем разрушения церквей, в котором принимали участие молодые коммунисты-евреи; у наблюдавших такие сцены русских это участие вызывало антисемитские реплики. См.: письмо Горького от 9 мая 1922 года, опубликованное в газете ”Новое русское слово” за 2 декабря 1954 года. См. также: Merle Fainson. *Smolensk under Soviet Rule*, Cambridge, Mass., 1958, p. 157.
- 33 Например, в канун пасхи Каменева разрешила распространять среди евреев мацу, хотя в ее глазах это, несомненно, означало способствовать укреплению тлетворного влияния религии, отвлекающей массы от строительства нового мира. (B.D.Vogen. *Born a Jew*. New York, 1930, p. 336.)
- 34 Были и имена, вскоре ставшие контрреволюционными и смертельно опасными для их носителей, например, Лентрозина (Ленин-Троцкий-Зиновьев).
- 35 Эти настроения получили характерное отображение в ”Тихом Доне” М. Шолохова. Когда красный командир Бунчук обнаруживает, что пулеметчица Анна Погудко еврейка, он не может скрыть удивления: ”Видишь ли, за евреями упрочилась слава, и я знаю, что многие рабочие так думают — я ведь сам рабочий, — что евреи только направляют, а сами под огонь не идут.”

- 36 В.Л. Бурцев. "Протоколы сионских мудрецов". Paris, 1938; стр. 67. Еврейская делегация посещала Троцкого и перед самой Октябрьской революцией, убеждая его отказаться от руководящих ролей в большевистской партии. Ему объясняли, что сколько бы он ни твердил о своем интернационализме, общественное мнение России все равно считает его евреем и ответственность за все его действия возложит на всю еврейскую общину России. В нью-йоркском ивритском еженедельнике "Гаторен" от 2 ноября 1917 года Троцкий и ему подобные названы переодетыми русскими, которых евреи считают чужими, а местное население — евреями. В следующем номере той же газеты Элизер бен-Йехуда указывает, что возвращение Троцкого в Россию сулит бедствия как России, так и евреям.
- 37 О происхождении псевдонима Льва Bronштейна рассказывает в своих воспоминаниях Г.А. Зив. Оказывается, что Троцкий — *фамилия* старшего надзирателя одесской тюрьмы в начале XX века (где Зив сидел вместе с будущим большевистским лидером, которому предстояло прославить эту фамилию). По словам Зива, этот Троцкий представлял собою "впечатляющую фигуру" и отличался непомерной властью, держа в страхе не только заключенных и младших тюремщиков, но и самого начальника тюрьмы. (G.A.Ziv. Trotsky... New York, 1921; pp. 41, 45-46.)
- 38 Юрий Михайлович Стеклов (Нахамкис) (1873—1941) был членом РСДРП с момента ее основания, при расколе примкнул к большевикам, в советское время был членом исполкома Петроградского совета, членом ВЦИК и ЦИК СССР, редактором газеты "Известия", журнала "Новый мир" и т.д. — т.е. одним из первых во втором эшелоне власти. При всей ординарности его отхода от еврейства была в жизни Стеклова одна подробность, заслуживающая упоминания. Он пытался поменять фамилию при трех режимах. В царской России для смены фамилии требовалось ходатайство на высочайшее имя и личное разрешение императора; как выяснилось после революции из архива охраны, Николай II отказал Стеклову (по причинам более чем понятным — ведь и самый закон о смене фамилии был издан против евреев-ассимиляторов). Вскоре после Февральской революции Стеклов ходатайствовал о том же перед Временным правительством — и снова получил отказ, на этот раз по причине прямо противоположной: министр юстиции А.Ф. Керенский объяснял ему, что теперь, когда евреи получили полное равноправие, нужды в смене фамилии нет. Но Керенский, как видно, не понимал чего-то важного, что тотчас поняли большевики; с их приходом к власти Стеклов, наконец, становится Стекловым. (См.: A.Lita'i. Telushim. *Ha-Shiloah*, Odessa, 32 (1917): 495-496.) О том, как далеко шло большевистское понимание нужд Стеклова, говорит тот факт, что в советские справочные издания благодарный и законопослушный сын партии попал под своей *настоящей* фамилией Стеклов, но с упоминанием его *прежней* фамилии Нахамкис.
- 39 См.: The Trotsky Archives, T. 4106; *The New International*, New York, May 1941, pp. 92-93. В первоначальных набросках к статье после этих слов Троцкий пишет еще, что если бы кто-нибудь окликнул его по фамилии отца, он бы даже не оглянулся — до такой степени это имя стерлось из его памяти.

- 40 Это не совсем точно. По крайней мере однажды — в списке комиссаров первого Совнаркома — вслед за партийными псевдонимами вождей даны их подлинные (прежние) фамилии.
- 41 Заметим для сравнения, что когда Абраму Гоцу, одному из лидеров партии социалистов-революционеров, был после Февральской революции предложен министерский портфель во Временном правительстве, он ответил на это твердым отказом: он знал, что самый факт появления еврея на таком посту может нанести ущерб положению русского еврейства. (См.: У.Маог. *She'elat ha-Yehudit ba-Tenu'a ha-Liberalit ve-ha-Mahpkhanit be-Rusia: 1890-1914*. Jerusalem, 1964.)
- 42 Это чувство вины перед трудящимися (самим трудящимся всегда непонятное), было внутренним двигателем не только русских народников XIX века, но и многих еврейских радикалов XX века. Например, английский философ и писатель Артур Кестлер, в бытность свою коммунистом, говорил о грузе вины за его спиной, хотел оставить работу в издательстве — и стать трактористом в Советском Союзе. Его друзьям пришлось поработать, чтобы отговорить его от этой затеи в духе "мелкобуржуазной романтики". Кестлера мучил пролетарский комплекс, он говорил "о мучительной боли всех коммунистических интеллектуалов среднего класса, которые участвуют в [коммунистическом] движении с молчаливого согласия [рабочих], а не по праву". (A. Koestler. *The God That Failed*. New York, 1954.)
- 43 Джеймс Бэрнам, однако, не был евреем, он вышел из образованной, обеспеченной католической среды; он и возразил Троцкому энергичнее прочих. Слова о попытках Шахтмана "руководить ревоуцией из Бронкса", заявил Троцкому Бэрнам, провоцируют антисемитские настроения, потому что в глазах большинства американцев житель Бронкса — это еврей. Оружие, к которому он, Троцкий, прибегает, сродни бумерангу. Разве Троцкий настолько наивен, чтобы полагать, что наша интернационалистическая партия вполне свободна от антисемитизма? Троцкий, писал позже (5 сентября 1971) проф. Бэрнам автору книги, был заядлый спорщик, и в попытках потеснить набравшего авторитет "мелкобуржуазного" Шахтмана не совсем отдавал себе отчет в значении своих аргументов.
- 44 Интересно отметить, что именно интеллектуальная сторона партии была тогда наиболее привлекательная для некоторых партийных лидеров. Дуайт Макдональд писал: "Людей, подобных мне, троцкистское движение привлекало тогда тем, что оно было наиболее революционным из заметных групп левого крыла (я имею в виду, 'заметным' количественно: оно превышало 200 человек), из-за морального шока, вызванного Московскими процессами, из-за высокого уровня движения и, самое главное, из-за того, что во главе его стоял Троцкий, чья карьера показывала, что интеллектуалы тоже могут делать историю." (Dwight Macdonald. *Memoirs of a Revolutionist*. New York, 1957, p. 15.)
- 45 Н.Н. Суханов (Гиммер) полагает, что Троцкий и Ленин были равно необходимы для успеха революции. Троцкий не мог заменить Ленина, но и Ленин не мог заменить Троцкого. По его словам, Ленин был даже готов усту-

пить Троцкому руководство новым правительством (предполагая руководить как правительством, так и страной в качестве главы партии), но Троцкий отклонил это предложение, сославшись на свое происхождение. (См.: Н. Суханов. "Записки о революции". Берлин, 1923.) Сам Сталин высоко отзывался о роли, сыгранной Троцким в революции, — конечно, до того, как между ними началась борьба за власть (см. статью Сталина в "Правде" за 6 ноября 1918 года).

- 46 В точности то же, хотя и с другой расстановкой акцентов, думали сионисты. Например, Макс Нордау писал: "Верно, что и Троцкий, и некоторые из руководителей 'Спартак' в Германии — еврейского происхождения. Но что это за евреи? Они порвали все связи со своим народом, с презрением отвернулись от иудаизма. Нет ничего общего между ними и нами... По какому праву антисемиты возлагают на нас ответственность за их действия? Еврейство выдвинуло Иисуса — разве его почитатели уважают нас за это? Если вы утверждаете, что все представители народа ответственны друг за друга, зачтите нам в качестве оправдания еврейство Иисуса и святого Павла, а также и таких защитников правопорядка, как Биконсфильд, Кремье, лорд Рединг. Отказав нам в этом — вы обесцениваете ваш принцип взаимной ответственности, и тогда мы с презрением возвращаем вам всех ваших Троцких..." (Judaism and Bolshevism. Max Nordau El'Amo, Tel Aviv, 1937, 2: 122-123.) В другом месте тот же Нордау определяет еврейскую страсть к социальной справедливости как атавизм, унаследованный Марксом, Лассалем и другими видными теоретиками социализма. (Zionistische Schriften, Berlin, 1923, pp. 306-307.)
- 47 M. Ribalow. Leon Trotski u-Fakh ha-Efer. *Hadoar* 38, 1931: 631. Другой мемуарист, З. Виславский, отмечает, что колоссальную мощь воздействия Троцкого-оратора на массы можно было понять и почувствовать, только живя в России в ту смутную пору. Отзвук пламенных речей пророков древнего Израиля и Иудеи чудился ему, когда Троцкий взывал: "Слушай, крестьянин! слушай, рабочий! слушайте все страдающие и угнетенные!" — "Тот, кто не слышал Троцкого в Петрограде во время наступления Юденича, когда одною силой своего красноречия Троцкий заставил женщин подтаскивать боеприпасы своим мужьям-рабочим, защищавшим город; кто не слышал речей Троцкого в волжских городах во время битвы с Колчаком; кто не был свидетелем его борьбы против Деникина; кто, наконец, не вобрал в себя хотя бы части яда и враждебности, отовсюду сочившейся в адрес этого 'жидка', — тот никогда не поймет превратностей судьбы этого человека, его взлетов и падений." (Z. Vislavsky. *Eruvei Rashuyot*. Tel Aviv, 1944, pp. 201-202.)
- 48 Троцкий имел в виду рассказ И. Бабеля "Соль". Мещочница говорит казаку, отобравшему у нее пуд соли: "Я соли своей решила, я правды не боюсь. Вы за Расею не думаете, вы жидов Ленина и Троцкого спасаете..." Казак отвечает ей: "За жидов сейчас разговора нет, вредная гражданка. Жиды сюда не касются. Между прочим, за Ленина не скажу, но Троцкий есть отчаянный сын тамбовского губернатора, и вступился, хоть и другого звания, за трудящийся класс. Как присужденные каторжане, вы-

тягают они нас — Ленин и Троцкий — на вольную дорогу жизни, а вы, гнусная гражданка, есть более контр-революционерка, чем тот белый генерал, который с вострой шашкой грозитя нам на своем тысячном коне...” Бабель любил подчеркивать, что его рассказы всегда опираются на реальные происшествия. Он служил в коннице Буденного, участвовал в проигранной красными польской кампании 1920 года, и сцены, подобные описанной, наблюдал в самой гуще народной жизни.

- 49 Great Britain. Parliamentary Debates [Commons]. Official Report, 5th ser., 156:339. Сэр Рональд Сторрс, губернатор Иерусалима в 1920 году, лично знавший Рутенберга, подтверждает этот его совет Керенскому. (R. Storrs. *Orientalism*. London, 1937, p. 488.) Рутенберг не был единственным, кто советовал Керенскому избавиться от Ленина и Троцкого и тем самым подавить революцию в зародыше. П.Н. Милуков, лидер конституционно-демократической партии и министр Временного правительства, на вопрос, что следовало бы сделать с Лениным, лаконически отвечал “повесить”. Так же думала и знаменитая социалистка-революционерка, “бабушка русской революции” Е.К. Брешко-Брешковская, с чьим мнением Керенский считался, — с той разницей, что ее рецепт был таков: собрать всех большевистских лидеров на баржу, вывести ее в открытое море и потопить. (“1917-й год.” “Новый журнал”, Нью-Йорк, N 38, 1954, стр. 204-205.)
- 50 Что тоже, конечно, было преувеличением. Среди 14 руководящих членов ВЧК был один поляк (сам Ф.Э. Дзержинский), два латыша (М. Лацис и Я. Петерс), один армянин (В. Аванесов) и десять человек русских. (Lucien Wolf Archives, dossier 17, folder 113a, items 15628, 15629.)
- 51 Существует не поддающееся пока проверке мнение, что во время чисток 1937—1938 годов процент евреев-чекистов упал практически до нуля. Из руководителей советской тайной полиции только Генрих Григорьевич Ягода (1891—1938), возглавивший ОГПУ в 1934 году и расстрелянный по делу антисоветского право-троцкистского блока в 1938 году, был по рождению евреем. Некоторые авторы называют полуевреем Л.П. Берия, что совершенно бездоказательно. (См.: E.E. Smith. *The Young Stalin*. New York, 1967, p. 136.)
- 52 При жизни Троцкого и в связи с его смертью (в некрологах) много писалось об этой стороне его натуры. Его называли красным Наполеоном, говорили о том, что он первый из евреев после Иисуса Навина обнаружил полководческий гений (G. Steiner. *Language and Silence*. New York, 1967, p. 379). “Нью-Йорк Геральд Трибюн” назвала его (22 августа 1940 года, стр. 9) “одним из величайших еврейских генералов в истории человечества”. Любопытное замечание делает Локкарт, английский дипломат и журналист, возглавлявший в 1918 году английскую миссию в Советской России. Ему часто доводилось беседовать с Троцким; в своем дневнике он записал: “Бар-Кохба, Сын Звезды, князь и вождь иудеев в их войне с римлянами в 132 году, обращался к Богу со странной молитвой: ‘Я не прошу у Тебя помощи нам — не помогай только нашим врагам!’ Почти с теми же словами ко мне ежедневно обращался Троцкий... Был ли Троцкий новым Бар-Кохбой?” (R.

- 53 Штейнман, однако, предпочел в итоге, чтобы "порядок нового мира" водворялся не "через его гибель". Еще в разгар гражданской войны он перебирается из Одессы в Варшаву, а оттуда — в 1924 году — в Палестину. В 1952, в Тель-Авиве, его брошюра была перепечатана (Orlogin 5, 311-316).
- 54 Характерная черта евреев — в любых, даже катастрофических, обстоятельствах отпускать шутки на свой собственный счет. НЭП, шутили в те годы, расшифровывается как *нужна евреям парносе* (заработок), трест — *Троцкий разрешил евреям свободную торговлю*; ВЦИК — *ву цен иди командевен* (где командуют десять евреев); ЧК — *черная карета*. (D.Charhey. *A Yortsendlik Aza, 1914-1924*. New York, 1943.)
- 55 У. Lyons. *Assignment in Utopia*. New York, 1937, pp. 345, 151-152. В течение шести лет, начиная с 1922, Лайонс работал в ТАСС, центральном информационном агентстве СССР.
- 56 Единогласия на этот счет нет. А. Дойчер, автор политической биографии Сталина, полагает, что лично Сталин был свободен от грубых национальных предрассудков (I. Deutscher. *Stalin: A political Biography*. New York, 1968.). Того же мнения держится историк Роберт Конквест; Сталин, полагает он, прибегал к антисемитизму из политических, а не из концептуальных побуждений (R. Conquest. *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*. New York, 1968, p. 76). Однако дочь Сталина, Светлана Аллилуева, говорит, что ее отец "никогда не любил евреев". (S. Alliluyeva. *Letters to a Friend*. London, 1967.)
- 57 Корреспондент лондонской газеты "Джуиш Кроникл" сообщал 15 октября 1926 года из Ленинграда: "Евреи серьезно замешаны в политическом кризисе, очень сложном и опасном, который развивается сейчас в России. В споре со Сталиным еврейские большевики в значительной своей части поддерживают Троцкого... исходя из чего Сталин объявил, что это еврейская, а не русская оппозиция. Сталин, несомненно, возвращается к старому средству: к попыткам утопить оппозицию в еврейской крови; возможно, впрочем, что русские имеют в виду и нечто большее... Что происходило при царе — происходит и теперь. Антиеврейская агитация поощряется и поддерживается; борьба с Троцким может привести к нешуточным погромам."
- 58 The Trotsky Archives, T. 4106. Макс Шахтман (Max Shachtman), бывший в 1930-е годы заметным лидером (троцкистской) Социалистической рабочей партии США (Trotskyite), рассказал автору в 1969 году, как он был шокирован, прочтя эти уверения в "Инпрекоре", вестнике Коминтерна. Он тогда расценил их как вызывающий антисемитский выпад. Во время беседы он припомнил еще, что в 1927 году, в кулуарах Коминтерна, слышал от Радека: "В чем разница между Моисеем и Сталиным? Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин выводит их из коммунистической партии."
- 59 Не только Ярославский, но и Каганович и некоторые другие евреи были

в числе наиболее деятельных приспешников Сталина. По поводу академика Ярославского, открыто лакействовавшего перед Сталиным, Троцкий отпустил следующую язвительную реплику, построенную на игре слов: во времена царя Давида, писал он, хроникером был человек по имени Гад; неизвестно, был ли он академиком, но академик Ярославский несомненно происходит от этого Гада по прямой линии. (Bulletin of the Opposition, no. 77-78.)

- 60 Троцкий пишет о "прямо фашистских элементах на улицах Москвы", пришедших на помощь сталинскому аппарату. (L. Trotsky. *My Life*, p. 534.)
- 61 Интересно, что Троцкий, по-видимому, проглядел антисемитские нюансы самых первых из инсценированных Сталиным процессов: Шахтинское дело (1928) и Дела промпартии (1930); между тем, и там они были налицо. Но, можно допустить, он заметил эти зловещие признаки — и сознательно не подал голоса: так невероятна была тогда мысль о том, что социализм совместим с антисемитизмом. Троцкий мог думать, что ему просто никто не поверит. Что касается суда над меньшевиками в 1931 году, то Троцкий сначала поверил их вымученным признаниям, чем повредил и своей позиции, и своей последующей борьбе за разоблачение антисемитизма Сталина: в 1937 году его противники, возражая ему, ссылались на его же слова 1931 года.
- 62 The Trotsky Archives, T. 4106; *Fourth International*, December 1945, statment 1. — Нью-Йоркская еврейская газета "Дер Тор" устроила 21 февраля 1938 года симпозиум, на котором Троцкий сказал, что бюрократический централизм немислим без шовинизма, а антисемитизм всегда был кратчайшим путем, путем наименьшего сопротивления для прокладывающего себе дорогу шовинизма.
- 63 В письме к автору от 13 июня 1969 года Гольдберг вспоминает об этом времени в следующих словах: "Насколько я помню, во время первых процессов, связанных с чистками 1930-х годов, Троцкий жил в Мексике. Он дал интервью для печати о том, что за процессами кроется антисемитизм. В качестве главного редактора "Дер Тор" я послал ему телеграмму с просьбой высказать свои обвинения в виде специальной статьи для нашей газеты. Его представителю в США, молодому еврейскому троцкисту, я сказал, что за эту статью ему будет выплачен обычный гонорар. Троцкий не ответил на мою телеграмму." О своей статье, цитированной нами, Гольдберг, по-видимому, не помнил.
- 64 Этот эпизод допроса Розенгольца, видимо, задел Троцкого. По его мнению, упоминание "религиозного талисмана жены Розенгольца" — выходка в духе известного Г.Е. Распутина, состоявшего в качестве юродивого-пророка при последней русской императорской чете: от этой выходки так же несет разложением. (A Key to the Russian Trails. Forward [Scottish] 16 April 1938.)
- 65 На своей четвертой конференции в мае 1901 года в Белостоке Бунд определил свое отношение к сионизму в следующей резолюции: "Конференция считает сионизм реакцией буржуазии на антисемитизм и на юридически

ненормальное положение еврейского народа. Конференция считает, что конечная цель политического сионизма, заключающаяся в обеспечении еврейского народа территорией, способной абсорбировать только часть евреев, является делом второстепенным и не может решить еврейского вопроса; если же предполагается поселить на этой территории весь еврейский народ или большую часть его, то сионизм — нереализуемая утопия. Конференция считает, что сионистская агитация разжигает национальное чувство и мешает развитию классового сознания. Что касается культурной деятельности сионистских групп, то отношение конференции к ней такое же, как и к любой другой легальной деятельности. Однако ни в коем случае нельзя допускать сионистов в нашу экономическую и политическую организацию.” (Die Geschichte fun Bund, 1: 183.)

- 66 Ленин. "Положение Бунда в партии". "Искра" N 59, 19 и 20 февраля 1904. Есть указания, что Ленин несколько изменил свою позицию после обнародования декларации Бальфура (2 ноября 1917): признал принцип территориализма для евреев вне Советской России; внутри же этой страны, считал он по-прежнему, евреев ждет полная ассимиляция. (B.Z.Katz. *Zikhronot*. Tel Aviv 1963, p. 263.)
- 67 М.Новомейский, один из известных членов партии социалистов-революционеров, вспоминает, что Троцкий присутствовал на заседаниях VI Сионистского конгресса в качестве гостя. (M.A.Novomeisky. *Mi-Yam ha-Baikale-Yam ha-Meleh*. Tel Aviv, 1958, p. 111.) Это подтверждают и другие авторы (напр., M.Jarblum. *Soixante ans de probleme juif...*, Paris, 1964, p. 18).
- 68 19 декабря 1903 года, в Париже, в Нордау стрелял еврейский студент из России Хаим Зелиг Лубан, — так он выразил свое несогласие с Угандийским проектом Герцля и Нордау. Между прочим, Троцкий был знаком с некоторыми сочинениями Нордау, и, будучи в сибирской ссылке, опубликовал о них критический очерк в "Восточном обозрении" за 1901 год.
- 69 Упомянутый товарищ Натан — повидимому, Герш Мендль, член ЦК партии Поалей Цион, близко стоявшей к "левой оппозиции", т.е. к троцкизму; Натан — партийная кличка Мендля. Мендль умер в Израиле, но в его архиве нет писем Троцкого. Другим своим поставщиком информации о Палестине Троцкий называет некоего Штейна, также симпатизировавшего "левой оппозиции". Можно было бы допустить, что речь идет об известном палестинском адвокате М.Штейне, которого иногда называли троцкистом; однако редактировавшийся им ивритский еженедельник "Ха-Ор" был скорее проталинского толка; ссылок на Троцкого в нем нет. Не исключено, что переписка с Натаном и Штейном находится в закрытой части архива Троцкого.
- 70 Автор не нашел никакого подтверждения этому сообщению Мендля. Нет его, в частности, в "Клоркайте", органе еврейской группы, связанной с левой оппозицией, выходившем с апреля 1930 года по январь 1931 года.
- 71 Мендль был до конца последователен в своих выводах: "После долгих

поисков и размышлений я пришел к выводу, что сегодня только еврейский рабочий в Израиле в состоянии бороться за социализм, ибо только в Израиле еврейский народ соберется и начнет создавать новую жизнь, а в ней рабочим будет принадлежать ведущая роль. Я решил присоединиться к рядам пролетарского сионизма.” (H. Mendl. *Zichrones fun a Yidishen Revolutsioner*. Tel Aviv, 1959.)

- 72 Отметим, что если Троцкий сделал лишь шаг в этом направлении, то один из старейших социал-демократов, П.Б. Аксельрод, прямо защищал идею еврейской иммиграции в Палестину.
- 73 Таковых было немного. В статье “Шаг в сторону социал-патриотизма” (*The New International*. July 1939) Троцкий упоминает “письмо палестинских товарищей”, под которым в качестве подписи значилось: “группа палестинских большевиков-ленинцев”. Имена не упомянуты потому, что в подмандатной Палестине все коммунистические фракции были на нелегальном положении. По-видимому, это была очень небольшая группа. Возможно также, что в нее входили не только евреи — это можно заключить из упоминания Троцким арабов, стонущих под гнетом колониализма (L. Trotsky. *What Next?* New York, 1932, p. 105).
- 74 В числе искренних интернационалистов хочется упомянуть Вальтера Ратенау (1867—1922), еврейско-немецкого государственного деятеля, промышленника и философа. В годы первой мировой войны он показал себя ревностным немецким патриотом. Он не закрывал глаза на специфичность положения еврея в немецком обществе; он писал: “В жизни каждого немецкого еврея наступает момент, когда он с болью вспоминает всю свою жизнь и впервые осознает, что он вошел в мир как гражданин второго сорта и что никакие способности и заслуги не освободят его от этого.” Вместе с тем о евреях Ратенау писал следующее: “Евреи перестали быть народом и никогда вновь не станут таковым. Усилия сионистов — атавизм. Еврейские интеллектуалы утратили всякое национальное чувство, они признают только индивидуальность, — и в будущем не будет национальностей, будут индивидуальности... Единственное, что связывает меня с евреями, это даже не чувство к близким, а чувство к предкам. Но не слишком ли этого мало? Человек, ненавидящий французов или русских, причиняет мне такую же боль, как антисемит... Но не строить же смысл своей жизни на этих *анти*, т.е., собственно, на ненависти! Нет, мы окончательно утратили национальное чувство...” (H. Bolitho, ed. *Twelve Jews*. London, 1934, p. 205.) Раппальский договор с Советской Россией, подписанный Ратенау от имени Германии (в 1922 году он был министром иностранных дел этой страны), стоил ему жизни: он был убит членами террористической организации “Консул”.
- 75 9 октября 1939 года “Известия” писали в связи с этим в редакционной статье, что систему политических взглядов Гитлера можно уважать или ненавидеть, как любую другую: это дело вкуса. Но начать войну против гитлеризма означало бы допустить преступное политическое безрассудство.
- 76 С другой стороны, сам Гитлер высоко ценил Троцкого. Как-то он спро-

сил своих приспешников, что они думают об автобиографии Троцкого. Выслушав их дежурные слова о том, какое отвращение внушает им книга, написанная евреем, он неожиданно возразил: "А я многому научился из нее, и вам бы это не помешало." (K. Heiden. *Der Fuehrer: Hitler's Rise to Power*. Boston, 1944, p. 308.) Гитлер постоянно помнил о Троцком — и Троцкому это, по-видимому, импонировало. Не даром в одной из своих работ он (Троцкий) подробно разбирает встречу Гитлера с французским посланником Кулондром, во время которой было в лестном контексте упомянуто его имя. Троцкий пишет, что Гитлер, брызжа слюной, хвастался своим "реалистическим пактом" со Сталиным и предостерегал против пролития французской и немецкой крови, на что Кулондр ему заметил, что в случае войны истинным победителем будет Троцкий. (L. Trotsky. *In Defense of Marxism: Against Petty-Bourgeois Opposition*. New York, 1942, p. 32)

77 В то время как в предчувствии катастрофы европейского еврейства Троцкий инстинктивно становится ближе к выдвинувшему его народу и даже исходит из не слишком свойственных этому вождю соображений гуманности, — Сталин остается тверд и последователен в своем отношении к евреям: внутренних он ставил себе целью запугать и подавить, внешних — водить за нос или не замечать. Сразу после прихода Гитлера к власти в органе Коминтерна "Инпрекорре" (от 15 сентября 1933, "Письмо из Берлина") промелькнула не то циничная, не то злорадная реплика о том, что теперь евреи Германии могут смотреть в будущее с надеждой — если только у них есть деньги. Советские газеты писали об угнетении трудящихся, например, в Канаде, — и не хотели знать о совершающемся вблизи советской границы немецком геноциде польских евреев, о кровавом подавлении сопротивления в Чехословакии (эти факты Троцкий сопоставляет в одной из последних своих статей: *The Twin-Star: Hitler-Stalin*. *Liberty*, 27 January 1940). Троцкий, не одобрявший террора одиночек, находит в себе какое-то сочувствие к Г. Гриншпану, убитому в ноябре 1938 года в Париже нацистского дипломата — в надежде привлечь внимание западной общественности к бедственному положению своих соплеменников в Польше, — Сталин и тут видит лишь происки троцкистов, желающих спровоцировать еврейские погромы в Германии и тем послужить левой оппозиции. (For Grynspan: *Against the Fascist Pogrom Gangs and Stalinist Scoundrels*. *The Trotsky Archives*, T.4514.)

78 Charles E. Coughlin, католический священник из Детройта, прославился своими нападениями на евреев в 1937—1938 годах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Александр Воронель. <i>Вступительная статья</i>	1
В в е д е н и е	1
1. Еврейская среда в России как инкубатор революции.	16
2. Еврейское окружение Троцкого	26
3. Наваждение погрома	44
4. Что можно усмотреть из дела Бейлиса	60
5. Борьба с Бундом	68
6. Отношение к иудаизму и евсекции	81
7. Еврейские подразделения в Красной Армии.	90
8. Еврейские комплексы Троцкого.	95
9. Еврейское участие в Октябрьской Революции.	108
10. Карьера Троцкого в глазах евреев	131
11. Антисемитизм как оружие в борьбе за власть	135
12. Московские процессы.	148
13. Сионизм — “трагический мираж”.	156
14. Биробиджан — “бюрократический фарс”	171
15. В роли еврейской Кассандры.	180
16. В горниле истории	185
<i>П р и м е ч а н и я</i>	191

«Троцкий вполне мог бы стать диктатором в России, если бы он не был евреем. Но он был еврей и никакие силы не могли это отменить. Какая страшная трагедия для человека, который отказался от своей семьи, отрёкся от своего народа и оплевал религию своих отцов для того, чтобы сллотить евреев и гоев в едином порыве разрушительной ненависти!»

Сэр Уинстон Черчилль

ТРАГЕДИЯ ТРОЦКОГО

«Троцкие делают революции, а Бронштейны за это расплачиваются.»

Яков Мазе,

Главный раввин Москвы.